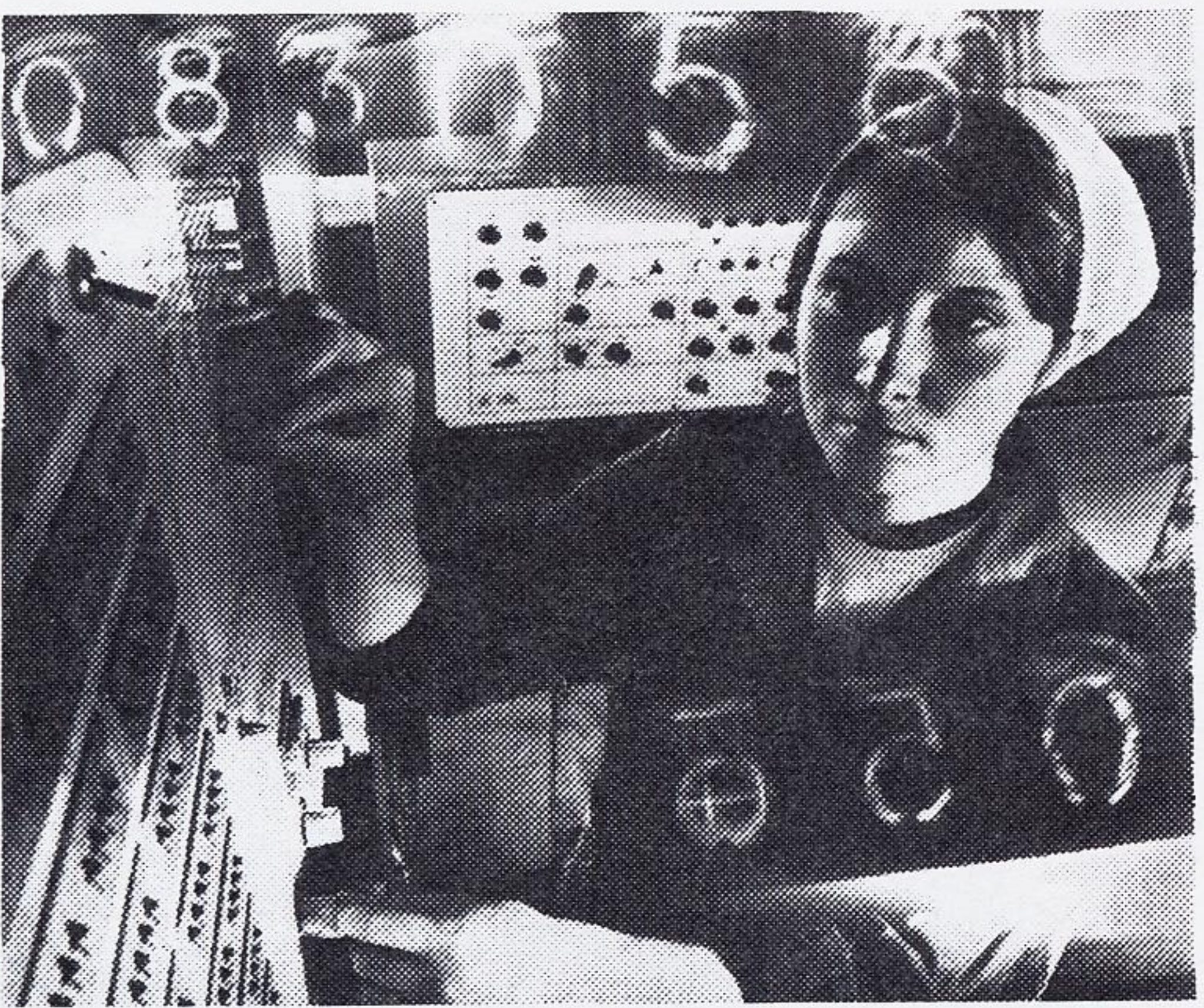
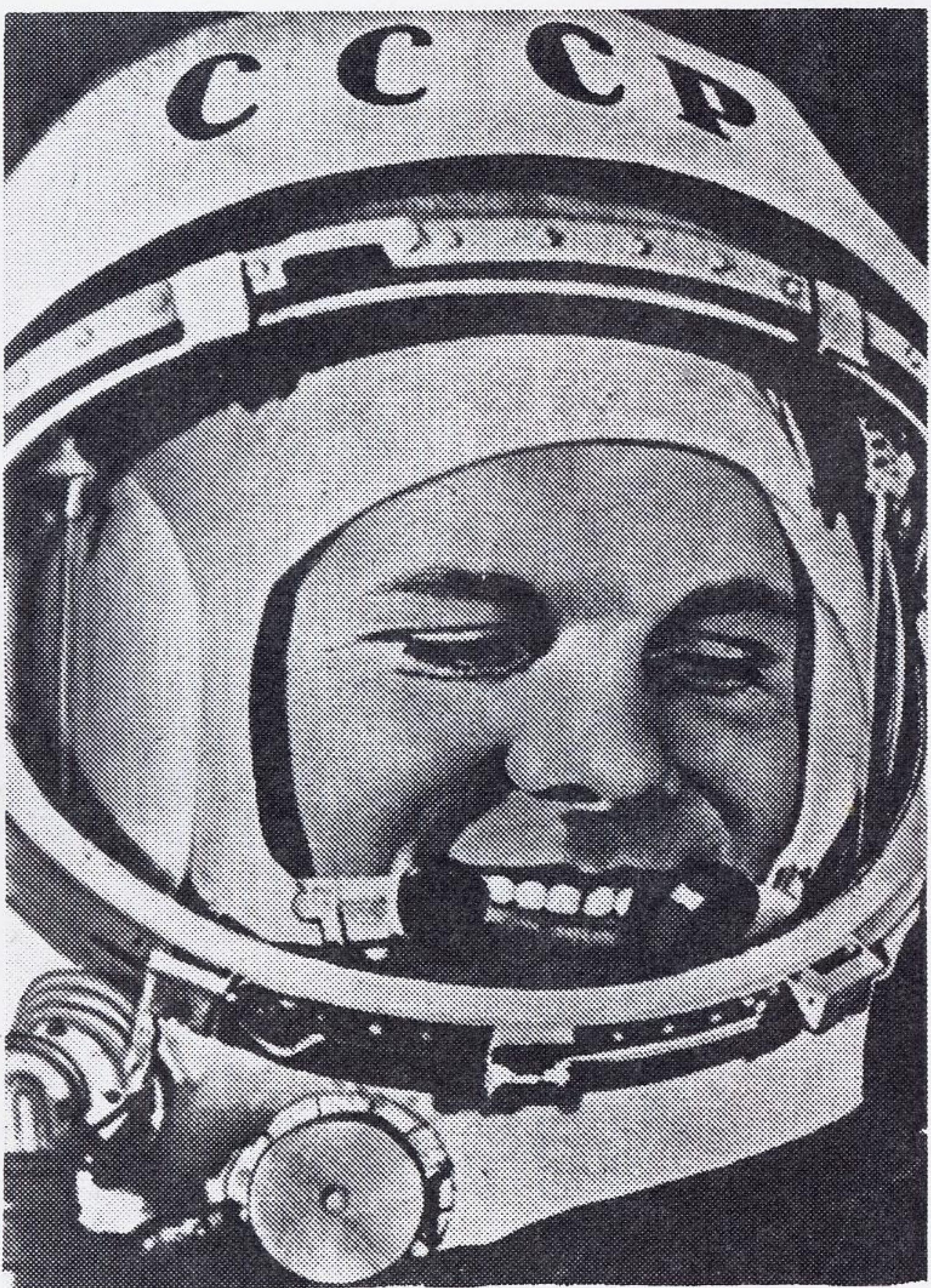

ПИОНЕР 1

1986

Здравствуй, новый 1986-й!

Разноцветными огнями вспыхнули новогодние елки. Ярko горит красная звезда на самой большой из них — в Кремлевском Дворце съездов. 1985 год стал историей. Хороший, добрый был этот год для страны, для каждого из нас. Вместе со всем народом ты отмечал 40-летие Великой Победы, встречался с ветеранами былых боев и походов, стоял в почетном карауле у огня Вечной славы. Тебе очень хотелось быть похожим на тех, кто грудью защищал наше Отечество в победном 45-м году, кто водрузил победоносное знамя над рейхстагом. Вместе со всеми ты следил за XII Всемирным фестивалем молодежи и студентов в Москве. Это был самый представительный форум молодежи планеты. На нем полноправными делегатами были пионеры разных стран мира. Они голосовали за то, чтобы над землей никогда не гремели взрывы атомных и водородных бомб. «Война — это преступление против детства!» — так заявили участники слета юных борцов за мир.

Сегодня мы вспоминаем подвиг бамовцев, закончивших строительство магистрали века, отважных моряков «Сомова», попавшего в ледовый плен, строителей нового атомохода «Советская Россия», всех тех, кто своим трудом укреплял могущество Отчизны. Пионеры тоже не сидели сложа руки и чем могли, как говорил Гайдар, помогали взрослым. И за это комсомол говорит всем юным ленинцам огромное спасибо.

Мы шагнули в новый, 1986 год, в год, который навсегда останется в истории нашей партии и советского народа. Это год XXVII съезда КПСС, на котором будет принята новая редакция Программы партии. Именно вам, сегодняшним пионерам, предстоит быть активными участниками великой стройки, которая идет в стране.

1986 год — это Международный год мира, объявленный ООН. Вместе со взрослыми вы будете еще активнее отстаивать самое священное на земле — мир.

В 1986 году, первом году пятилетки, мы будем отмечать знаменательный день, 12 апреля, когда четверть века тому назад Юрий Алексеевич Гагарин, занесенный в Книгу Почета пионерской организации, впервые вырвался в космос. 108 минут полета потрясли воображение всех людей планеты. Так началась новая космическая эра.

Пионер — не посторонний наблюдатель всего того, что происходит на нашей земле. Юный ленинец — активный помощник своих вожатых, старших товарищей. Вместе с отрядом ты шагаешь маршрутами Марша «Революционный держим шаг!».

Помни: ты должен вырасти настоящим гражданином своей Родины.

От высоты к высоте готовь себя к заветной цели — вступлению в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Будь всегда готов к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза!

«Я — «Колос»»

Кто не провожал взглядом состав, в котором на двухэтажных ажурных платформах красуются новенькие, какие-то игрушечные «Жигули». А видели ли вы поезд, груженный широкогрудыми самоходными комбайнами,— есть нечто фантастическое в этом полете степных кораблей по рельсам.

Мне иногда кажется, что всякий товарный эшелон — прислушайтесь! — отбивает свой собственный речитатив на чутко вздрагивающих стыках.

Волжский говорок:

— Жи-гу-ли, Жи-гу-ли, Жи-гу-ли...

Дробный перестук отбойного молотка:

— Я ве-зу ан-тра-цит, я ве-зу ан-тра-цит, я ве-зу ан-тра-цит...

Звуки короткие, как позывные рации:

— Я — «Колос», я — «Колос», я — «Колос»...

нее с места не стронется, вот какая она важная.

Надо своими глазами увидеть, как работает Галуза. Ни одного лишнего движения, губы собраны в строгую складку, глаз прищурен, как у снайпера. «Паренек-поршенек» к себе особого внимания требует: обрабатывается деталь до зеркальной поверхности, по высшему, десятому классу чистоты. Ювелирная чистота!

Хорошего токаря можно назвать ваятелем по металлу. Из грубой, с зазубринами и заусенцами отливки — стальной ли, медной, алюминиевой — он с помощью острого резца выточит деталь, в которой учтены не десятые (это еще что!), но сотые доли миллиметра. Представляете, какой зоркостью надо обладать, с какой микроскопической точностью заточить режущий инструмент! И станок-однокашник должен быть налажен, как часы.

Вот что такое хороший токарь.

Диния жизни

Не знаю, может быть, это слышится только мне. Но когда я об этом сказал Виктору Дмитриевичу Галузе, он за чудака меня не принял.

— Каждый «Колос» имеет свой голос,— пошутил Галуза.

И рассмеялся.

Так мы сразу нашли общий язык.

Про «однокашника» и «паренька-поршенька»

Когда я поближе познакомился с Галузой, то увидел, что человек он по натуре легкий, охочий на выдумки. Например, свой токарный станок ИК-62 по созвучию цифры и буквы он весело называет:

— Мой «однокашник».

Так разве что к закадычному товарищу обращаются, не правда ли?

Я невольно улыбнулся: а чем не однокашник? По цеху, по профессии, по профилю работы. Да и вместе, бок о бок, сколько лет!

Деталь, которую Галуза делает на своем «однокашнике» — поршень гидроцилиндра, — он тоже окрестил с юмором:

— «Паренек-поршенек».

И холодная стальная деталь сразу стала теплой, живой, домашней.

«Паренек-поршенек» по своим размерам скорее «мальчик с пальчик», деталька-невеличка, на детской ладошке уместится. Но комбайн «Колос» без

Выбор профессии

Во времена его детства все мальчишки Таганрога мечтали быть моряками. Обязательная тельняшка, перешитые широченные клеши и походка, разумеется, с этакой небрежной перевалочкой, словно под ногами не горячий городской асфальт, а палуба.

Из окон дома видна была зеленая гладь бухты. На ней, точно лепестки, — паруса яхт, дальше — силуэты кораблей дальнего плавания, а еще дальше — такая далекая и близкая линия горизонта...

Что, он хуже других мальчишек и разве его не зовут еще не открытые проливы, моря? Пассаты, муссоны, коралловые острова... Виктор Галуза знал наперечет все корабли, которые заходили в порт.

Отец, потомственный токарь комбайнового заво-

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»

да, согласно кивал головой, когда сын делился своими планами:

— Кому что. Мне так делать степные корабли, а тебе плавать на морских.

Молодец, батя! Все с полуслова понимает.

И брат, и четыре сестры прыгали вокруг Виктора: «Эй, моряк, красивый сам собою...» Отец гладил сына по волнистым кудрям. Руки его отдавали сладковатым духом машинного масла. Этот запах сызмальства запомнил.

Пришло время — Галуза окончил Таганрогский судомеханический техникум, плавал и ремонтировал суда на Дальнем Востоке. После армии вернулся в родной город — на побывку.

— Ну как, батя, дела на работе?

— А зайди в цех...

Зашел, осмотрелся. Вот так простор! Чего счастья вдалеке искать? Разве он, классный механик, не найдет здесь себя? Отец на заводе вырос, мать, сколько себя помнит, — на заводе... Решай, Виктор!

И он решил: остаюсь!

— Вот так с морских кораблей, — рассказывает Виктор Дмитриевич Галуза, — переключился на степные. Почти тридцать лет назад.

— Не жалеете?

— Нисколько. Выбор окончательный.

Вожак

Вообще-то Галуза неразговорчив. Бросит пару слов, пошутит, замкнется в себе. Куда больше о нем я узнал от товарищей по работе. В партийном комитете завода о Галузе говорили как о вожаке коммунистов цеха и уже с многолетним стажем. Сто партийцев под началом. О каждом знать надо, каждого суметь повести за собой. Одно дело призывать людей лучше трудиться, другое — личным примером заразить, высокие нормы сделать привычными, всем доступными. Комиссар в атаку первым идет, так повелось. Партийный вождь на

производстве тоже должен чувствовать себя в «атаке» — человеку робкого десятка эта должность не по плечу.

Правда, Галуза рядовой токарь, но кто сказал, что на этой работе можно отсидеться, как в тесном закутке, чуждаться смелой мысли. Не только руки — душа обязана трудиться! Чего-чего, а изобретательности ему не занимать. Простые вроде бы вещи он придумывает, а поди ж ты... Испокон века на участке обрабатывали деталь с помощью двух операций. Сначала резец запускается, затем — выглаживание поверхности алмазом. А если совместить операции? Прямая выгода, любой поймет. Но как? Тут-то и пораскинь мозгами, прояви инженерную смекалку!

Сколько ватмана перепортил! Наконец в чертеже нашел решение. Но чертеж — бумага! Воплоти мысль в металл! Придумал Галуза интересную державку — она цепко держит алмазный и металлический резцы. И вот эти резцы одновременно с двух сторон обрабатывают отливку «паренька-поршенька», приводят его в надлежащее состояние. Удалась державка на славу! Не подвела. Сейчас поглядишь, как споро операция выполняется, и удивляешься: неужто раньше было иначе? На станкостроительном заводе, где «однокашника» сделали, до этого не додумались. А вот токарь Галуза додумался. Теперь к каждому такому станку приспособили галузовскую державку.

Вот коммунисты цеха на своем партийном собрании ведут разговор о том, чтобы побольше металла сэкономить. Много его в стружку уходит. Негоже такое. Горячатся, спорят. Слушает Галуза товарищей, а тем временем на листке бумаги рисует свой поршень. Толщина такая-то, высота такая-то. Эге-ге, термисты, которые подают в цех заготовки, довольно расточительны. А что если высоту заготовки, скажем, уменьшить... ну... так, так, так... на миллиметр? Всего на миллиметр! Что получим? А вот что получим: экономия в год — тонна алюминия. Из тонны можно дополнительно сделать двадцать тысяч поршней.

Строг Галуза, непримирим к бракоделам. Увы, есть еще такие на заводе. Поэтому и случаются огрехи: выходит иногда комбайн из заводских ворот, а в нем — изъян. Самим комбайнерам на поле

приходится его устранять. Такого быть не должно, говорит Галуза.

— Товарищи коммунисты, — поднимается с места он, — есть такое предложение, я вот тут сейчас прикинул...

Слушают Галузу, соглашаются.

Отлично! Так и запишем в решении партсобрания.

Галуза тут, Галуза там...

— Мы сейчас отправляем на поля комбайн «Колос» марки КМ-1. Он намного лучше прежнего. Двойная очистка зерна, более высокие намолоты, — рассказывал мне Виктор Дмитриевич. — Комбайнеры довольны. Благодарят нас: мол, постарались, ребята, спасибо. Вы пройдите по цехам, посмотрите, как мы свой «Колос» делаем.

И я пошел по цехам, а их здесь ни много ни мало — десятки.

Вот прихожу в один цех, гляжу, как собирают комбайн, интересуюсь тем, сем. Спрашиваю: «А кто у вас передовик?»

— Вы с Галузой познакомьтесь.

— Я с ним знаком.

— Это другой. Вы с нашим познакомьтесь.

Не будешь же писать о двух однофамильцах сразу. В следующий цех шагаю. Интересно! Не цех — целый город под крышей.

— А кто лучше всех работает? — спрашиваю.

— Э, сразу всех не назовешь. Вот, если хотите, поговорите с Галузой.

Что за наваждение! Подшучивают, что ли, надо мной: Галуза да Галуза. И уж совсем почувствовал себя обескураженным, когда и в двух следующих цехах мне называли ту же фамилию, не выдержал:

— Да что вы, все сговорились? Я с Виктором Дмитриевичем Галузой хорошо знаком. Остальные — это его однофамильцы?

— Зачем — однофамильцы? Одна семья. Династия! А в ней четырнадцать человек — все на заводе работают.

— А сейчас какого Галузу мне предлагаете?

— Сергея. Сына Виктора Дмитриевича.

— Он кто? — спрашиваю.

— Сергей? Токарь. Бригадир комсомольско-молодежной бригады.

Токарь, сын токаря

На заводе — тридцать комсомольско-молодежных бригад. Лучшая — которой руководит Сергей Галуза.

Делают тут деталь по имени колпак для тормоза. Шесть человек в бригаде. Одни нарезают канавку в колпаке, другие вытачивают ее. Конечно, не все одинаково быстро работают. Зина Бушманова и Галя Чернолуцкая еще совсем молодые токари. Металлисты, что называется, «зеленые». А нормы высокие, колпаков уйма требуется. Успевай поворачиваться! И Сергей-то — что поделаешь — порой вертится, как белка в колесе. Он-то металлист отменный, в отца. Свою операцию выполняет — либо-дорого посмотреть. Но еще надо выкроить время, чтобы девчатам помочь. Подсказать, что да как. Одной поможешь резец поставить, другой — станок наладить.

— Что, девчата, часто режущий инструмент меняете?

— Тупятся скоро, вот и меняем. Отливки идут завышенной твердости.

Это его самого тревожит. Никуда не годится. Десять раз порою надо резец менять вместо четырех. Позже он скажет об этом на комсомольском собрании. Руководители цеха, где готовят отливки, учтут критику... Помаленьку дело налаживается, но тут же возникают другие проблемы. Ох, нелегко быть бригадиром, да еще когда у тебя вымпел победителя!

Колпаки для тормоза исправно поступают в сборочный цех. Там довольны: бригада Сергея Галузы не подведет!

Честь фамилии

Сергей удивительно похож на отца. И повадками, и прицельным, как у снайпера, прищуром глаз, и твердой складкой губ. Яблочко от яблони далеко не падает.

Младший Галуза шесть лет на заводе, но завод с детства вошел в его жизнь. Как соберется вся семья за столом, так только и разговоры о метчиках, фрезях, суппортах... У всех вроде свои собственные заботы, а на поверку одна, общая заводская забота. Почти все металлисты — фамильная профессия, — а металл, если его тайны постигнешь, как магнит притягивает.

Общая забота заводская — комбайн «Колос». Возвращаются, бывало, с отцом из кинотеатра, а кино как раз из сельской жизни. Отец непременно заметит:

— Видал, наши «Колосы» показали.

Или на рыбалку отправятся. Отец увидит вдали судно — усмехнется:

— Чисто идет. Что тебе комбайн на жатве...

Так постепенно Галуза-старший вводил сына в близкий ему мир.

И Сережа долго не раздумывал, куда идти после школы. Куда же еще — на комбайновый, конечно!

А вскоре молодой токарь возглавил комсомольско-молодежную бригаду. Сейчас и не скажешь, кто больше тогда волновался, отец или сын. В обеденный перерыв Виктор Дмитриевич — прямо хонько в соседний цех. Издали глядит, доволен. Шесть станков, рядышком. Трое парней, три дев-

чушки. Ничего вроде, дело идет. Все же не вытерпит, подойдет поближе:

— Молодежь, какая помощь нужна?

— Да не переживай ты, батя. Порядок у нас.

Что нравится старшему Галузе в сыне? Сергей видит свое назначение бригадира не только в том, чтобы научить девчат и парней хорошо работать, чистенько, комар носа не подточит, обрабатывать детали. Этому в конце концов научить можно. Привить вкус к профессии, воспитать гордость за профессию, осмыслить ее как главную в жизни — вот что важнее. А то как бывает: работает человек «по металлу», а на уме другое: где бы дело почище да полегче найти. Младшему Галузе такие люди не по душе. Чужие они ему. В бригаде таких у него нет. Вообще Сережка молодец. Сам футболист, сорвиголова. Своих парней приохотил к футболу. А с девчатами, как время выдастся, — на волейбольную площадку. Он за спорт в цехе отвечает, по комсомольской линии. И не так, как иногда бывает: поставил «галочку» — все в порядке. Э, нет. Да вот хотя бы на последних заводских соревнованиях футбольная команда цеха заняла третье, а волейбольная — второе место. Без спорта Сережа не мыслит себя. Ну и ребята за ним хоть в огонь, хоть в воду.

Станки в бригаде как с иголки. Чего-чего, а расхлябанности Сергей не выносит. И тоже в отца сметливостью: вечно что-то кумекает, улучшает, придумывает. Пятилетнее свое задание бригада выполнила намного раньше, чем другие. На несколько месяцев время опережают.

...В тот день, когда я уезжал из Таганрога, у старшего Галузы был примечательный день. Пяти-миллионную деталь на своем «однокашнике» вытачивал. Как-никак юбилей. Да и рекорд своего рода. Это значит — не было в заводской жизни Виктора Дмитриевича дня, чтобы не перевыполнял он норму в полтора раза.

— Молодец, батя, — поздравил отца Сергей.

— Поработай с мое! — коротко отозвался Галуза-старший.

У проходной они разошлись. Виктор Дмитриевич спешил в партком, Сергей в комитет комсомола. Дела, дела! У одного по партийной, у другого — по комсомольской линии. Но это одна линия, неразделимая и прямая. Ей верно следуют два токаря. Отец и сын. Коммунист и комсомолец.

Юрий КРУТОГОРОВ

Рамуте СКУЧАЙТЕ,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Литовской ССР

ХЛЕБ

Когда хлеба вдоволь,
Не помнишь о нем ты.
Подумаешь —
Недоеденный ломтик!
Хлеб на тарелке
Всегда под рукой,
Любой ломоть
На тарелке — твой!

Но думал ли ты,
Жуя на бегу,
Что сам родиться
Я не могу?

Работают в поле
Люди упорно,
Чтоб вызрели в колосе
Желтые зерна.

Сто раз
Поклониться
Надо земле,
Чтоб хлеб
Ежедневно
Был на столе.

* * *

Ты сыт и обут,
Ты растешь в тепле.
А сколько
Голодных детей
На Земле?

Не знаешь? Я знаю.
На нашей планете
Еще умирают
От голода дети.

Их —
Тысячи тысяч.
Но хлеб —
У богатых.
Не может
Купить меня
Мальчик в заплатах.

Но верю:
Время такое наступит,
Когда я всем детям
Буду доступен.

* * *

Волнуется поле,
Колышется рожь.
Ты медленно полем
Цветущим идешь.

Волнуется поле.
Шумит,
Словно море.
Здесь
Хлеб твой насущный
Растет
На просторе.

В тяжелом труде
Рождены караваи.
И полюшку-полю
Конца нет и края.

* * *

В твоей руке —
Как воплощение жизни —
Насущный хлеб
От матери-Отчизны.

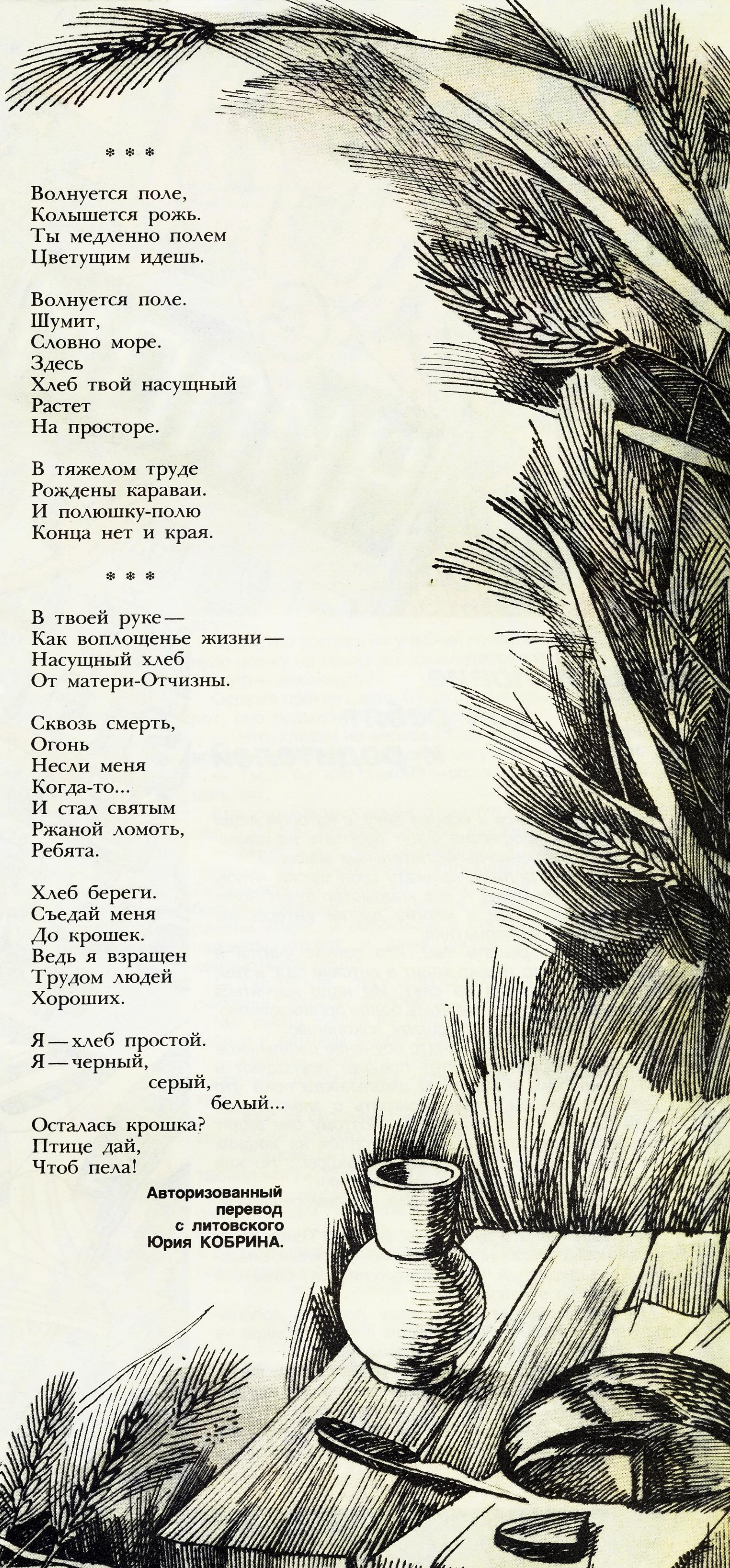
Сквозь смерть,
Огонь
Несли меня
Когда-то...
И стал святым
Ржаной ломоть,
Ребята.

Хлеб береги.
Съдай меня
До крошек.
Ведь я возвращен
Трудом людей
Хороших.

Я — хлеб простой.
Я — черный,
серый,
белый...

Осталась крошка?
Птице дай,
Чтоб пела!

Авторизованный
перевод
с литовского
Юрия КОБРИНА.

Предисловие для ребят и родителей

Мы приближаемся к новому веку, в котором люди самых разных профессий будут работать на компьютерах — электронно-вычислительных машинах.

Как человек должен излагать свои мысли, чтобы его понял компьютер? А как компьютер будет понимать человека? Эти и многие другие интересные задачи ставит информатика.

Их придется решать тем, кто сейчас учится в школе, и тем, кто только ходит в детский сад, и тем, кто еще не родился на свет. Им надо научиться мыслить более точно, работать более организованно, чем это удастся нам, старшему поколению.

В этом году впервые начато обучение школьников основам информатики. Этот предмет преподают в 9—10-х классах, а младшим школьникам пока что удастся в лучшем случае поиграть с электронной игрушкой или с калькулятором. Поэтому они видят лишь внешнюю сторону дела: дисплей, на жидких кристаллах, кнопки, мелькающие цифры... Но как передать им важные идеи информатики?

Мы думаем — в игровой форме, на примере сказок, стихов и головоломок.

Интересно ли это будет вам, ребята? Понравится ли вам новый сказочный персонаж — веселый,мышленный и задиристый Чип из калькулятора? Ответьте «Пионеру» на эти вопросы.

Мы рассчитываем и на вашу помощь, дорогие родители, и ждем от вас и ваших детей откликов на этот раздел и полезных предложений.

И еще — последнее. Товарищи родители, не прячьте от ребят калькулятор: эта игрушка гораздо нужнее им, чем вам. И не бойтесь, что они разучатся считать. Калькулятор, особенно программируемый, учит не только считать, он учит думать.

ЧИП из калькулятора

Сережа сидел за столом, уныло глядя в тетрадь по математике. Время от времени он вздыхал и чесал за ухом шариковой ручкой. Тщетно! Задача не решалась, и помощи ждать было неоткуда.

Сережа открыл ящик стола и достал оттуда маленький красивый калькулятор, который ему подарила бабушка на день рождения. Вообще-то в школе не разрешали делать уроки на калькуляторе: «Считать разучитесь». «Ну ладно,— решил Сережа,— я чуть-чуть на калькуляторе попробую, а если получится, я потом сам пересчитаю, честное слово».

Но и это не помогло. Сережа нажимал все цифры, складывал, вычитал и умножал, но все равно задача не решалась. «Вот дурацкая машина,— разозлился он на калькулятор,— только и знает, что цифрами мигать, а задачу решить не может».

И тут Сереже пришла в голову заманчивая мысль. Как было бы интересно разобрать калькулятор — не до конца, а так, чтобы он все еще работал, — и посмотреть, что же там внутри происходит, когда он цифры складывает. Что-то же должно происходить? Конечно, он не бормочет, как человек, «один пишем, два в уме... э... э... э, сколько же это будет?» Но тогда как же он считает? На пальцах, что ли? Интересно, что там у него вместо пальцев и как он их загибает?

После недолгой борьбы любопытство пересилило страх, и Сережа начал потихоньку отворачивать винтики. Вот они уже лежат на столе, осталось только снять крышку. Да, но как же он подглядит, как калькулятор считает?

Ага, надо перед тем, как крышку приоткрыть, заставить его какие-нибудь цифры складывать. Какие же? Ну, что-нибудь посложнее, например: 1234 прибавить к 5678. Так... Готово!

Сережа нажал на кнопку «+», осторожно приоткрыл крышку, и... из калькулятора выпрыгнуло невиданное существо! Не больше жука, с головой, ручками и ножками, как человек, только туловище не круглое, а квадратное и плоское. С обоих боков блестящие выступы — маленькие лапки. Глазки так и сверкают, а на голове серебристая шапочка с таинственными знаками. Выражение личика заносчивое и гордое: мол, я не букашка, так что полегче, дружок.

Существо уселось на учебник по математике, закинуло ножку на ножку и с удовлетворением пискнуло: «У...уф — наконец-то!»

Сережа протер глаза. Существо не исчезло, наоборот, оно подмигнуло ему и хихикнуло.

— Что, глазам не веришь? Сам вызывает, а потом вон как встречает. Смотри, я могу обидеться и уйти.

— Ты... ты кто такой? — спросил ошарашенный мальчик.

Квадратный человечек спрыгнул с учебника, сорвал с головы шапочку и лихо шаркнул ножкой.

— Меня зовут Чип, а работаю я вот там, — Чип показал на разобранный калькулятор*. — Скучно... Складывай да умножай, вычитай да дели. Вот у больших компьютеров работа интересная: они и ракеты водят, и пароходы, и стихи сочиняют, и в шахматы играют, и даже программы для других компьютеров пишут.

— Так ты что... ты и есть калькулятор? Как же ты считаешь, пальцы загибаешь, что ли?

Чип снова уселся на учебник, поджал ножки под себя и с важным видом поднял палец вверх.

— Пальцы загибать тоже с умом надо. Вот ты, например, до скольких можешь на пальцах сосчитать?

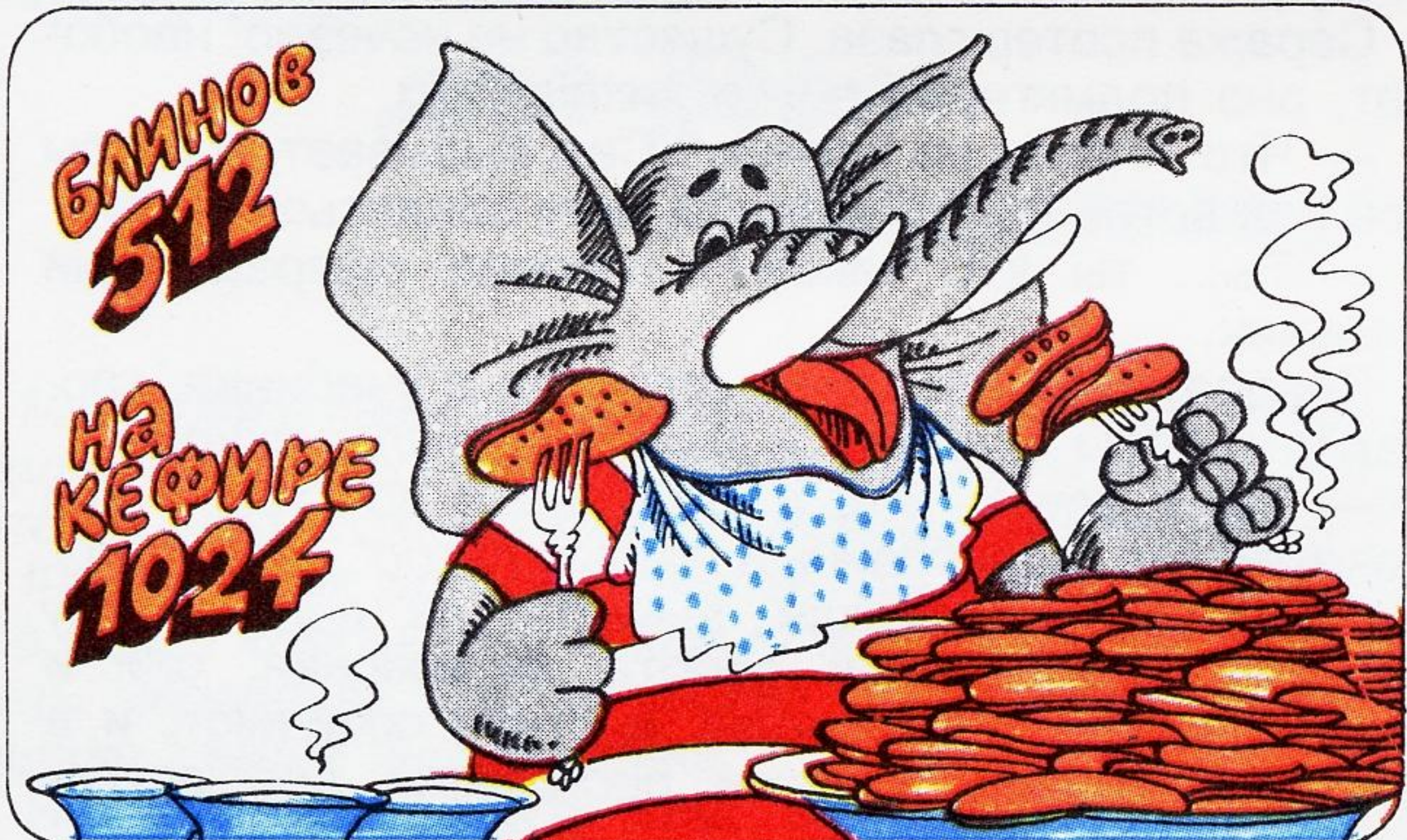
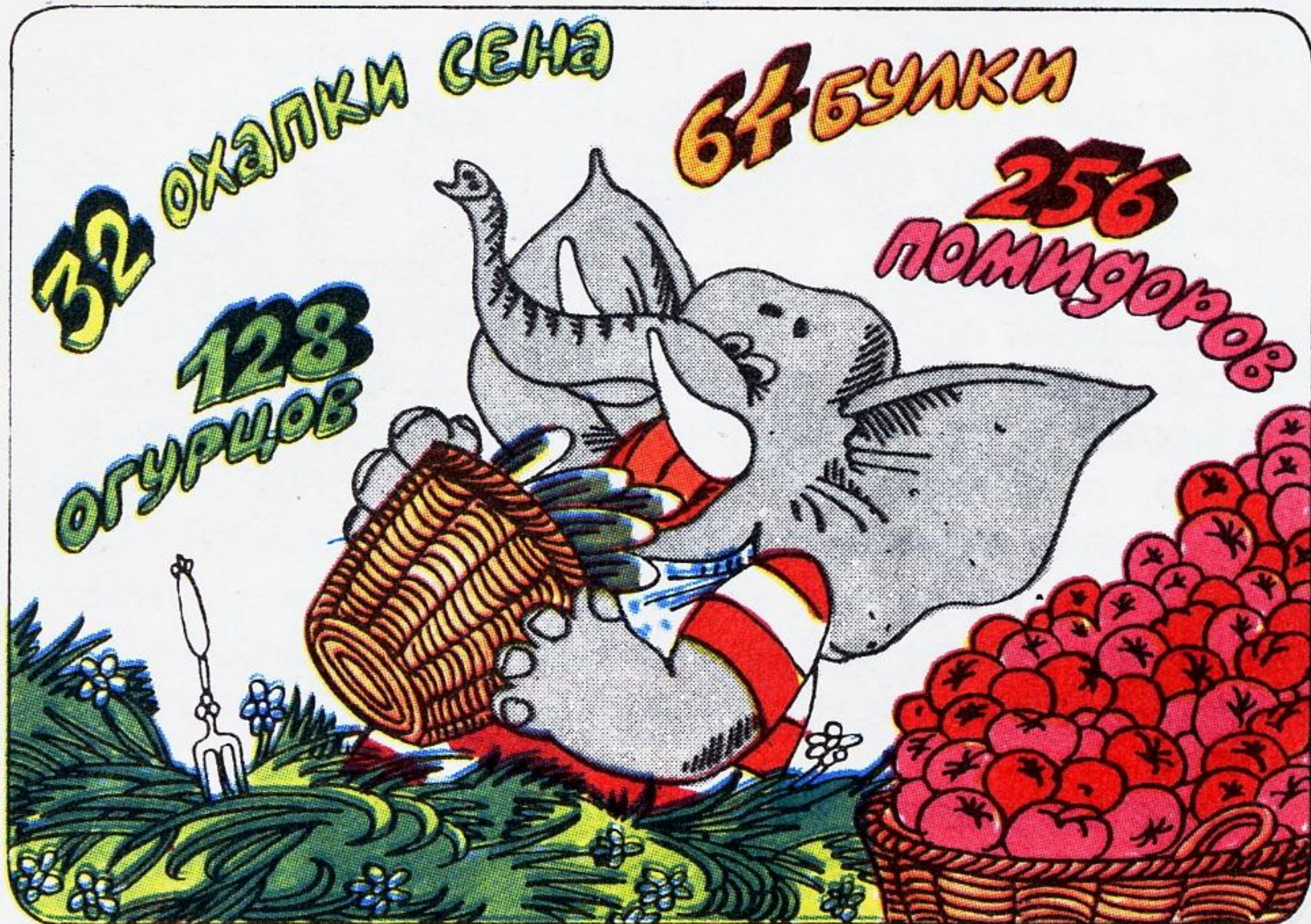
— Как до скольких? — удивился Сережа. — До десяти, конечно. Это — если без ног.

— Вот как, без ног только до десяти. А я без ног до тысячи могу сосчитать, а с ногами и до миллиона. И тебя могу научить — это так просто. Смотри, — он сжал правый кулачок, — когда ни одного пальца — это, конечно, ноль, — он поднял мизинец, — так 1, а дальше мы мизинец опускаем, а безымянный палец поднимаем — это 2.

— Как же 2, когда палец-то один, — вмешался Сережа.

— Это по-вашему один, а я не пальцы считаю, а числа. Есть же разница между мизинцем и безымянным пальцем? Значит, можно мизинцем обозначать 1,

* Дорогие ребята, не думайте, что Чип вас обманул. Чипом действительно называется самая главная деталь — «мозг» калькулятора.

а безымянным 2. А вот теперь мы снова мизинец поднимаем. Получается два пальца — безымянный и мизинец. По-вашему это 2, а по-моему — 3. Почему 3? Очень просто. Мизинец — 1, безымянный — 2, вместе — 3. Теперь эти два опускаем, средний палец поднимаем. Получается — 4.

— Дальше снова начинаем с мизинца, — сказал Сережа, который кое-что начал соображать. — Средний и мизинец — 5, средний и безымянный — 6, средний, безымянный и мизинец — 7, а указательный — 8.

— Правильно. А ты заметил, что каждый новый палец в два раза больше предыдущего стоит? Так и дальше будет. Значит, указательный — 8, большой — 16, тут мы вторую руку приставляем, левый большой палец — 32, левый указательный — 64, левый средний — 128, левый безымянный — 256 и левый мизинец — 512.

— Ага, — засмеялся Сережа, — все-таки до пяти-сот, а не до тысячи, как ты хвастался.

Маленький человечек надулся от обиды:

— Прошу запомнить раз и навсегда, калькуляторы, если они в своем уме, конечно, никогда не врут и не

хвастаются. Слава богу, этому нас люди не научили. Смотри дальше: это левый мизинец — 512, а если прибавить левый безымянный, то будет $512 + 256 = 768$. Теперь поднимаем еще левый средний, будет $768 + 128 = 896$. Мало? Ну тогда поднимем еще левый указательный, будет $896 + 64 = 960$. Что, еще надо? Тогда поднимем левый большой: $960 + 32 = 992$. Ну, а сколько на правой руке, мы уже знаем $16 + 8 + 4 + 2 + 1 = 31$. Итого — 1023, как и обещал, даже больше. Сдачи не надо!

Чип гордо поднял голову в серебряной шапочке. Сережа зааплодировал. Он уже понял, что Чип очень любит, когда им восхищаются.

— Чип, какой ты умный! А скажи, как это тебе удастся все эти цифры запомнить?

Чип так и расцвел. Он уже открыл рот, чтобы сказать, но потом подозрительно посмотрел на Сережу.

— А смеяться не будешь?

— Ну что ты!

— Видишь ли, главное — запомнить степени двойки: 2, 4, 8 и т. д. Каждый запоминает, как может, а у меня для этого считалка есть. Вообще-то меня не запрограммировали стихи сочинять, это я сам в свободное от работы время. — Чип густо покраснел. — Будешь смеяться — обижусь, уйду и никогда не приду.

— Честное-пречестное слово, чтоб мне провалиться на этом месте, если засмеюсь.

— Ну, уж ладно.

*Слон живет у нас в квартире,
В доме два, подъезд четыре.*

*По часам привык питаться:
Утром в восемь, днем в шестнадцать.
Ест на завтрак непременно
Тридцать две охапки сена.
После утренней прогулки —
Шестьдесят четыре булки.
На обед ему приносим
Огурцов сто двадцать восемь.
Помидоров может съесть
Двести и пятьдесят шесть.
Съест блинов пятьсот двенадцать,
Это если не стараться.
А замесишь на кефире —
Тысячу двадцать четыре.*

Сережа изо всех сил закусил губу, чтобы не рассмеяться.

— Замечательные стихи, — пробормотал он сдвленным от смеха голосом. — А главное, так легко запомнить: «Ест на завтрак непременно тридцать две охапки сена». Теперь уж я не забуду степени двойки.

— Кое-что соображаешь, — пропищал Чип, — хоть и жалуешься, что задачу решить не можешь. Кстати, в той задаче не надо ли сначала поинтересоваться, сколько стоит бутылка без пробки, но с кефиром? Это, правда, не моего ума дело, мое дело цифры складывать, какие прикажут. Ну да ладно, ты подумай, а мне пора на работу: у меня там все регистры простаивают.

— Подожди, какие регистры? Не уходи, — взмолился Сережа, — с тобой так интересно.

— В следующий раз, — Чип улыбнулся. — Захочешь вызвать, сложи 1234 и 5678, а захочешь обратно меня вернуть в калькулятор — вычти. Ну, давай, а то уже поздно. До скорого свидания!

Через десять минут Сережа был уже в кровати. В столе лежал собранный калькулятор, а в портфеле — тетрадь по математике с решенной задачей.

Рисунки Л. НАСЫРОВА.

ШКОЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Пожалуй, не найти ни одного дома в нашей стране, ни одной квартиры, где бы не было календаря. Их великое множество — табель-календарь, перекидной, отрывной, настольный, карманный, знаменательных дат, цветной, иллюстрированный, подарочный, даже электронный. Те, кто увлекается живописью, могут почитать календарь «В мире прекрасного». Если ты занимаешься филателией — читай «Календарь филателиста». Для театралов издается «Театральный календарь». Есть «Сельский календарь», календарь для женщин, для молодежи, календарь знаменательных и памятных дат.

Но есть один, особый, который выпускается только для тех, кто ходит в школу и сидит за партой. Это «Календарь школьника». В 1956 году, когда впервые вышел «Календарь школьника», он был отрывным. А сегодня, когда календарь отмечает свое 30-летие, — это красочная, иллюстрированная книга, которая, кстати, печатается на той же типографской машине, на которой выпускается и журнал «Пионер».

«Календарь школьника» — твой постоянный друг и советчик во всей школьной и пионерской жизни. Если ты внимательно, страница за страницей, полисташь этот календарь, то узнаешь много нового и интересного о биографиях замечательных людей — революционеров, ученых, писателей, композиторов, художников, чьи юбилеи отмечаются в наступающем году. Все это подскажет тебе тему для беседы, политинформации, вечера. В календаре ты найдешь

рассказы о жизни своих сверстников в нашей стране и за рубежом, о смелых и благородных поступках пионеров 80-х годов, об интересных пионерских начинаниях. Этот опыт пригодится тебе для того, чтобы уверенней шагнуть по маршрутам Всесоюзного Марша «Революционный держим шаг!».

Наш народ отметил 40-летие Великой Победы, но тема народного подвига вечна, и «Календарь школьника» предлагает тебе серию материалов о городах-героях.

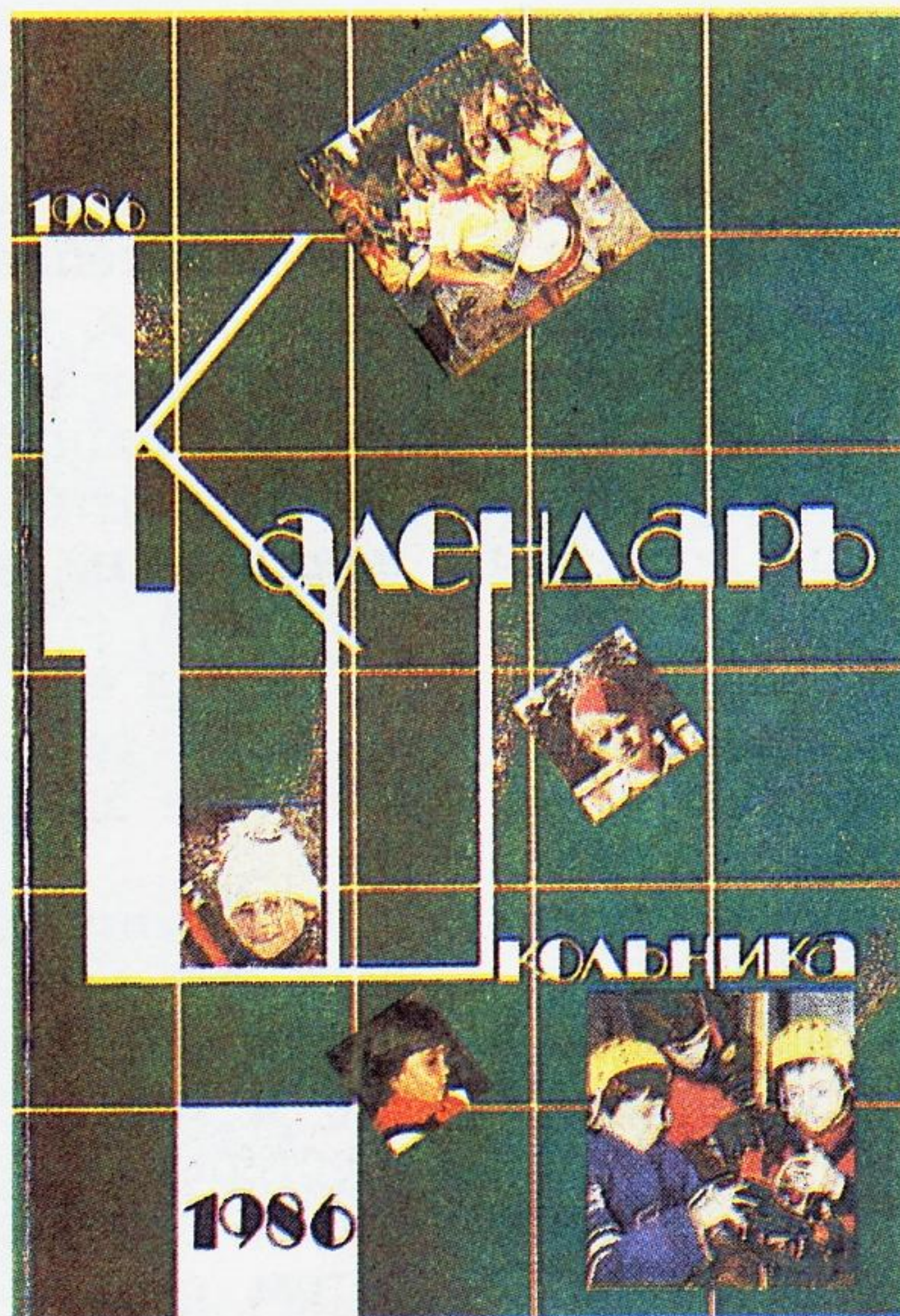
Вместе со своими друзьями по отряду ты можешь совершить заочное путешествие по местам, где насмерть стояли советские воины.

Очень часто ребята спрашивают: «Где взять «ноты пионерской песни»?» «Календарь школьника» предлагает всем,

кто любит петь, популярные песни о Родине, партии, о дружбе и товариществе, пионерах-героях, пионерском отряде, о родной природе, игре «Зарница». Для пионерского сбора, школьного вечера ты найдешь отрывки из поэм, стихи, короткие зарисовки.

Вспомните слова Надежды Константиновны Крупской, которая говорила, что надо учиться работать головой и руками. «Календарь школьника» предлагает тебе и твоим друзьям оригинальные самоделки, увлекательные игры, ведет тебя по страницам Красной книги, рассказывает об истории советской науки и техники, дает выкройки детской одежды, публикует советы, как лучше провести новогодний карнавал, сделать из коньков самокат, объясняет, что такое макраме.

Много ярких рисунков, фотографий, плакатов ты встретишь, когда будешь листать «Календарь школьника». Но в нем есть такие материалы, которые надо почитать не спеша, подумать над ними одному или вместе с друзьями, поспорить, поразмышлять и принять правильное и твердое решение. Советуем тебе обратить особое внимание на страницу 44. Там ты найдешь отрывки из сочинения молодого Карла Маркса на аттестат зрелости — «Размышления юноши при выборе профессии». Словами Карла Маркса мы и заканчиваем рассказ о «Календаре школьника»: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком».

Пусть посмотрит в глаза граница

ПОВЕСТЬ*

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Майоров бежал по извилистой каменистой тропе все вверх и вверх. Быстрыми большими шагами, не глядя под ноги.

Тяжести сапог он почти не чувствовал. Сигнализация сработала резко, и Майорову казалось, что по сопке идет — на этот раз точно — нарушитель.

Коренастый Прыгунов не отставал от сержанта, но дорога давалась ему трудней, чем высокому, стремительному Майорову. Сопку прозвали Сладкой — за виноград, за ягоду. Но побегаешь вот так за бывалым сержантом — покажется она вовсе соленой. Прыгунов не оглядывался ни на склоны с потонувшими в зелени скалами, ни на малую вдали речушку, а прыгал, бежал, не обращая внимания на трудное дыхание и покалывающий глаза пот.

Впереди мелькала фигура могучего инструктора службы собак Артамонова, который едва поспевал за громадным псом Бураном. Вдруг Буран вспрыгнул на замшелый камень, оскалился, зарычал и, оцетинясь, бросился на трещащие ломкие кусты.

Прыгунов прибавил шаг. Но по тому, как усмехнулся Майоров, понял, что бежать больше не надо.

— Пятый! — отметил сержант, кивнув на крупный медвежий след.

— Да, пятый! — грузно опускаясь на сосновое корневище, подтвердил спокойный Артамонов. — У нас-то что! Вот на Болотистой — ребята вынынчили двух косопалых, Мишку да Машку. Те и вовсе замучили. Нагуляются в тайге, а обедать топают

домой, на заставу. Налопаются — и опять в тайгу! Поди догадайся, кто там — Мишка да Машка или мистер Хапкинс!

Майоров сообщил начальству, что границу перешел медведь. Буран еще раз рыкнул медведю, мол: «Вали-вали!» И все стали спускаться к заставе.

Туман почти улетучился. Хорошо была видна вся долина, а в ней и красная кирпичная школа у железнодорожной линии, и улица совхозных домов, и за убраным рисовым полем здание небольшого санатория в сосновой роще. От пробудившегося дневного тепла по сопке проплывали ароматы ягод, лимонника, шиповника.

Майоров задержался, посмотрел вдаль: до армии он был машинистом и жизни без путей, составов, без летящего встречного ветра не представлял. Но поезда он не заметил. А заметил на школьном дворе человека, стоящего среди кур.

Увидел еще, как шевелится в болотце камыш и мелькает голова мальчишки, который от санатория к школе зачем-то ломится через камыши и тростник.

До армии Майоров не только водил тепловозы, но был еще вожатым пионерского отряда. Он писал своим ребятам, что попал на знаменитую заставу, где в свое время сержант Пахомов взял сразу шестерых нарушителей. Про тайгу написал и про своего приятеля Прыгунова, который научился бегом одолевать Сладкую сопку, и про повара Волкова, который любит зверей, и про инструктора Артамонова, и про пса Бурана. Написал, что избра-

* Журнальный вариант.

ли его комсorghом заставы. Но что отвечать на их главный вопрос: сколько нарушителей границы он задержал? — Майоров не знал. Не напишешь ведь: у Пахомова шесть нарушителей, а у Майорова — пять медведей!

У заставских ворот рядом с зеленым воинским «газиком» стояли молодой начальник заставы капитан Щербаков и большелобый, похожий на писателя Гайдара, полковник-пограничник.

Сдвинув фуражку с высокого лба на затылок, он смотрел сверху на загорелого крепыша Щербакова и говорил:

— Застава у тебя, Иван Федорович, дельная — ничего не скажешь. А вот вокруг бы навести порядок. Кот в воздухе летает — это же ЧП!

— Товарищ полковник! Мальчишки! — оправдывался Щербаков. — Иди знай, что им взбредет в голову! Они, может, и поросенка на воздушном шаре запустят!

— Ничего себе, запустить кота на воздушном шаре рядом с границей! Неужто не можете школе помочь? Столько на заставе ребят, и ни одного вожатого не найдется?

— Почему не найдется? — возразил Щербаков. — Вожатый, может, и найдется! Да не пойду же я ни с того ни с сего предлагать вожатого Ивану Кузьмичу. Вы сами знаете...

— Дело, конечно, деликатное, — согласился полковник. — Но помочь надо. Школа маленькая, и учителей всего двое! Так что подумай насчет вожатого. И я подумаю, чем помочь. — Вдруг полковник спросил: — Мы с тобой тоже были пионерами? А? — И сам себе ответил: — Были! Честное пионерское, были!

Учитель железнодорожной школы, которого заметил с сопки сержант Майоров, Иван Кузьмич Мышойкин стоял посреди школьного двора. В руке он держал сито с овсом. И рядом с ним топтался золотистый, с ярким гребнем петух Василий. Жил Иван Кузьмич в квартире при школе. И будь сейчас дома его жена, Варвара Ивановна, куры давно были бы накормлены, поросята ухожены, картошка для сына — ученика пятого класса — почищена и пожарена. И вообще все было бы сделано!

Иван Кузьмич скучно смотрел сквозь очки на петуха Василия. Он, нахал, только и знал требовать! Забот-то у него всего, чтобы какой-нибудь блудливый енот да нахальная лиса не распотрошили его кур! А вот какие заботы у учителя, ему и в голову не приходило! А забот у Ивана Кузьмича хватало.

Раньше школа была начальная — и во всех классах детишек со станции, из санатория и села — десять человек. Закончили начальную — езжайте дальше, в интернат, в город!

А тут вырос совхоз, едут люди. Детей прибавилось. И решили всех не в интернат отправлять, а на месте учить. Тут теперь все классы — первый, второй, третий да еще четвертый, пятый! Решить решили, а учителей пока не прислали!

Петух, задирая голову, смотрел то на учителя, то на ученика пятого класса Мышойкина-младшего, который сидел на крыльце. Иван Кузьмич опустил руку в овес и уже набрал горсть, но тут Василий вскинул гребешок и нацелил глаз на калитку. Качнувшись на колдобине, из-за поворота вывернулся зеленый пограничный «газик».

«Начальника отряда... на КПП... — подумал Иван Кузьмич, — куда же ему еще мчаться с утра?»

Но «газик» мягко притормозил как раз напротив

его калитки. Иван Кузьмич забеспокоился: он еще без галстука и с этим ситом! Быстро высвободил руку и пригладил редковатые волосы.

Но, выйдя из машины, начальник отряда словно бы и не заметил этой его неловкости. Он подошел к калитке, подмигнул Мышойкину-младшему, а Ивану Кузьмичу протянул крепкую руку и кивнул:

— С добрым утром!

«Наверное, из-за кота! Отчего бы еще...» — подумал Иван Кузьмич, тревожно глядя сквозь очки. Но ошибся.

— Как живете-здравствуете? — спросил полковник. — Что-то давненько вы на заставу не заглядывали!

— Некогда, — вздохнул Иван Кузьмич.

— А ребята скучают. Скучают! — Полковник утвердительно кивнул головой. — Говорят: «Пионеры пришли бы, самодеятельность устроили, сбор бы вместе провели. Да мало ли что...»

— И вожатого у нас нет...

— Как нет?! — Полковник, словно бы ничего не зная, удивился. — Застава рядом, а у вас нет вожатого?! Подошли бы, попросили. Неужто б отказали? Никогда. Ребята там хорошие. И Щербаков мужик отличный, честное пионерское, отличный! Сходите! Они помогут вам, вы, если что, — им! Так и жить веселее, а?

И уже забираясь в машину, словно бы обо всем договорились, начальник отряда по-дружески посоветовал:

— Только, знаете, чтоб все по-пионерски, по форме. — И он подтянулся, будто это он шел в галстуке и при параде на заставу к пограничникам капитана Щербакова.

«Газик» запрыгал к контрольно-пропускному пункту, а Иван Кузьмич неожиданно почувствовал, как что-то вокруг изменилось. И вроде ничего не обещал, не договаривался, а договорился!

Он пожал плечами, хотел сыпануть курам овса, но тут и куры, и Василий всполошились, забеспокоились. А Иван Кузьмич и Мышойкин-младший тревожно вскинулись. За дорогой затрещал и закачался подступавший к школе камыш. Да так, что из сарайчика с испуганным хрюканьем высунули пятки полосатые поросята.

«Кабан? Нарушитель?» — растерянно подумал Иван Кузьмич.

Но камыш раздвинулся, и из него вышел курчавый, рыжий, как огонь, мальчишка в большом не по росту свитере, в покрытых ряской сапогах, довольно сказал:

— Здравствуй, Иван Кузьмич! — А Мышойкину кивнул: «Здорово!»

Иван Кузьмич окинул его суховатым взглядом, вздохнул:

— Здравствуй, Ломоносов. — И наконец-то бросив Василию горсть-другую зерна, покачал головой: — Все не можешь без фокусов...

А мальчишка простодушно улыбнулся:

— Так какие фокусы, Иван Кузьмич! Не было фокусов!

Фокусов не было. Просто ученик пятого класса Алексей Ломоносов перехватил прямо со сковороды картошки, нажаренной с вечера, выбежал на санаторный двор, и, помахав дежурившей по этажу маме, медицинской сестре, собрался уже свернуть на привычную совхозную дорогу... Но вспомнил про дорожную пыль и посмотрел через ограду направо.

За спускавшимся по склону леском по-утреннему розовело скошенное поле, среди него приподни-

мался бугор с несколькими деревьями. За ним был ручеек, куда, бывало, бегала за пескарями для кота Зинка Поросюша. А там — до самой школы — шевелили метелками тонкие стебли тростника. Случалось, по нему шастали кабаны. Так чего не бывает. Для того и кабаны!

Ломоносов прикинул расстояния на глаз: километр с лихвой до совхоза, да оттуда по дороге два с лишком — почти четыре, а тут — он посмотрел напрямик — всего-то полтора! — и пошел.

Конечно, если бы не открыли в школе пятого класса и надо было бы ехать к теткам да дядькам или в интернат, чтобы окончить до мореходки восьмилетку, не к чему топтать камыш! Тогда бы ехать за сопки, где жили дядья. Как отслужили на Тихом океане, так и осели. Двое в поселке, у тайги, а третий, водолаз, на заливе. За ними и Алеша с отцом и мамой с родного Севера, с Беломорья, в эти края двинулись. Не завлекла бы отца по дороге Сибирь, остался б жив, они бы сейчас все вместе здесь, на океане, и жили...

Да, раз ходить в пятый класс здесь, весь смысл прямить тропу до школы. Вдвое короче!

Он еще раз бросил взгляд на виднеющееся за полем красноватое здание школы и сразу представил высокую сутулую фигуру Ивана Кузьмича, хмурые глаза и вздохнул. Все хорошо в школе, а с Иваном Кузьмичом нелады. Не жалуется Ломоносова и все! Чуть что — помалкивай! Чуть что — нескромно! А за что?

Вот Капуста Ивановна — это да! Хотя и жена Ивану Кузьмичу, а дело-то совсем другое! С ней учение — одно удовольствие и веселье!

Алексей вздохнул: так соскучился! Уехала-то в отпуск надолго: три года никуда не ездила. Тут хоть до декабря гуляй. Да не утерпит, нет! Без школы Варвара Ивановна ни за что не утерпит! Вернется!

С ней — и в поход и на экскурсию. Он вспомнил, как они с Варварой Ивановной ходили через перевал к голубому-голубому заливу. Вот это залив! И медузы в воде, и осьминоги.

Уж там он точно решил, что пойдет в мореходку.

Иван Кузьмич вздохнул: «И вожатого у нас нет...»

Полковник, словно бы ничего не зная, удивился: «Застава рядом, а у вас нет вожатого?»

Ломоносов вышел из рощи, пробежав ложбинку, поднялся на бугор и снова увидел впереди школу, за которой, выпуская пар, маневрировал старенький паровоз, справа от холма — заставу и дорогу с пылящей по ней машиной. А над всем этим мягкими волнами поднимались до неба цветные сопки. И та, за которой плескался чудо-залив, и та, за какой жили дядья, и та, от которой начиналась долгая — на тысячи верст — граница. Багрецом вспыхивали по сопкам клены, коричневым золотом отливали на скалах крепьши-дубки, а вверху вперемешку с диким виноградом и духовитым — ох и духовитым! — лимонником стояли зеленые ели, между которыми еще пробегали нитями и легкими веретенцами алые облачка тумана.

Алеша приметил, как по тропе к заставе спускались трое пограничников с собакой, подумал: наверное, опять задержали Мишу — и хотел идти дальше, но оглянулся и ахнул: под ногами-то что! Ягод понасыпало! А грибов-то! Шляпки — чистый бархат! Он присел под бугром у лопочущего родничка, бросил в рот одну-другую запоздалые земляничины, потом, тихонько обмакнув в воду ладони, отер лицо и улыбнулся.

Тут неподалеку что-то хрюкнуло, зашуршало. Ломоносов привстал, хрюкнул в ответ погромче — это что-то бросилось в сторону, и Алеша пошел уже засохшим болотцем, раздвигая локтями и с хрустом притаптывая сапогами подсохший тростник.

Недалеко от дороги он услышал, как возле школы остановилась машина, отдышавшись, подумал: «Чего бы это?», — заторопился. Но, выглянув, увидел только встревоженного Ивана Кузьмича да Витьку Мышойкина. Вот и все!

А фокусов никаких не было.

Иван Кузьмич уже задавал корм сердито стучавшим копытцами полосатым поросётам, а Мышойкин-младший, не вставая с крыльца, выпрашивал Ломоносова:

— Так от самого санатория напрямик и шел?

— А то, — спокойно отвечал Ломоносов, вытряхивая из рыжего чуба паутину, — че такого-то?

— И никого не встретил?

— Ну, землянику встретил!

— Так уж и землянику?!

— И грибы! — весомо добавил Ломоносов.

— А так кого? — испытующе, с легкой завистью спросил Мышойкин.

— Кабаны шуршали, так я шумнул — они и разбежались!

— Здоровые? — Остренькое лицо Мышойкина совсем заострилось.

— По следам, может, и здоровые...

— И все?

— И все. Нарушителей не было! — рассмеялся Ломоносов и мотнул головой: — Ну, пошли в школу?!

— Рано. — Мышойкин с ленцой откинулся назад. — Я еще не ел. Отец картошки не нажарил.

— Во дает! — Ломоносов широко открыл глаза. — Отец, учитель, ему картошку будет жарить, а он на припечке сидит!

— А что такого? — обиженно удивился Витька.

— Да сам почистил бы и отца покормил! — сказал Алеша. Он, бывало, не раз свою маму порадовать старался. И вдруг спохватился: — А чего начальник отряда приезжал? Из-за кота?

— Нет. Не угадаешь! — И усмехнувшись, Мышойкин обнажил два острых, как у бельчонка, резца.

— Ну, не медаль же тебе вручать, — рассмеялся

Ломоносов. — Кабы ты картошки сам начистил да пожарил — тогда другое дело, может, и вручил бы.

— Вожатого нам обещал! — почти выкрикнул Мышойкин.

Глаза Ломоносова зазолотились:

— Ну да?!

— Точно! Так и сказал отцу: «Честное пионерское!»

— Вот это дело, — улыбнулся Алеша и уточнил: — А вожатую или вожатого?

— Пограничного вожатого! — сказал Мышойкин. Но тут же уточнил: — Правда, просить у пограничников надо!

Ломоносов рассмеялся.

— Ты чего? — спросил Витька.

— Без кота тут, наверное, не обошлось! — подумал вслух Алеша. И Мышойкин притих, показывая кулак. Потому что мысль-то, хоть и в шутку, подал Ломоносов, а кота в кошелку заталкивал по глупости он. Хорошо, что кончилось миром: и кот у Поросяши цел, и никому не влетело. Лучше помалкивать!

Он вздохнул и посмотрел на окно: оттуда уже потянулись вкусные картофельные запахи.

В это время из-за поворота к школе выкатил грузовик и с него так, и посыпались на землю ученики. Все классы — с первого по самый пятый. В школьном платице, в красных резиновых сапожках спрыгнула с громадного колеса Зина Поросяша, и Ломоносов направился к ней:

— Слыхала?

— Что? — Белокурая Зинка забеспокоилась и покраснела: уж не запустили ли еще кого...

— За вожатым идем! К пограничникам! — И, повернувшись к подходившему учителю, Алеша спросил:

— Иван Кузьмич, правда, пойдем за вожатым?

Иван Кузьмич посмотрел на Ломоносова с явным неудовольствием: «Ну, пошли хлопоты!» Но отступать было некуда, и он вздохнул:

— Выходит, пойдем!

Объездив левый и правый фланги, проверив наряды, Щербаков вернулся на заставу.

— Товарищ капитан! — доложил дежурный по заставе. — Егоров с вышки звонит. Там по дороге шагает целая делегация. Детвора! При параде! И с учителем!

— Да ну? — Щербаков быстро потрогал крепкие скулы: хорошо ли выбриты, — одернул китель и, выйдя на порог, увидел перед воротами наутюженного, но словно бы немного растерянного учителя, а рядом с ним нескольких ребят в галстуках, разве что без барабана!

Щербаков вышел навстречу, козырнув, протянул учителю руку, а ребятам кивнул:

— Здравствуйте, гости!

И удивленно — он-то думал о них, а они явились сами! — спросил:

— Выкладываете, зачем пожаловали! А? Не были, не были и пожаловали!

Гости замялись.

Но рыжий во взрослом свитере и в сапожках мальчишка громко, как о договоренном, выложил:

— Так за вожатым!

Учитель качнул головой, бросил на него хмурый взгляд: «Ну забегала, ну выскочка». Но подтвердил:

— В самом деле, пришли к вам вожатого просить. А если что — и помочь...

— Ну раз так, — весело сказал Щербаков, — тогда пошли. Может, и договоримся! — Он пропустил

ребят в крашенный зеленоватой масляной краской кабинет. Там на стене висела под шторкой карта участка, над открытым окном — маленький портрет Ленина, а в углу стоял коричневый нестограемый шкаф.

— У нас люди найдутся, хотя и некогда! — сказал Щербаков. — Но без вожатого что за жизнь?! Надо, чтоб жилось интересно и весело. Так ведь?!

— Конечно, так! — ответил за всех все тот же рыжик.

А Иван Кузьмич усмехнулся:

— Ну насчет интересно да весело — это как сказать...

— А что? — бодро спросил Щербаков. — Народ вокруг боевой! А земля какая! Граница, тайга.

— Глушь... — вздохнул Иван Кузьмич. Он и сам когда-то мечтал о границе! Окончил учительский институт, помчался вдаль, на край света, туда, где пограничники, погони, слава! Ехал и видел, как будет гнаться за нарушителями, писать про это домой, а в отпуск приедет герой героем. А оказалось — тайга, тишина. Какие там нарушители... Малокомплектная школа... Пятнадцать человек учеников... Уроки, уроки... Что ни год — одно и то же!

— Глушь! — повторил он и усмехнулся: — У нас вон свинья сбежала в лес с дикими, а потом вернулась и диких поросят родила! Все полосатые...

— Да ну? — так и привстал Щербаков. — Неужели полосатые?

— Все как один! — Сидевший тихо Мышойкин-младший вскочил, глаза его загорелись. — И нахалы!

— А вы говорите, неинтересно! — сказал Щербаков. — Да тут хоть школьный зоопарк открывай.

Сидевший напротив него Митя, задумчивый высокий парнишка, застенчиво улыбнулся, белобрысая девчонка заморгала, а рыжик сказал:

— А что! С хорошим вожатым можно и зоопарк.

— Ладно! Будет вам вожатый. Толковый вожатый. Правда, есть у него одна беда. — Щербаков улыбнулся, снял телефонную трубку и по-командирски распорядился:

— Дежурный? Отыщите Майорова! Пусть, не задерживаясь, зайдет ко мне! Беда-то вот какая... — стал объяснять он ребятам.

Но в это время дверь резко распахнулась, начальник да и ребята приготовились встречать Майорова, а в кабинет просто-таки влетел невысокий крепкий старшина заставы Полтавский и запальчиво выложил:

— Товарищ капитан! Это что же Волков опять своевольничает? Ну, скажите, а?!

Потом он оглянулся, заметив ребят и Ивана Кузьмича, виновато кивнул: «Извините», и снова развел руками: «Ну, что с ним поделаешь, с этим Волковым? Своевольничает — и все!»

Капитан на миг нахмурился, но, видно, хорошо знал и резвого старшину, и рядового Волкова, потому что тут же с легкой усмешкой спросил:

— Ну, что он там еще натворил?

— Так оленька на себе притащил! — Полтавский горячо взмахнул рукой. — Пошел винограду для компота набрать, а притащил оленька! Только-только косулю выходили, а он оленька! Это что, правильно?

— Маленького?

— Сосунка! Вот такого! — Полтавский приблизил ладонь к ладони, и ребята потянулись к его рукам, будто там в самом деле лежал маленький олененок. — Это что, правильно?

— Такого — неправильно! — быстро решил капитан. — Надо, чтоб при матери был. Надо было Волкову так и сказать!

— Так я и сказал! — живо возразил Полтавский, вскинув курносое раскрасневшееся лицо.

— А он?

— А он говорит: «Его matka бросила!» Я ему говорю: «Оставь. Она не бросила, придет, вернется».

— А он? — посмотрел уже по-другому капитан.

— А он! А он говорит: «Ну да, вернется! Вон его уже барсук попробовал!»

— А что, в самом деле попробовал?

— Ну цапнул за ногу. Он его у барсука отбил! — сказал отходчиво старшина.

— Тогда... — начал было капитан, но рыжий мальчишка опередил его:

— Тогда правильно! И я бы забрал!

Молчавшая все время девчонка тоже решительно произнесла:

— Правильно!

— Выходит, правильно! — подтвердил начальник заставы.

— Правильно-то правильно, — загорелся опять Полтавский, — да только вот, как посмотришь, не застава, а зоопарк! Держать-то его где?

За окном снова послышались голоса, стук топора, щенячий лай, и, посмотрев на сопки, на розовое уже небо, капитан поднялся из-за стола:

— А ну, пошли!

Делегация вывалила в коридор. Навстречу ей шагнул высокий, в ладно обтягивающей крепкую спину гимнастерке сержант, деловито козырнул, но Щербаков махнул ему: «Пойдем!» И все вместе они вышли во двор.

В стороне от казармы под старым ореховым деревом сидел на бревне заставский повар Волков и держал поверх фартука на коленях крохотного перепуганного олененка, который то косил глазом на людей, то смотрел куда-то в небо. Бока его быстро поднимались и опускались, шерстинки подергивались. Щупленький Волков поглаживал перембинтованную заднюю ногу олененка. Рядом, присев на корточки, Прыгунов разводил в блюде порошковое — из голубой пачки — молоко, а сбоку подпрыгивал крепколапый щенок и ревниво таял то на повара, то на Прыгунова.

— Сидеть, Удар! — повернулся к нему Прыгунов.

— Ну вот! Что я говорил! — показал на пачку Полтавский. — Вот уже молоко потекло, побежало!

— Старшина! — весело отозвался Щербаков, будто конфузясь перед ребятами за старшинскую скупость.

— А что старшина?! Потом сами будете уточнять, куда молоко делось?

Мальчики с удивлением, Зинка прямо с неприязнью посмотрела на старшину, а Прыгунов, с блюдцем в руке, улыбнулся:

— Товарищ старшина...

— Ладно... — Полтавский махнул рукой, и Прыгунов, наклонясь, стал поить олененка. Олешек испуганно откинул голову, хотя маленькие ноздри нежно задвигались, втягивая вкусный молочный запах.

— Ну кто так кормит, кто так кормит! — взорвался вдруг старшина и вскинул руки. — Ему соску надо! Там на кухне, на припечке от косули осталась! Сбегай, Майоров! А то, как принести животное, так это можно! А чтобы напоить толком, так головы не хватает!

Щербаков козырнул и спросил: «Выкладывайте, зачем пожаловали?»

Сержант быстро пошел через двор, будто только для этого его и вызвали, а старшина придиричиво спросил:

— А вторую ногу почему не перевязали?! — И показал Волкову на длинную алую царапину, которую оставил хваткий барсучий зуб на второй ноге. — Хоть бы йодом смазали!

Через минуту старшина сидел уже на месте Волкова и охватывал тонким бинтом оленью копытце, а толстый щенок Удар теребил повара за штанину и тянул к кухне.

Оттуда шел уже Майоров с бутылкой, на которую была натянута старая резиновая соска. Старшина взял ее, но, посмотрев на стоящую рядом надушенную девчущку, передал ей бутылку: «Ну-ка, девочка, давай!» А сам раздвинул оленью губы.

Зина оглянулась, но тут же поднесла бутылку олененку к губам. Он сперва испуганно дернулся, потом нащупал соску, чмокнул и стал отрывисто тянуть молоко.

— Во история! — весело сказал Ломоносов.

— Таких историй у нас что ни день, — заметил Щербаков. — А вот другая история — это уж точно история! Такая, что мы с вами познакомились и с поваром, и с вожатым сразу!

— А где вожатый? — спросил Мьшпойкин.

— Так вот — сержант Майоров! — представил Щербаков стоявшего сзади них сержанта.

Майоров улыбнулся, собираясь что-то сказать, но тут через двор к Щербакову пробежал дежурный и, козырнув, быстро доложил:

— Товарищ капитан, на левом фланге снова сработка!

Через несколько минут Майоров и Прыгунов, поправляя на плече автоматы, уже бежали к «газике», возле которого Артамонов держал на поводке Бурана.

А старшина, посмотрев им вслед, заметил:

— Вот так и будет: у них служба, у Волкова — кухня. А у оленька — старшина.

— Ну, ладно, ладно! — с улыбкой проговорил Щербаков. — Ягод-то Волков набрал?

— Ягод набрал.

— Так угостил бы гостей нашим пограничным компотом, а? — И, приглашая всех за собой, Щербаков пошел к столовой.

При слове «угостить» притихший было щенок дернул ушами, издав громкое «гав», подпрыгнул на

всех четырех лапах и радостно посмотрел на Волкова.

А Волков аккуратно взял на руки олененка и понес его к кухне.

Ребята дотягивали из кружек пахучий компот, приправленный для бодрости лимонником, и смот-

Зина поднесла бутылку олененку к губам. Он сперва испуганно дернулся, потом нацупал соску, чмокнул и стал отрывисто тянуть молоко.

рели, как за открытой дверью Волков рубил лежащую на колоде здоровенную говяжью кость, а щенок зло потягивал оттого, что нахальный топор так и отхватывал от нее целые вкусные куски. Кость становилась все меньше и меньше!

— Ну история, вот история! — улыбнулся Ломоносов.

А Иван Кузьмич, услышав это слово, огорченно вздохнул:

— Да, тут истории веселые. А вот у меня история с историей похуже.

— Это как же? — спросил Щербаков.

— А истории у нас нет! — живо пояснил Витя.

— Дать телеграмму министру — и все! — сказал Ломоносов.

Щербаков бросил на него быстрый взгляд: решительные люди ему нравились.

Но Иван Кузьмич только покачал головой:

— Ну Ломоносов! Министру! Скромности бы тебе у твоего однофамильца и земляка позаимствовать. Все вопросы да предложения...

— А интересно, так и спрашиваю, — сказал Алеша. — Если по-вашему скромность толковать, так Михайло Васильич зимой от Холмогор-то до Москвы вовек бы не добрался.

Насупясь, он потрянул головой, а Иван Кузьмич, отвернувшись, вздохнул про себя, но так, что все расслышали: «Эх, безотцовщина».

Алеша усмехнулся, а Митя быстро опустил глаза.

Щербаков почувствовал, что спор здесь давний, и, сводя его на нет, сказал:

— Да, что истории нет, жаль. Наверное, сейчас проходите древнюю?

— Надо бы древнюю, — уточнил Иван Кузьмич. — Индию, Грецию, Рим.

— Хорошо, — сказал Щербаков, вспоминая школу, — я древнюю историю любил, на Черном море вырос, а там любой черепок — история. И как подумаешь, простая жизнь была, совсем как у нас, а стала история — мифы, легенды! Гомер поэмы слагал!

— Гомер писал о другом, — возразил учитель. И во взгляде и в голосе у него обозначилась усмешка. — Он писал про великие дела, великие государства!

— Ну почему? У них иные государства были размером с наш совхоз. Вон хотя бы Итака у Одиссея.

— По нашему совхозу Одиссей не разгуливал, — развел руками Иван Кузьмич.

— А Пржевальский, а Арсеньев, а Карацупа?! — воскликнул капитан. — Да здесь у каждой тропинки своя история, своя легенда.

Ребята внимательно вслушивались. Спор тут шел не только о древней истории.

— И дела у нас легендарным сродни, — сказал вдруг капитан, на что Иван Кузьмич только вопросительно поднял брови. — А что? Вот легендарный Геракл. Что он сделал? Победил льва. По-умному вычистил конюшни. Убил вепря. А кто такой вепрь? — Он взглянул на ребят.

— Кабан! — сказал Мышойкин.

— Кабан! А у нас старшина Полтавский двенадцать кабанов забил и рысь руками взял. Хоть Гомера зови! — Щербаков рассмеялся, довольный тем, что его старшина мог бы попасть в легендарные герои, и посмотрел вверх: предвечерняя голубизна наливалась жаром, а сопка, по которой шли сейчас Прыгунов и Майоров, казалась горячей, как вулкан.

— Нет, простые человеческие дела они делали, людей славили и созвездия им посвящали! — ска-

зал убежденно начальник заставы. И тут же, вспомнив что-то, вскинул руку: — У них и комбайнер Поросюша из нашего тихого совхоза вошел бы в легенду!

Ребята переглянулись, а Иван Кузьмич озадаченно спросил:

— А что Поросюша? — Фамилия его ученицы, стоявшей здесь Зины, была Поросюша и отец ее был совхозным комбайнером.

— А то, — сказал Щербаков, — выполнил за время уборки три плана! Про него теперь весь край знает. Читали?

Зина покраснела. А Митя улыбнулся: летом он работал на комбайне у Поросюши, в помощниках.

— Ну так чем же комбайнер Поросюша хуже Геракла или Одиссея, а? — И Щербаков пошел с делегацией к воротам.

Под знакомым ореховым деревом один пограничник стриг другого машинкой. У большого стола, над которым висела лампа, еще двое чистили автоматы, и оттуда доносился запах оружейного масла. Мимо пограничного столба Щербаков провел ребят к обложенному беленым кирпичом холмику с маленькой пирамидкой, над которой алела пятиконечная звезда, а посередине — на фото — темнело совсем молодое скуластое лицо. Умные глаза смотрели на подошедших требовательно и строго. А под снимком на металлической пластинке была выбита надпись:

«Рядовой Сергей Пастухов. Геройски погиб при задержании нарушителя границы».

Брови Щербакова сдвинулись, он провел по пирамидке ладонью и сказал:

— И у нас есть история. Еще какая!

Иван Кузьмич наклонился, посмотрел в лицо солдату. Глаза его широко раскрылись, будто что-то узнали или вспомнили. Он заторопился.

И Щербаков проводил гостей за ворота.

Ломоносов шел через примятый утром тростник, отводя руками попадающиеся на пути высокие пушистые стебли. Шел весело, что-то напевая. Ветер в лицо всегда напоминал ему родное побережье, море, полное кораблей, катеров.

Вот и теперь он был, как на волне, потому что день выдался просто-таки хороший!

Чудной Иван Кузьмич! «Нет событий»! Да тут за один-то день столько всего...

Одно только малость Ломоносова кольнуло, подпортило настроение: «Безотцовщина!» А какая он безотцовщина? «Никакая не безотцовщина!» — сказал вдруг Алеша почти отцовскими словами и вспомнил живое, веселое лицо отца.

Оно будто улыбнулось сегодняшнему дню: «Ой, хорошо! Ну, хорошо!» Это отец так всегда говорил. Про шторм, про море. У него все было — «хорошо», «Ой, хорошо!» Уж кто-кто, а отец всегда с ним! Чуть что — в мыслях так и советует: «Дело, сынок, давай, дело! Неча зря землю копать. Да и фамилию надо оправдывать!»

За Алешей, неловко ступая по тростнику, шел нахмурившийся Митя. Шел он за лекарством для больной мамы, за которой присматривал, пока не было отца. А когда он вернется? Опять после моря затерялся, не пишет! Оттого и вздрогнул тоже Митя при слове «безотцовщина»: отец-то вроде и был, и словно его не было.

Ребята уже подходили к санаторию, из-за ограды которого доносилась тихая мелодия «Санта-Лючия», когда откуда-то потянуло близким дымом, послышался треск взлетающих искр, и, взойдя на

пригорок, мальчики увидели возле высокой сосны трех мужчин.

Двое в брезентовых куртках и сапогах полулежали перед костром, а третий, в рыжей кожанке и потрескавшихся, по-лисы рыжих туфлях, гримасничал у костра, поворачивая на вертеле большую ощипанную птицу. Все кругом — и ребята — знали, что это шабашники, их наняли к зиме латать совхозу коровник.

— Латают, — усмехнулся Митя.

— Все границы переходят, — сказал Алеша, как говорила его мама.

Мальчики по-взрослому вздохнули: рабочих в молодом совхозе не хватало, случалось нанимать со стороны. Попадались и такие...

Мальчики подошли к санаторию. Ломоносов забежал в корпус и через минуту-другую вернулся с таблетками.

В это время в стороне заставы что-то вспыхнуло — всплеснулось, и четкий ослепительный белый луч, поколебавшись, прицельно пошел по долине, оцупывая каждый бугорок, каждый камень. Потом, качнувшись, перебрался вверх и ушел к звездам.

Алеша спросил:

— Мить, а где созвездие Геракла?

— Не знаю! — Митя пожал плечами и быстро пошел с холма.

Небо уже было полно звезд — и почти незаметных, крохотных, и ярких пылающих созвездий. Будто это в самом деле там, в небе, замечательные герои вершили свои жаркие, как звезды, подвиги... А внизу под ними, как целое древнегреческое государство, лежал совхоз, и в огромном поле у горизонта приближались к звездам несколько огней... Это вел бригаду прославленный комбайнер Поросяша. Такой прославленный, что хоть созвездие ему выделяй.

Ломоносов засмеялся: а что, хорошо — «созвездие Поросяши»! И весело, и справедливо! Человек три плана выполнил — и дальше работает!

Алеша поднял голову, пробежал глазами по звездам и засмеялся: прямо над ним громадными звездами сверкал огромный легендарный комбайн! Только назывался он почему-то Большой Медведицей! А посмотришь — настоящий комбайн! В самый раз для Поросяши!

Полночи Ломоносов лежал — соображал, как и что повернуть, как пограничников встретить! Люди-то придут не на прогулку, а с делом. Не ждать же, пока тебе подскажут, что с какого блюдечка есть. Надо и самому навстречу подумать. Чем пограничникам помочь, какое хорошее для всех дело соорудить. Пусть не двенадцать подвигов Геракла, но хотя бы один! На удивление Ивану Кузьмичу!

Ломоносову хотелось веселого толкового дела!

Одно, срочное, он надумал и, встав затемно, прошел в санаторский клуб — к библиотеке. Но там было закрыто, и, выйдя во двор, он сел на порог. Хоть бы кто живой! Тихо, как на Белом море!

Солнце, озаряя лес, высывало альпийский бок, да прижившийся бурундук Борька теребил под тоненькой сосной здоровую шишку.

Вдруг он подпрыгнул, полосы на спине вытянулись в линеечку, и мигом юркнул в жарко сверкающий от росы кустарник. А из-за бугра, покачиваясь, выглянули верхушки молоденьких рябин, и показался несший их на плече санаторский истопник, которого Ломоносов про себя звал сразу тремя фамилиями: «Иванов, Бугров, Федоров». Высокий, в ватнике и кепке, он шел медленно.

За шевелящейся
листвой,
среди жаркой
голубизны
выступала белесая
острая скала.
Над ней
парили птицы...

Кожа на виске у него поблескивала, казалась почти прозрачной, видно было, как под ней пульсирует каждая жилка.

Говорили, что на войне он был тяжело ранен, долго лежал в госпитале, не приходя в себя, а когда очнулся, оказалось, что он ничего не помнит. Он и писать-то учился заново. По рекомендации врачей писал привычные слова — «лес, корова, город», фамилии знаменитых артистов, названия фильмов, которые смотрел до войны, — все, что напоминало прошлую жизнь.

Но в конце каждой страницы, подумав, обязательно приписывал восемь одних и тех же фамилий, и первые три были: «Иванов, Бугров, Федоров».

Приехал он в сосновый санаторий на лечение да так и остался в спокойном месте жить и работать. Говорил он редко и коротко. Вечерами приходил в клуб, садился в углу напротив телевизора, смотрел со всеми кино и спортивные матчи, а если показывали войну, вздыхал, вытирал глаза и, крутнув головой, уходил к себе домой — к тетрадке, в которой выводил одно и то же: «Иванов, Бугров, Федоров»...

Кто и что за этими фамилиями — никто не знал. А когда спрашивали, он только прикрывал веки и жестом просил повременить, не мешать...

Вот он-то и поднимался сейчас по бугру с целой семьей рябинок в мешке, которые собирался высадить у въезда в санаторий. Там уже шелестела стройными, по-солдатски рядками высаженная им рошица молодых дубков.

Увидев Ломоносова, он было кивнул, но тут же удивленно остановился:

— А что это ты ни свет, ни заря?

— Дело есть! — вздохнул Ломоносов. — Бумаги нужно, а библиотека закрыта.

— Большая бумага? — спросил «Иванов, Бугров, Федоров», опуская на землю мешок с деревцами.

— Большая. — Ломоносов показал руками. — Для больших букв. Во!

Истопник молча кивнул, показал на деревца: «Постереги», — погромел ключами и, скоро возвращаясь, протянул Ломоносову большой лист ватманской бумаги.

— Спасибо, Николай Акимович! — обрадовался Алеша.

Часа через полтора он уже весело пробирался по камышовой тропинке, за спиной его подпрыгивал ранец, а под мышкой белела большая бумажная труба.

Едва подойдя к школе, Алеша развернул ватман, так что Мышшойкин, выбежавший навстречу узнать решение задачи, про все забыл и прочитал: «Друзьям-пограничникам наш пионерский привет!»

Но это было только начало! Благодаря стараниям Ломоносова в выходной день с утра в школу собрались и взрослые, и дети. И в ожидании гостей с заставы принялись приводить в порядок класс. Сдвинули парты, шкаф, взялись за побелку.

Но не добились и до половины, как под крик Мышшойкина: «Смотрите, кто идет!» — в класс вошли высокий, ладный Майоров и ни в чем не желавший отставать от товарища Прыгунов.

Засучив рукава, пограничники взялись за дело вместе с отрядом. И уже через час-другой стены подсыхали, из серых становились слепяще белыми. Не привыкший терять времени Прыгунов уже усадил ребят за стоявшие еще как попало парты:

— Учиться читать следы хотите?

— Хотим! — в один голос откликнулись ребята.

— А работать с собакой? А преследовать нарушителя?

— Конечно, хотим! — закричали все, и громче всех Мышшойкин.

— Ну так вот, — сказал коротко Прыгунов — долгих разговоров у него не получалось. — Все это будет. Нужно только, — он заговорил быстрее и резче, — учиться на «четыре» и «пять». Дисциплину держать пограничную и чтоб здоровье было...

— ...тоже пограничное! — подсказал Ломоносов.

Майоров кивнул, а Прыгунов показал рукой в окно:

— Крепким пограничником у нас считается тот, кто, не сбиваясь с дыхания, взберется вон на ту сопку.

— Ха! — небрежно повел плечом Мышшойкин: издалека он видел, как легко взбегают по ней на тренировке пограничники. — Что такого...

— Да? — повернулся к нему Прыгунов и наклонился, делая вид, что снимает сапог. — Держи сапоги, автомат и попробуй.

Представив Витьку топающего в тяжелых прыгуновских сапогах, с автоматом на груди, ребята рассмеялись. А Мышшойкин покраснел.

— Нужна тренировка, — уже спокойно сказал Прыгунов. — Чтоб все было — как на заставе.

Мышшойкин повертел головой и вдруг спросил:

— А раз, как на заставе, зачем нам Поросяша и девчонки? Погранзаставе девчонки не нужны. Не бегать же им за нарушителем.

Синие Зинины глаза потемнели так, что Ломоносов охнул:

— Ого, потемнело синее море! Че будет-то?

Но тут Майоров, встав во весь рост, спросил:

— А что, разве Родина только мальчишечья? — И сам ответил: — Защищать ее хотят все.

Девочки с достоинством посмотрели в сторону Мышшойкина, а Зина кивнула:

— Понятно?! Ты лучше учись чистить картошку, а то как бы без тебя не обошлись! На границе картошку тоже чистят.

Мышшойкин, не ожидавший такого поворота, обиженно сник, а Ломоносов сказал:

— Ну почему без него? Можно и с ним.

— В общем, пограничники есть. Нарушителей только вот нет да нет... — подал вдруг голос Иван Кузьмич, будто в самом деле соскучился по ним.

Майоров на миг опустил глаза:

— Дел на заставе и без нарушителей всегда хватает, — и, серьезно посмотрев на ребят, спросил: — Помочь заставе, конечно, хотите? Так вот... Несколько лет назад пришел на нашу заставу молодой солдат. Родом он был с Волги, работал у себя в городе кондитером. Мечтал уйти в море, а попал на границу...

Ребята придвинулись друг к другу. И Иван Кузьмич тоже подошел поближе. В глуховатом голосе Майорова было что-то такое, что заставляло прислушиваться.

— Давалось солдату все трудно. И сопки брать, и бегом бежать, и на лошадке скакать. Над ним смеивались: «По Сладкой бегать — не торты печь». А он бегал. И бегать стал лучше всех. И следы читал лучше всех. И в дозоре был лучше всех. Настоящим пограничником стал.

Тут Прыгунов закивал, он-то знал, что значит бегать по сопкам лучше всех.

— Как-то ночью, возвращаясь из наряда, он заметил на тропе осыпь, услышал шаги и, отправив младшего в обход, бросился вверх. Бежал он вон по той сопке. — Майоров кивнул за окно. — Бежал, сползая по мокрой глине, и уже почти настиг

нарушителя, когда тот обрушил на него камень. Солдат упал. Он падал вон с той скалы,—сказал Майоров. И все ребята, притихнув, повернулись к выделявшейся посреди сопки белесой острой скале.

Иван Кузьмич взглянул на нее как-то особенно, потемневшими вдруг глазами...

— Но в последние секунды, падая, пограничник успел выстрелить, дать сигнал! — Сержант замолчал и уже тихо произнес: — Звали его Сергей Пастухов.

Иван Кузьмич вздрогнул. А Митя спросил:

— А нарушителя взяли?

— Взяли, конечно, взяли,—нахмурясь, сказал Майоров.—Могилу Сергея вы на заставе видели. Посмертно наградили его медалью. С его мамой застава раньше переписывалась, она отвечала. А потом переписка почему-то прервалась. Тех, кто знал Сергея, на заставе теперь нет.—Тут Иван Кузьмич быстро опустил голову.—Вот мы и хотим написать его маме, чтобы она знала: Сергея помнят.

— Так, может быть, напишем всем отрядом? — спросил Ломоносов.

— Ну тогда за дело! — сказал Майоров.—Только давайте-ка сначала поставим все на место.

Парты быстро выстроились в три коротких рядка, очередь дошла до шкафа.

Мальчишки налегли на него, внутри что-то перекапилось, поехало.

— Ого, да там какое-то мангазейское сокровище! — сказал Ломоносов.—Посмотрим?

Они распахнули шкаф и под старыми картами увидели запылившийся пионерский горн.

Мышойкин вытащил его, пошутил:

— Сокровище! Золотой!

Майоров улыбнулся, протянул руку: «А ну-ка дайте», — протер мундштук и приложил его к губам.

И в воздух — к заставе, к небу, к сопкам — прорвался удивительный звонкий звук.

А Прыгунов, подумав, скомандовал:

— Отряд, стройся!

И маленький отряд — все шестеро пионеров — вдруг выстроился один к одному по росту и, вскинув голову, выровнялся на очнувшийся звук пионерской трубы.

Едва ребята опустили в ящик свое пионерское письмо с надписью «Авиа», дел на отряд обрушилась катящаяся гора!

Начали с учебной следовой площадки.

Давно оставленная пограничниками, она потихоньку доживала у ручья среди высокого камыша и крапивы. Иногда на ее горячий цемент выползали погреться ужи и удавчики, забегали ящерицы, а чаще, расправляя глазастые крылья, как на аэродром, приземлялись махаоны. Площадка молчала и, казалось, слушала шелест воды и шорохи леса.

В первый свободный день Майоров пришел к ней с ребятами, прихватив косу. Сняв китель, он аккуратно обкосил у площадки края, мальчишки и Зина вымели, обмыли цемент ручьевого водой и на завтра, на 13.00, после уроков, назначили первое занятие.

Из школы ребята вышли стайкой, потом в камышах вытянулись цепочкой... Как вдруг: шелест, фырк — и заскочивший вперед Мышойкин обмер: — Смотрите!

По площадке петляла цепочка еще мокрых, оставленных острыми копытцами следов, рядом какие-то птички загогулины, а сбоку в качающиеся камыши уходили отпечатки мягких кошачьих лап.

— Первый — кабан! — быстро определил Митя. Он их встречал, когда с мелкокалиберкой на плече ходил по сопкам.

— Ох ты, да не один, стадо! Поди, грелись, — поторопился сказать Ломоносов, но тут же поправился: — Нет, не успели! Иначе бы брюхом всю площадку вытерли.

— И фазаны ходили... — узнал Митя.

— А это, вот это? — вскрикнул Мышойкин и отпрянул в сторону. Кусты с шелестом расступились, а на площадку вынырнул присыпанный репьями Прыгунов с брезентовой сумкой на боку.

— Фу, набрались страху! — рассмеялся Ломоносов, а Мышойкин сразу повеселел оттого, что испугался не он один, но и сам Ломоносов.

— А это? Чей? — Прыгунов вытащил из сумки резиновую печатку, ловко тиснул на площадке крупный округлый след.

Митя молчал. Ребята, окружив след, задумались. Даже Ломоносов почесывал в затылке... Непонятно!

— Тут без собаки не обойтись, — решил Алеша и вдруг окинул всех озорным взглядом: — И вообще пограничному отряду без собаки не обойтись!

— Ну, отряд-то у вас пока совсем молодой и маленький! — в тон ему ответил Прыгунов, одергивая гимнастерку.

— Так и собаку можно молодую и маленькую! — рассмеялся Ломоносов. И все ребята улыбнулись, потому что знали: маленькая собака на заставе одна — Удар.

Правда, Витя Мышойкин заметил:

— Собака, может, и не очень нужна. Собаки вообще скоро будут ни к чему. Приборы заменят любую собаку!

— Собаку? Пограничную собаку? — изумился Прыгунов.—Ну извините! — сказал он.—Да один только Индус Карацупы целая история! Триста нарушителей — да каких! А про Лютого слышали? След брал даже через сутки! И бандита поймал! Нет?! Так вы и про Розу не слышали?! — Он изобразил отчаяние и понизил голос.—Да на нее генерал приезжал смотреть. Шутка ли, собака лезвие отыскала за километр!

Ребята внимательно посмотрели на него.

— «Приборы»! — Прыгунов махнул рукой.—Собака понимает все — и верность, и чуткость, и подлость! Вон хотя бы тот же Лютий. Добрый пес! А вот когда однажды негодяй обидел ребенка, он показал, почему он Лютий! — сказал Прыгунов, и было видно, что и он показал бы негодяю, обидевшему ребенка.

Пограничник наклонился к Мышойкину и подвел итог:

— Да если рассказать все истории про собак с одной нашей заставы, книга получится почище Дюма!

В глазах Мышойкина было насмешливое недоверие.

Но Митя попросил:

— А расскажите! Может быть, и вправду записать?

— Конечно, вправду! — серьезно сказал Прыгунов.—Чтоб знали все! Только не меня бы про это спрашивать, — заметил, подумав, пограничник.—Вот с Артамоновым бы поговорить. А что? — И он посмотрел на ребят.—Пошли к Артамонову?

Полдень вдруг навалился на сопку парким медовым теплом. Все сразу перемешалось: запах разо-

гретого шиповника, дикого винограда, дух аралий, маньчжурского ореха и дуба. Казалось, облака вкусного тепла то окунали ребят в глубину этого леса, то поднимали над ним. И сверху представлялось, что внизу волнуется и плещет не лес, а светлое зеленое золото...

Тропинка, упругая живая тропинка помогала ребятам идти и с каждым по-своему говорила. В их движении было что-то от быстрого движения наряда. Четкий пограничный шаг Прыгунова, его подтянутость передавались всем.

Настоящая дозорная тропа шла гораздо выше, по гребню сопки. Но и тут чувство тревоги, которое бывает на пограничной тропе, заставляло Ломоносова прислушиваться и присматриваться к кустам, а в Мите будило незнакомую готовность предупредить чье-то резкое движение, встать на пути непонятной еще опасности. Даже Мышойкин, отирая с носа капли пота, шагал на редкость серьезно.

Некоторое время ребята шли прозрачным кленовым лесом, но потом углубились в густой зеленый тоннель. И, может быть, от легкого ощущения тревоги Митя спросил Прыгунова:

— А вам часто приходится быть в тревожной группе?

— Приходится.— Прыгунов посмотрел сверху на Митю и сказал: — А вообще раз пограничник — значит, всегда в тревожной группе.— И объяснил: — У пограничника — тревога в крови. Чуть что — «Застава — в ружье!» — и вперед!

Что-то вспомнив, он остановился и, придерживая ребят, посмотрел вверх.

Ребята замерли.

Там, за шевелящейся листвой, высоко-высоко, так что кружилась голова, среди жаркой голубизны выступала белесая острая скала. Над ней неподвижно парили птицы... Ребята посмотрели на пограничника: «Скала — та?» И он кивнул: «Та!»

Кивнул, а потом спокойно произнес:

— Без тревоги здесь ни службы, ни подвига... И вообще, если ты человек, значит, надо тревожиться.

Он не сказал — за кого, но ребята и так поняли: за людей, за службу, за Родину, за кого-нибудь да тревожишься.

Дальше пошли спокойней, удивляясь тому, как на глазах меняются знакомые картины. А Прыгунов объяснил, что местность нужно изучать в движении. В движении все по-другому, все быстрее. Овладел движением, знаешь местность, ты — хозяин. И нарушитель уже не тот.

И тут Алеша, разглядев на совхозной дороге какие-то знакомые фигуры, задал непонятно откуда вынырнувший, но, видно, давний вопрос:

— А если человек вроде бы наш, а переходит все границы, так он как, нарушитель или нет?

Оглянувшись, удивленный Прыгунов хотел было сказать: — Смотря какой нарушитель, — но вдруг присел и сделал резкий знак рукой: — Стоп! Тихо!

За деревьями послышался лай, и в открывшийся просвет ребята увидели, как, болтая длинными рукавами, бежит под гору высокий человек в мешковатом балахоне, а за ним, пытаясь сорваться с поводка, громадными прыжками гонится пограничный пес Буран. Рядом с Бураном воинственно подпрыгивая, таял маленький крепкий щенок Удар. Вдруг убежавший споткнулся, Буран навалился на него и стал изо всех сил трепать балахон. Маленький Удар тоже вцепился в рукав и тянул его изо всех щенячьих сил, несмотря на то, что уже раздавалась команда вожатого: «К ноге! К ноге!»

— Смотрите, это же Майоров! — крикнул Алеша, указывая на «нарушителя» в балахоне.

Майоров удивленно смотрел на ребят: уговора-то не было! Но Прыгунов быстро скомандовал: «Отряд, становись!» И как только ребята выстроились в линейку, доложил, что пионерский отряд прибыл прямо на учение, потому что возник спорный вопрос по собачьей части и без инструктора Артамонова никак не обойтись!

Буран, широко зевнув, с интересом посмотрел на гостей, будто спрашивал: «Ну что там еще за собачьи вопросы?»

Он-то, Буран, знал, что вся эта случайная встреча не так уж случайна. Что целых полчаса сержант Майоров уговаривал инструктора Артамонова показать ребятам собаку в работе. А когда Артамонов собрался отказывать в третий раз, Майоров рассердился:

— Да ты, Артамонов, наверное, никогда не был пионером, а?

Только тогда инструктор вздохнул и принес Майорову драный нарушительский балахон...

— Так какой же у вас собачий вопрос? — спросил ребят румяный — кровь с молоком — инструктор Артамонов.

— Да вот... Говорят, что собаки уже не нужны, потому что теперь их заменят приборы.

— Говорить-то говорят.— Артамонов с усмешкой потер могучий затылок.— А чуть что — вызывай собачку! Правда, был один ученый: попробовал сконструировать машину, заменяющую собаку. Так получилась такая техника, что для нее понадобился целый вагон! А уж если учесть все собачьи уловки да хитрости, то выйдет настоящий собакопоезд! Так ведь? — Артамонов потрепал Бурана по холке, и сидевший у его ног «собакопоезд» поглядел на ребят довольными, умными глазами: «Еще вопросы будут?»

— А у него есть история? — Митя посмотрел на Бурана.

— Какая у него история? — усмехнулся Артамонов.— Откуда? Молод. Тут истории бывали такие, что и у собак и у людей при расставании слезы лились. А у него какая история?

Но Буран, мигнув, поднял морду и с недоумением и обидой поглядел на Артамонова: как же так? Почему это у него нет истории? И он может кое-что рассказать!

Он заворчал раз, другой. Митя, ребята да и сам Артамонов с удивлением посмотрели на пса.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Сергей МИХАЛКОВ

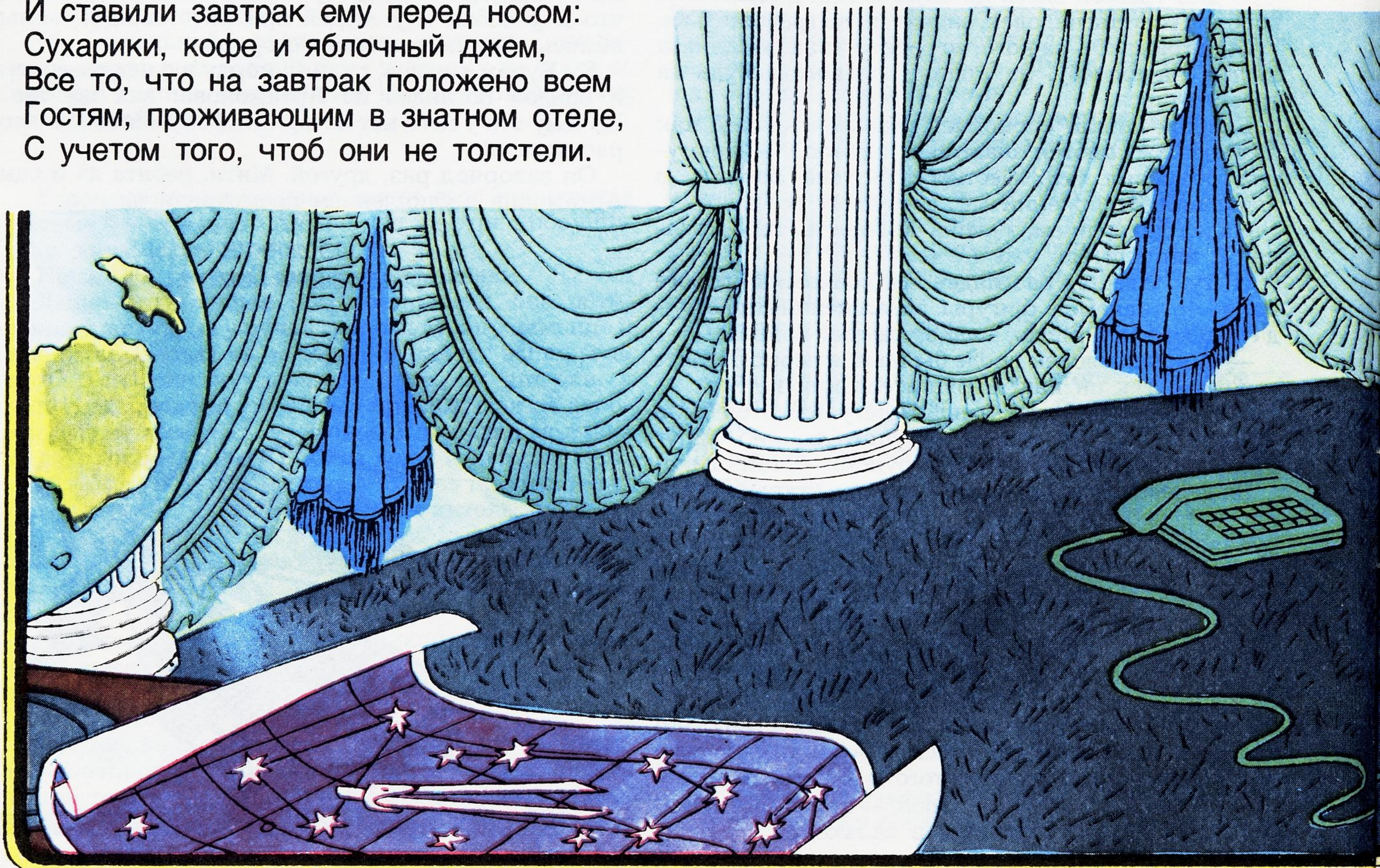
Вот Банкир

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

В богатом отеле, в роскошном отеле,
Где в комнате две широченных постели,
Где ноги ступают на мягкий ковер,
Где справа и слева — хрусталь и фарфор,
Цветной телевизор широкоэкранный,
В семнадцатом номере с розовой ванной,
С удобным креслом в стиле «ампир»,
Жил важный, пузатый известный банкир.

Он занятый номер оплачивал чеком
И то, что другому могло человеку
В нужде безысходной надолго помочь,
Он тратил легко за одну только ночь.
Входили к нему рано утром с подносом
И ставили завтрак ему перед носом:
Сухарики, кофе и яблочный джем,
Все то, что на завтрак положено всем
Гостям, проживающим в знатном отеле,
С учетом того, чтоб они не толстели.

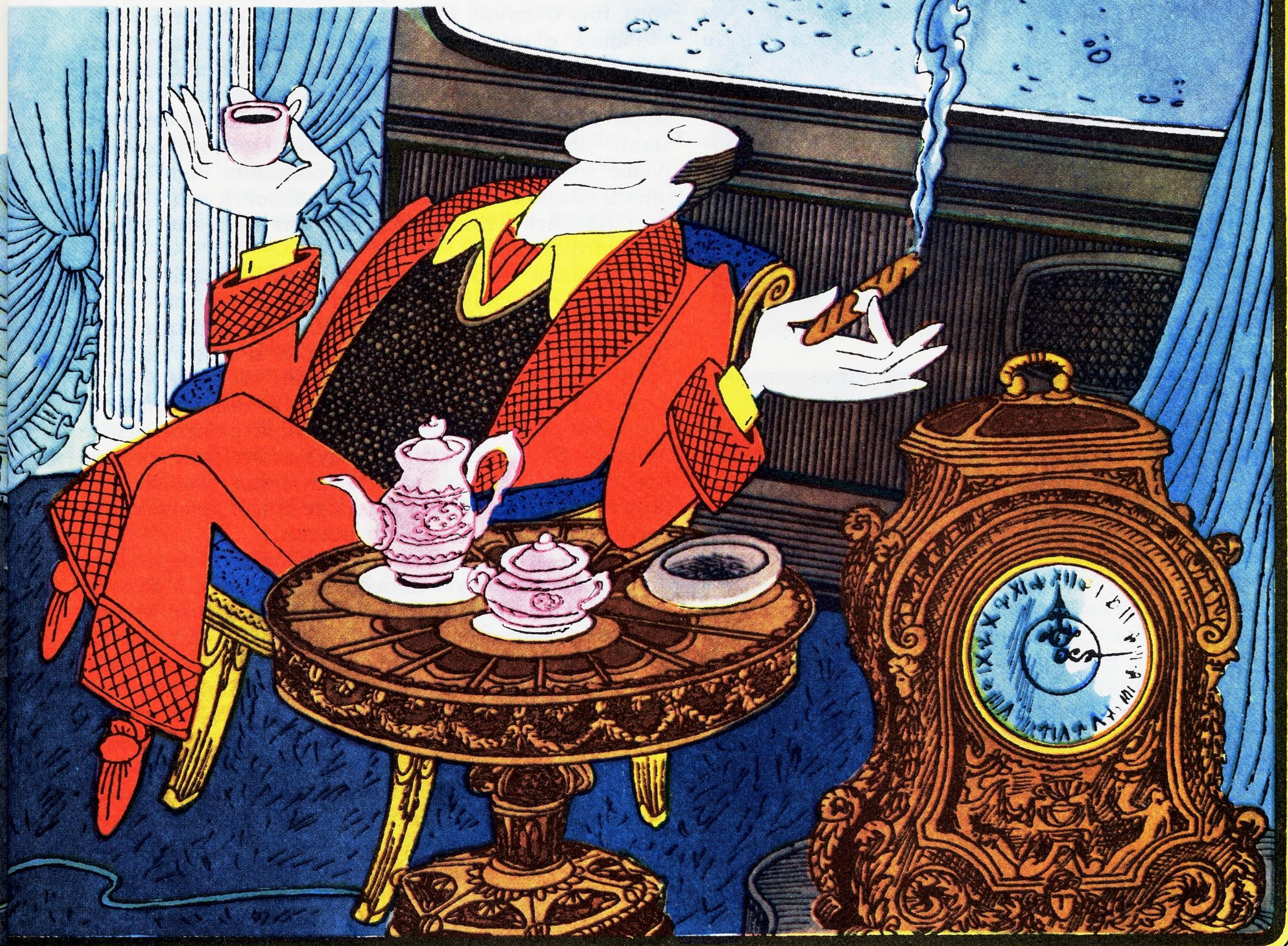
В то раннее утро, не скинув халата,
Банкир дозвонился кому-то, куда-то,
Надел свой фланелевый серый костюм
И лифтом спустился в гостиничный шум —
Здесь разные люди о чем-то болтали,
Купцы и дельцы переводчиков ждали,
Другие следили за всем, что вокруг,
На случай того, что случается вдруг.
И тут же грузили, несли и тащили
Багаж из Европы, Канады и Чили,
И, видевший много гостиниц и стран,
Слуга за хозяином нес чемодан.

Банкира ждала у подъезда машина,
Швейцар проводил до нее господина,
Тот сел на сиденье, довольный собой,
И плавно поплыл «мерседес» голубой.
Банкир неожиданно вспомнил о внуке,
О маленьком мальчике в штате Кентукки:
Продолжит ли Джонни, когда он умрет,
Фамильного клана финансовый род?

В то самое утро в одном кабинете
Банкир заседал на каком-то совете,
Потом перед ним положили на стол
И дали ему подписать протокол.
За ним подписал он какие-то списки
И, выпив немного шотландского виски,
Вернулся обратно в отель «Шеритон»
И там погрузился в полуденный сон...

А где-то пошли в производство заказы
На боеголовки, снаряды и газы,
А где-то уже создавалась ракета,
Что город разрушить должна была где-то...
И пахнувший кровью еще миллион
На банковский счет перевел Пентагон.

Как родную сестру встречали советские ребята в Москве, Ленинграде и «Артеке» американскую школьницу Саманту Смит, приехавшую в нашу страну по приглашению товарища Ю. В. Андропова. В те дни в журнал «Пионер» приходили сотни писем из разных уголков страны, и каждое из них начиналось словами «Дорогая Саманта!». Вместе с юной американкой советские пионеры выражали стремление к миру и взаимопониманию между американским и советским народами. Приехав в США, Саманта Смит во время встреч со взрослыми и детьми рассказывала правду о нашей стране. «Маленьким послом мира» называли ее люди доброй воли, «добровольным агентом Москвы» — враги мира. О своей поездке в СССР, о своих чувствах и впечатлениях Саманта написала в книге «Путешествие в СССР», главу из которой об «Артеке» мы печатаем в этом номере. Когда переводилась эта глава, мир облетела скорбная весть: Саманта Смит и ее отец, школьный учитель Артур Смит, погибли в авиационной катастрофе. Горька и тяжела утрата, но миллионы людей Земли, миллионы советских пионеров всегда будут помнить о пламенном юном борце за мир — Саманте Смит.

Саманта СМИТ

«ПУТЕШЕСТВИЕ В СССР»

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

На следующий день, прихватив с собой купальники, мы летели на юг, в Крым, где было тепло и солнечно. Стоило мне выйти из самолета, как подбежала группа ребят с букетами цветов. Они выкрикивали мое имя, а потом проводили меня в специальный артековский автобус. Все были веселы и улыбались. Они кричали: «Саманта, Саманта!»

Пока мы ехали до «Артека», мы пели под аккордеон. Дети научили меня несколькими песнями, в том числе мы спели и популярную песню, переведенную на английский:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!

Когда мы приехали в «Артек», тысячи ребят, одетых в красивую пионерскую форму, приветствовали нас на стадионе песней. Там был даже оркестр. От всего этого, от такой встречи я немного растерялась. Появились танцующие ребята с большим круглым хлебом в руках, на котором стояла солонка с солью. Их танец был похож на сцену из балета. И на мгновение мне показалось, что все это происходит во сне.

Со мной познакомился начальник «Артека». Он спросил, где бы я хотела остаться — вместе с родителями или с пионерами в лагере «Морской». Я была растерянна и только произнесла: «С пионерами!» Тогда начальник познакомил меня с Ольгой, девочкой, которая была командиром моего отряда, и мы вместе ушли. В лагере «Морской» я чувствовала себя хорошо, потому что многие ребята нашего отряда немного говорили по-английски. Например, некоторые девочки моей палаты — Вера, Света, Илона, Василина и Наташа Каширина.

С Наташей мы особенно подружились. Она хоть и скромничала, но по-английски на самом деле гово-

рила очень хорошо, скорее всего, потому, что ее мама преподавала английский язык в ленинградской школе. Наташа — красивая девочка, и, кроме того, она отлично играла на пианино и танцевала.

Рядом с моей кроватью в нашей палате был большой балкон, и по вечерам я могла любоваться скалистым берегом и вдыхать ароматы Черного моря. В действительности оно, конечно, не черное и мало чем отличается от Атлантического океана, разве что на нем почти нет больших волн и оно очень соленое. Повышенная соленость воды помогает плавать — такая вода держит не хуже спасательного жилета.

Я думала, что «Артек» похож на палаточный лагерь «Гёрл скаутов», но он совсем другой. В нем много прекрасных садов и зеленых дорожек для прогулок, которые ведут к морю, и там отдыхает сразу почти четыре тысячи ребят со всего Советского Союза. Все они нарядны и талантливы. В «Артеке» всё высшего качества, а ребята самые лучшие. Это или отличный музыкант, или тот, кто преуспел в науках, или спортивная звезда, или полиглот. Я нашла друзей даже среди девочек, кто вообще не говорил по-английски.

...Оля и другие девочки из моей палаты переодели меня в артековскую пионерскую форму, а волосы завязали двумя белыми бантами, так любят причёсываться многие советские девочки. Только галстук я носила бело-голубой, так как красный разрешено надевать только пионерам — членам пионерской организации. Когда наступило время ложиться спать, девочки, да и я тоже, порой дурачились, придумывая разные игры, но, когда Ольга говорила, что пора спать, веселье прекращалось. Правда, некоторые болтушки, когда Ольга выключала свет, шептались и в темноте. Сегодня мне тоже хотелось поболтать, но я так устала, что уснула мгновенно.

«Артек» — удивительное место. Там все организовано, очень помогают ребятам вожатые и воспита-

тели. Однажды перед окончанием первой смены все ребята готовились к костюмированному празднику. Ни разу в жизни я еще не была так занята!

Одним из лагерных праздников был День Нептуна. В программу входили лодочные гонки, катание, водный парад и множество смешных представлений. В завершение праздника некоторых пионервожатых бросали в воду — таков обычай!

...Обычно ребята задавали мне массу вопросов об Америке, особенно об одежде и музыке. Их также интересовало все о том, как я живу. Порой вечерами мы говорили о мире, но казалось, эти разговоры излишни: никто из них не испытывал ненависти к Америке и никто тем более не хотел войны. У многих ребят были родственники или друзья семей, кто погиб во время второй мировой войны, и они выражали надежды, что другой войны не будет **никогда**. Разговоры о войне тоже казались странными, потому что всем нам было так хорошо вместе. Тогда я сделала одно важное для себя открытие: я подумала, если мы смогли стать друзьями, стоило нам только получше узнать друг друга, так зачем спорить нашим странам? Ничего не может быть более важного, чем не хотеть войны, не воевать: война может убить все.

На другой день каждый пионер нашего лагеря написал свое заветное желание для будущих поколений. Мы положили свои записки в старые бутылки, закрыли их пробками и залепили воском. Потом на артековском катере мы плыли по Черному морю и выбрасывали бутылки далеко-далеко. Пусть Черное море несет хорошие пожелания. Я пожелала всем дружбы и мира. На катере был оркестр, и мы пели: «Пусть всегда будет солнце!» и «Морскую душу» — песню о душе моряка. Мы положили руки на плечи друг другу и пели, покачиваясь в разные стороны. Я тоже немного пела по-русски.

На третий день пребывания в «Артеке» мы ездили по Черному морю в Ялту и в Ливадию, в тот самый дворец, где Америка и СССР договорились быть союзниками и бороться против нацизма во второй мировой войне. Наташа и некоторые другие мои подруги ездили в тот день с нами. Когда мы вошли в зал, то встретили там миссис Чарльз Шульц, жену известного художника. Она путешествовала по Советскому Союзу. Мне и Наташе она приколола значки к пионерской форме. В Ялтинском дворце директор позволил мне посидеть в кресле, в котором сидел президент Рузвельт. Это огромное кресло, и я попыталась сесть так, чтобы мои ноги доставали до пола, я не хотела походить на маленькую девочку с болтающимися ногами.

Последний мой артековский вечер совпал с торжественным закрытием смены. Был парад, костер дружбы, танцы и костюмированный бал. Все пионеры собрались вместе. Было весело, танцевали даже папа с мамой. Некоторые девочки танцевали народные танцы в красивых национальных костюмах, а одна группа ребят была одета как Мишки-медведи, представляете, сотня танцующих медвежат. Это было огромное представление. Я произнесла там небольшую речь, сказала всем: «До свидания!»

Мои родители пошли на торжественный ужин в артековской гостинице, где они жили. А я и Наташа получили разрешение тоже в эту ночь ночевать в гостинице. Но мы были так возбуждены, что совсем не хотели спать. Мы встали, оделись и около

полуночи пошли на вечер, чтобы взять себе каких-нибудь пирожных и газированной воды. Там был начальник лагеря, и он сказал, что Наташа может поехать завтра с нами в аэропорт. Это была отличная идея, и мы пообещали идти спать.

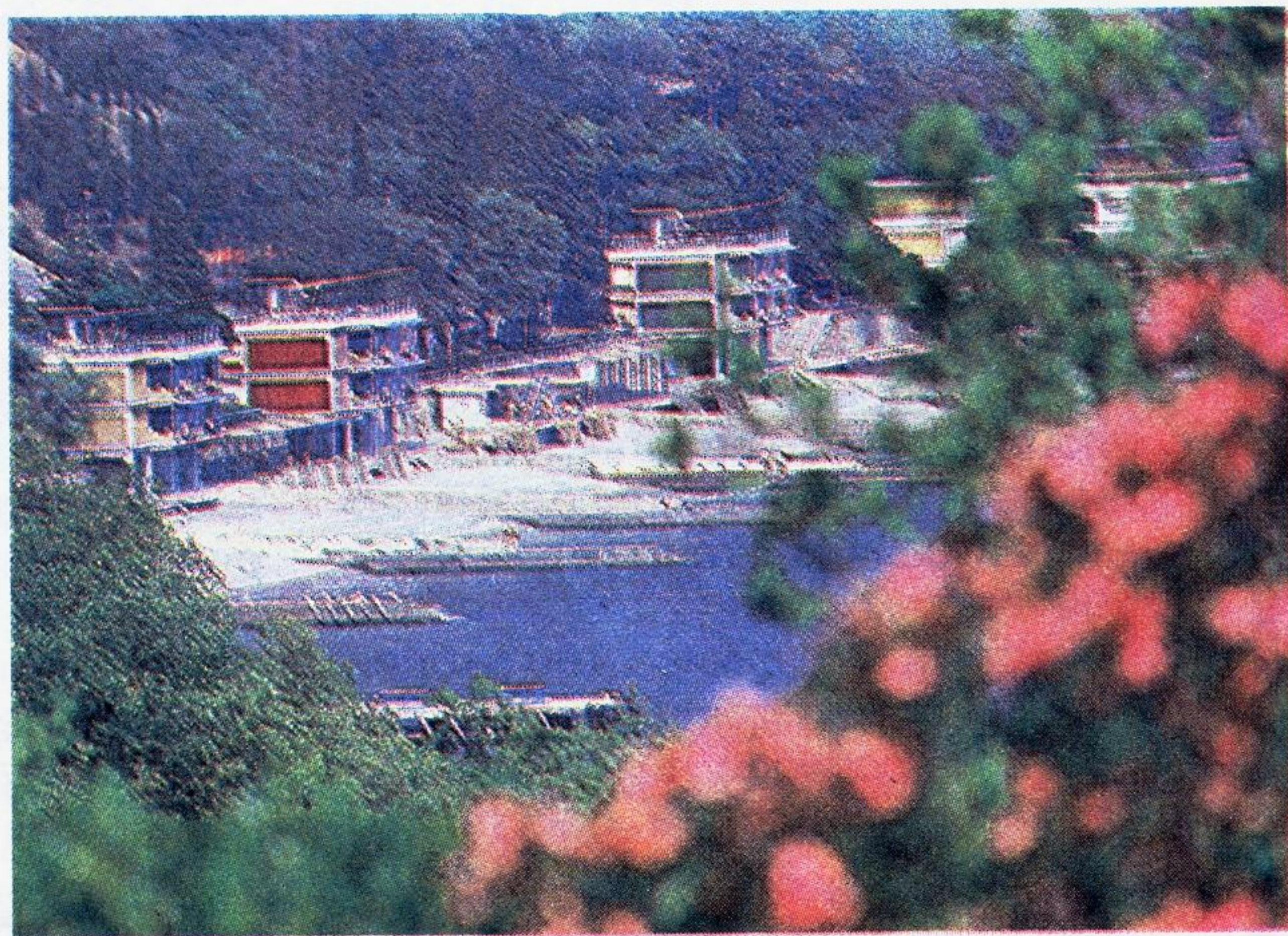
Спали мы только около пяти часов, потому что хотели пораньше встать, так как у нас было еще запланировано посещение совхоза перед тем, как мне с родителями предстояло лететь в Ленинград.

Совхоз похож на маленький город. Три тысячи жителей или работают там, или ходят в школу. Руководители совхоза занимаются интересными экспериментами с фруктами, и, когда мы сели за стол прямо посередине сада, на нем стояла миска с малиной, каждая ягода которой была величиной с мячик от пинг-понга. Мы с Наташей играли в саду и срывали персики прямо с деревьев. Затем нас пригласили на завтрак в дом директора совхоза, где была его большая семья — жена, сыновья, внуки.

...Назад, в симферопольский аэропорт. Я чувствую легкую грусть, когда самолет поднимается в воздух, но я не плачу, потому что мы с Наташей договорились встретиться снова через несколько дней в Ленинграде.

Перевела с английского
М. БОГДАНОВА.

Фотографии С. ЛИДОВА.

Отряд говорит

Ребята! Вы знаете, что сейчас идет всенародное обсуждение проектов новой редакции Программы КПСС, изменений в Уставе КПСС, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

На своих пионерских сборах и вы, наверное, вместе с вожатыми говорили и думали о том, насколько велика политическая значимость этих документов. Мы надеемся, что совет вашей пионерской дружины, советы всех пионерских отрядов позаботились о том, чтобы каждый пионерский коллектив, каждый пионер поняли, что в этих документах речь о наших программных целях, об узловых вопросах генеральной линии партии, ее экономической стратегии, формах и методах работы в массах на современном, исключительно сложном и ответственном отрезке истории, который во многом — как во внутреннем, так и в международном плане — имеет переломный характер.

Ваши письма, ребята, в «Пионер», в нашу рубрику «Отряд говорит с отрядом» радуют нас. Мы видим, что вы заинтересованно пытаетесь осмыслить свои задачи, свое место в общенародном деле, размышляете о том, чем можете помочь старшим, чувствуете ответственность юных граждан Страны Советов, которым жить и работать в XXI веке.

В ФОНД МИРА

Елена БОЙКОВА, г. Петропавловск-Камчатский, средняя школа №33. Наш город далеко от Москвы, но это не значит, что мы в стороне от тех дел, которыми живет страна. Мы понимаем, что проблема войны и мира — острейшая проблема, которая сейчас стоит перед человечеством. Наш класс решил внести в Фонд мира 100 рублей. И мы это выполним. Деньги зарабатываем, собирая лекарственные травы, металлолом, макулатуру, участвуя в ярмарках солидарности.

Алексей ЛЬВОВ, дер. Сева-

стьяново, Вологодский район, Вологодская область. Не хочу хвастаться, но за семь лет нашей школьной жизни мы с другом Сережей собрали немало макулатуры: я — 560 килограммов, а Сережа — 590. Мы и сейчас с ним соревнуемся. Я чуть-чуть отстаю. У него уже 147 килограммов, а у меня только 133. Мне кажется, наше соревнование подзадоривает весь наш отряд. И малыши тоже стараются, тянутся за нами. Пусть с самого начала понимают, что каждый честный человек должен внести свой вклад в дело укрепления мира.

Лена С., г. Златоуст, Челябинская область. Мы решили не отставать от своих сверстни-

ков — заработать деньги и перечислить их в Фонд мира. Нашли для себя посильную работу недалеко от дома. Помогали на почте разносить письма, газеты. Работали в детском саду. Подметали улицу. Работали в соседнем кафе. Еще чуть-чуть, и мы сможем отдать все, что заработали, для укрепления мира, в помощь голодающим детям. Работать, конечно, не очень легко, но мы думаем о том, во имя чего мы это делаем. И работаем с удовольствием.

«Острейшая проблема, стоящая сейчас перед человечеством, это проблема войны и мира».

Из проекта новой редакции Программы КПСС.

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

Людмила РЯБОКОНЕНКО, село Колоколье, Калининский район, Саратовская область. Я хочу рассказать о том, как выглядит боевой характер пионеров 80-х годов. Круглый год мы помогаем колхозу. Летом ухаживаем за свеклой, пропалываем ее. Ходим собирать колоски, чтобы ни один не пропал даром. Осенью мы всегда помогаем перебирать картофель, в конце зимы сортируем свеклу, чтобы высадить ее весной и получить высокий урожай. Этими важными делами занима-

ется вся школа, все 150 человек — 60 пионеров, 40 комсомольцев и 50 октябрят. Мы стараемся по мере сил помогать колхозу повышать урожай. Все пионеры берегут честь своего галстука как зеницу ока.

Нелли ХАЛМУРАДОВА, Иlichevский район, Сырдарьинская область. Наш пионерский отряд большой и многонациональный. Живем мы дружно и помогаем родному совхозу. Каждый год выходим на полевые работы, не отстаем от старшеклассников. Собираем хлопок, ко-

торый в нашем солнечном Узбекистане называют «белым золотом». Летом мы пропалываем сорняки, собираем виноград. Особая наша забота — хорошо учиться. Если кто-то отстает по какому-нибудь предмету, мы сразу же ему помогаем.

Оксана ЛЕОНОВА, г. Кемерово. Наш отряд ездил в поле помогать совхозу «Северный» собирать морковь. Мы ездили на поле первый год и еще не привыкли к такой работе. Но не унывали и не останавливались. Не ленились, шли вперед. Сыро

С ОТРЯДОМ

было, грязно, но никто не отказывался работать. Никто не хотел подводить отряд. Когда мы с морковкой покончили, мы еще и картошкой занялись. Хорошо поработали! Приятно сознавать, что приносишь пользу и пусть немного, но все же помогаешь выполнять Продовольственную программу.

Эльвира МАЗИТОВА, Стерлитамакский район, Башкирская АССР. Малышам нашего двора нечем было заняться, и

они носились по двору и по улице. Наша тимуровская команда принялась строить детскую площадку. Чуть отремонтировали мы старые веревочные качели, придумали несколько аттракционов. Стало во дворе уютно и весело. Прибегают ребята и из других домов к нам в гости. Нам кажется, человек должен научиться с детства не только хорошо работать, но и разумно отдыхать.

«Особое значение партия

придает усилению творческого содержания и коллективного характера труда, повышению его культуры, поощрению высококвалифицированной и высокопродуктивной работы на благо общества. Все это будет способствовать постепенному превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека».

Из проекта новой редакции Программы КПСС.

УЧИМСЯ САМОУПРАВЛЕНИЮ

Маша СКРЕБНЕВА, г. Казань. В нашем пионерском отряде всегда было пионерское самоуправление. Классный руководитель Светлана Павловна не возражала, чтобы мы все решали сами. Да только не все у нас получалось. Совет отряда соберется, придумает что-то интересное, предложит ребятам, а они молчат. Ни возражений, ни дополнений. Задания большинство выполняют добросовестно, но творчески работают очень немногие. И всем нам, к сожалению, требуются напоминания от классного руководителя. В чем тут дело? Это серьезный вопрос, потому что нам, когда мы вырастем, придется участвовать в народном самоуправлении, и мы должны быть к этому готовы.

«Принципиальное значение мы придаем положениям проекта о развитии политической системы советского общества, все более полном осуществлении социалистического самоуправления народа.

Хочу, товарищи, со всей силой подчеркнуть: без всемерного расширения и углубления социалистической демократии, то есть без создания условий для повседневного, активного и действенного участия всех трудящихся, их коллективов и организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни, мы не сможем успешно идти вперед. В инициативе, энергии, живом творчестве масс, их сознатель-

ном, заинтересованном отношении к задачам созидания нового строя — вот в чем видел Ленин важнейший источник силы и жизненности социализма».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1985 года.

XXVII съезд КПСС

начнется

25 февраля 1986 года.

Как готовится к этому важнейшему историческому событию в жизни нашей страны ваша пионерская дружина, пионерский отряд, каждый пионер? Какими делами, поступками порадуете вы старших товарищей — коммунистов и комсомольцев?

Расскажите нам об этом. Мы будем ждать ваших сообщений.

ПОСТУПОК

Ребята! Вы, наверное, помните, что в нашей рубрике «Поступок», в пятом номере «Пионера» было напечатано письмо Наташи Искаковой из Ленинграда. Наташа рассказывала, что совсем еще маленькой тяжело заболела и вот уже 14 лет не может ходить. Но учится в нормальной школе, учит упорно немецкий язык, занимается историей, научилась печатать на машинке, хотя действует у нее только левая рука.

Наташина судьба взволновала многих ребят.

Больше 10 тысяч писем получила Наташа. Больше 10 тысяч друзей появилось у нее в нашей стране и за ее пределами.

На странички «Отряд говорит с отрядом» Наташа обратилась с такими словами:

«Я хочу поблагодарить всех-всех ребят и взрослых, которые написали мне. И пусть не обижаются те ребята, которым я не смогла ответить отдельным письмом. С радостью бы ответила, но возможности нет — писем пришло уже более десяти тысяч. Спасибо всем большое и не обижайтесь на меня. Радуюсь, что у меня появилось столько друзей.

Хочу поблагодарить и редакцию, и еще раз прошу, опубликуйте это мое письмо. Пожалуйста!

С уважением Наташа ИСКАКОВА.

СЧАСТЬЯ ТЕБЕ, НАТАША, РАДОСТИ, ЗДОРОВЬЯ И УСПЕХОВ!

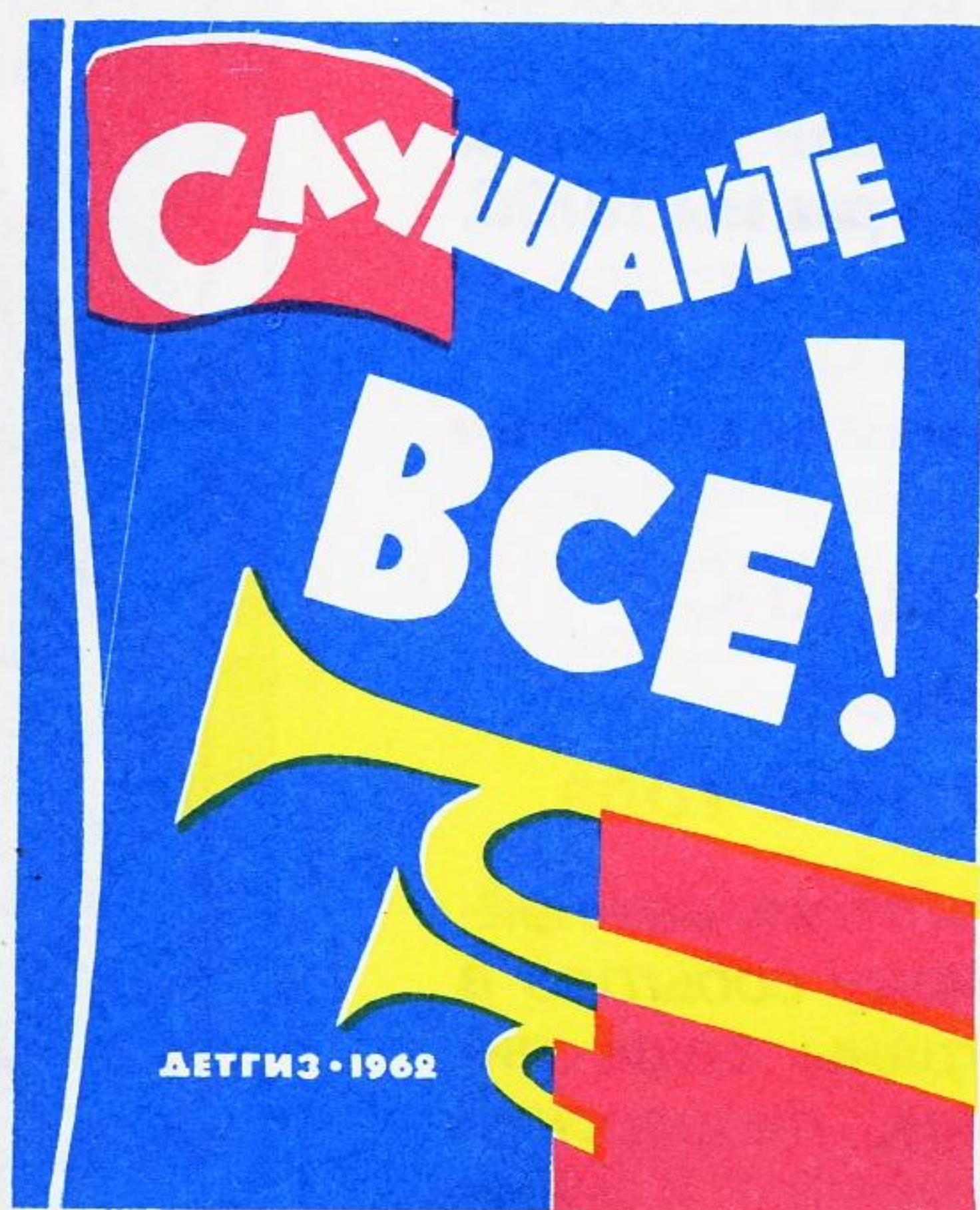
Ребята! Не забывайте на конверте написать: «Отряд говорит с отрядом», если захотите рассказать о себе, своих друзьях и делах на наших страничках. ЖДЕМ ВАШИХ ИНТЕРЕСНЫХ РАССКАЗОВ!

101459, ГСП, Москва
Бумажный проезд,
14, 11 этаж
«Отряд говорит с отрядом»

Салют, Горловка!

А. МАРКУША, М. МАТВЕЕВА

Книга «Слушайте все!» начиналась двадцать пять лет назад и вышла в свет к сорокалетию пионерской организации. Книжка была яркой и не совсем обычной, ну, хотя бы потому, что на первой ее странице значилось:

НАД КНИГОЙ
РАБОТАЛИ
517 ПИОНЕРОВ,
1 ПИСАТЕЛЬ,
1 ЛИТЕРАТУРНЫЙ
РЕДАКТОР,
3 ХУДОЖНИКА,
1 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
РЕДАКТОР,
2 КОРРЕКТОРА,
5 НАБОРЩИКОВ,
5 ПЕЧАТНИКОВ
И МНОГИЕ ДРУГИЕ
РАБОТНИКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
И ТИПОГРАФИИ.

Действительно, в толстеньком томике, выпущенном издательством «Детская литература» (тогда «Детгиз»), ребята рассказывали о своем городе, о славных делах — пионерских и взрослых; мечтали, стараясь представить день завтрашний — свой и страны, делились планами...

Мечты и дела.

Редакции нашего журнала показалось интересным узнать, во что же воплотились мечты пионеров шестидесятых годов, мам и пап пионеров сегодняшних.

И еще: живы ли старые традиции, имеют ли они продолжение, как используют их пионеры Горловки, шагая маршрутами Всесоюзного марша юных ленинцев?

Как дело было

О том, как начиналась книга, как появилось ее не случайное название, рассказывает писатель Анатолий Маркуша.

Сегодня уже трудно вспомнить, кто сказал «а», кто — «б». После того, как мы побывали на большом совещании пионерских работников, меня пригласил директор издательства Константин Федотович Пискунов, человек, влюбленный в литературу, знавший все, что хоть как-то имело отношение к детской книге, и повел речь о том, что надо «изобрести» книжку про пионерию, да не вообще изобрести, а к празднику — к приближающемуся сорокалетию. Книжка должна быть, что называется, с изюминкой...

Сказал, что секретарь ЦК ВЛКСМ, председатель ЦС ВПО имени В. И. Ленина Любовь Кузьминична Балясная идею поддерживает и очень рекомендует

съездить в Горловку, там пионеры сделали уже много замечательных дел и наверняка сделают еще: очень уж в Горловке боевые ребята.

И тут всплыло имя Георгия Константиновича Чичканова — секретаря городского комитета партии, который замечательно выступал на пионерском совещании. Он был назван «фанатиком пионерской работы». Позже я познакомился с Георгием Константиновичем, узнал, что самостоятельная жизнь этого замечательного человека началась в шестнадцать лет и его первая должность была — старший пионерский вожатый школы. Потом он окончил аэроклуб, школу летчиков и не один год проработал летчиком-инструктором. Вскоре после войны Чичканов демобилизовался из армии, сменил много должностей в партийном аппарате, но всегда оставался вожатым в самом высоком и лучшем понимании этого слова. Люди с удовольствием и доверием шли за ним, а он с охотой и, как казалось со стороны, без особых усилий вел их от одной цели к другой, радуясь успехам и горько переживая срывы, когда они случались.

Надо ли говорить, что появление представителей издательства в Горловке Георгий Константинович встретил одобрительно и незамедлительно включился в нашу работу.

На первых порах это была разведка: Инна Ивановна Кротова, заместитель главного редактора «Детгиза», которая стала потом литературным редактором книги, и я, тот самый «один писатель» Маркуша, ходили из школы в школу, знакомились с горловскими ребятами, приглядывались к их делам и ломали себе головы, как обнаружить и привлечь к делу покуда еще неизвестных нам авторов будущей книги. Хотелось, чтобы они не просто откликнулись на призыв писать, а ринулись в общую работу с открытой душой, заинтересованно, чтобы «заболели» идеей ребячьей книжки.

Всякая книга начинается первым листом, первой строчкой, как дорога — первым шагом. И вот к одному вырванному из тетрадки листку прибавился другой, третий... Множились имена ребят. Тех самых 517 авторов, росло число добровольных «сочинений», и в конце концов оказалось, что нужен почтовый мешок из многослойной толстой бумаги, иначе нам не увезти всего написанного ребятами в Москву, где предстояла дальнейшая работа над книгой.

С тех пор прошло двадцать пять лет! И вот редакция журнала «Пионер» поинтересовалась, известно ли что-нибудь о дальнейшей судьбе тех ребят, что написали «Слушайте все!»?

— Увы! — признался Анатолий Маркуша. — Ничего не знаю. В последующие годы было много другой работы, встреч, новых книг.

А если вернуться к той поре?

Предложение оказалось неожиданным. Не думайте, будто возвратиться на двадцать пять лет назад так просто...

Но... любознательность поборола. И снова писатель и редактор (увы, Инна Ивановна Кротова

умерла, ее сменила в этой поездке редактор отдела журнала «Пионер» Марина Матвеева) отправились в путь.

И вот он, Донбасс! Вот они, знакомые и незнакомые очертания славного шахтерского города.

Слово мечтателям

На самых первых страницах пионерской книги, верные напутствию В.И. Ленина «Надо мечтать» авторы повели разговор о мечте. И правильно, какая жизнь, если не манят дали, если не дразнит горизонт, не зовут звезды?! Одним из первых на вопрос «О чем ты мечтаешь, друг?» ответил в свое время шестиклассник Володя Позин. Находясь под впечатлением тогда еще недавнего первого полета в

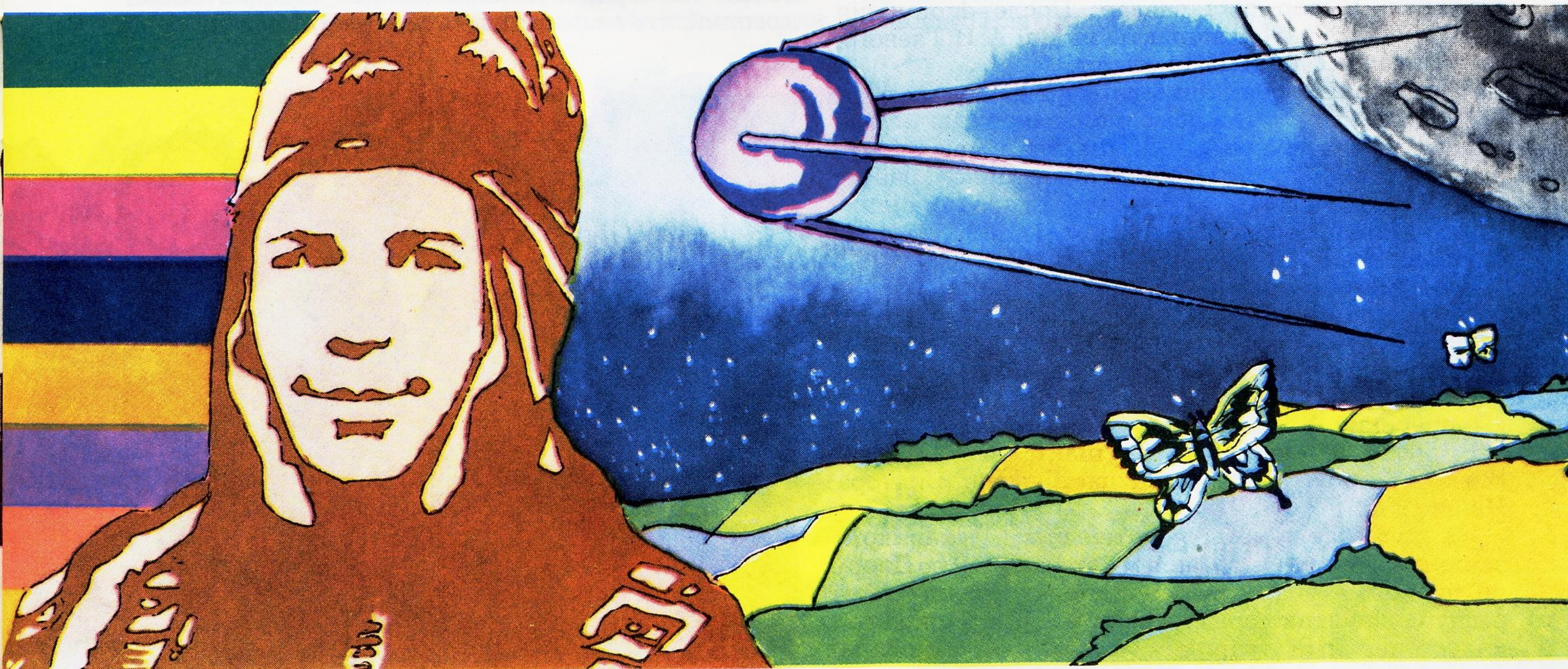
воспитания характера, выработки таких черт, как честность, трудолюбие, непримиримость к плохому, чуткое отношение к товарищам...»

Дела земные

Мечты — мечтами, а если спуститься, как принято говорить, на грешную нашу землю, и поглядеть, как опыт пионерских лет отразился на судьбе бывших ребят, уже давно ставших солидными мужчинами и женщинами?

Но сперва, с вашего разрешения, кусочек из старой книги:

«Раньше пионеры Калининского района Горловки, как и все наши ребята, собирали и сдавали

космос, он мечтал покинуть Землю, чтобы попасть на Юпитер, где, полагал, «нас тепло встретят юпитерцы, они покажут нам оранжереи, в которых цветут самые причудливые цветы, покажут озеро, в котором нет воды, но полно летающих рыб... На Юпитере мы проживем несколько дней в хорошем общежитии, а потом взревет двигатели, и мы полетим домой!»

Посмеиваетесь, читая? А знаете, почему?

Вы сильно повзрослели, ребята, в сравнении с вашими мамами и папами тех далеких лет. И это — хорошо оно или плохо — налагает на вас дополнительную ответственность! С тех, ребята, кто больше знает, лучше разбирается в жизни, и спрос выше.

Теперь горный мастер Владимир Анатольевич Позин с улыбкой вспоминает свою наивную увлеченность космосом и говорит: «Труд шахтера — почетный труд, а способность мечтать — отличная способность: она помогает человеку быть лучше, бодрее смотреть в дальние дали, не унывать, когда трудно, не уставать жить. Годы пионерской работы оставили в памяти многое — веселые сборы, соревнование в учебе и спорте, летние лагеря... А работа в совете отряда и в городском пионерском штабе, а какие прекрасные были встречи с ребятами Ленинграда и в их славном городе-герое, и у нас, в Горловке?! Те годы остались в сердце временем

металлолом без особого восторга. Надо? Дадим. И давали.

Сказать, что собирать старое железо было очень интересно, не скажешь, но раз нужно — значит, нужно. Но вот кому-то, теперь уже трудно установить кому именно, пришла в голову счастливая мысль: «Давайте собирать металлолом и сделаем так, чтобы он пошел на что-то очень нужное нашему городу».

Думали, гадали, спорили, решили: будем сдавать металлолом на трамвай.

Лазали по дворам, искали на улицах, шарили возле терриконов, тащили брошенное на произвол судьбы, отслужившее свой век железо и воображали, как из всей этой рухляди получится новенький, красный, веселый трамвай; как он побежит по улицам Горловки, рассыпая на перекрестках трель звонка, сверкая стеклами, — свой пионерский трамвай.

И вот прошло несколько месяцев. Утро выдалось холодное, ветренное, но к назначенному времени явились все — и пионеры и взрослые. На путях стоял новенький трамвайный состав — красный, блестящий, яркий.

Володя Байбородов поднялся на грузовик, изображавший трибуну, и передал ключи от трамвая вагону водителю, и тут грянул оркестр, и все закричали: «Ура!»

Внутри головного вагона укрепили бронзовую доску:

Построен из металлолома,
собранного пионерами
Калининского района
города Горловки.

В народе говорят: «Лиха беда начало!» Действительно, стоило ребятам Калининского района начать, как пошло...»

Вы обратили внимание, ключи от пионерского трамвая вручил вагоновожатому Володя Байбородов. Сегодня Владимир Сергеевич Байбородов — директор шахтоуправления, уважаемый и широко известный в Горловке человек.

«В пионерские годы я мечтал о медицине. Но случилось так, что после девятого класса я работал полтора месяца на шахте, познакомился с трудом горняков. Выбор был сделан. После окончания школы я стал рабочим шахты имени А. И. Гаевого, затем окончил горный институт.

Пионерский огонек никогда во мне не угасал, он продолжал гореть и в комсомольские годы (я был членом комитета комсомола шахты, членом бюро факультета в институте) и на партийной работе (был членом парткома, секретарем парткома шахты). Шахта шефствует над школой № 23, так что общение с пионерией продолжается...»

Владимир Сергеевич охотно встречается с ребятами, всегда рассказывает им о шахтерском труде, умеет выслушать молодых, дать совет и наверняка улыбается, когда, проезжая улицами Горловки, встречает «Пионерский троллейбус», сменивший «Пионерский трамвай» его молодости.

В числе 517 авторов «Слушайте все!» был и Виктор Широколов. Послушаем теперь Виктора Ивановича.

«В пионерские годы я хотел стать механиком, занимался конструированием автомоделей во Дворце пионеров, участвовал во многих областных и республиканских соревнованиях. А потом окончил индустриальный техникум и получил специальность электромеханика. Служил на флоте механиком, демобилизовался, поступил в Донецкий политехнический институт. Окончил — в 1978 году. С тех пор веду монтаж оборудования на шахтах. Я считаю, что пионерские годы были временем вступления в мир познания и творчества, уже тогда я ощутил радость труда, которую мне дарили сработанные своими руками автомаodelи. Собственно, в это время и определилось мое жизненное призвание — быть механиком, выработалось и вполне четкое отношение к жизни — активное участие во всех начинаниях коллектива».

Надо ли удивляться, что столько горловских мальчишек посвятили свою жизнь технике? Они становились на ноги в индустриальном краю, с малых лет росли в окружении машин. Впрочем, не все юные горловчане выросли в инженеров, механиков, механиков...

На всю жизнь!

И еще один отрывок из «Слушайте все!».

«В кружок под названием «Театр кукол» я хожу уже давно. И никогда пока еще не пожалел, что выбрал такой кружок. Вот собрались мы однажды выступать во дворе большого дома по Комсомольской улице, а ширму с собой не взяли. Забыли. Думаете, у нас ничего не получилось? Вот и нет! Все

получилось, потому что ребята сами сделали вполне хорошую ширму. Ну, конечно, не такую, как у нас во Дворце пионеров, но все же похожую. Ребята из дома на Комсомольской улице радовались, ну и мы были довольны — не зря шли. Показали им народные сказки, «Репку» и другие. Все были очень рады.

А вот другой случай. Взяли мы наших кукол и пошли выступать на Гипроградскую улицу, во двор дома № 63. Сначала погода была чудесная, и мы шли и веселились, а потом вдруг полил дождь. Да какой! Все же мы пришли и увидели, что зрителей во дворе собралось много и никто не хочет уходить. Только сбегали за плащами, а у кого плащей не было, те надели старые пальто, упаковались в клеенки.

Сначала мы спрятались в сарае: думали, дождь пройдет и мы выступим. Сами мы готовы были и под дождем играть для таких ребят, но куклы... дождя не терпят. Только ливень зарядил такой крепкий, что нам пришлось перенести спектакль на

другой день. А тогда я еле добрался до дому. По дороге, между прочим, такой гром ударил, что я с перепугу свалился в лужу. Здорово свалился. Когда уходил из дому, рубашка была белая, а когда вернулся — совсем черная.

И все-таки мы дали свое представление, правда, на два дня позже, чем было намечено. Но ребят собралось все равно много — больше даже, чем в первый раз...»

Ну, играл мальчик в куклы, пусть то были театральные куклы, что ж тут такого? Чуть-чуть терпения! И вы все поймете.

«В юные годы мечтал быть летчиком и геологом, а еще путешественником, чтобы открывать новые материки и острова. Очень любил читать о лесах, тайге и зверятах, — рассказывает Николай Иванович Трегубов, — и вот работаю теперь лесничим. Высаживаем саженцы елочек и сосен на местах очищенных лесоразработок. Кропотливая это и очень нужная работа: лес — наше богатство».

Но при чем тут все-таки кукольный театр?

Спокойно! Сейчас.

«Думаю, что характер мой сложился в «Театре кукол», — в большой работе — именно работе, а не занятиях, хотя и занятия и репетиции под руковод-

ством Анны Ивановны Хайт были очень интересными, увлекательными — трудиться нам всем приходилось до седьмого пота. Мы все делали сами! Декорации, кукол, костюмы...

На всю жизнь научила меня Анна Ивановна прощать людям их маленькие слабости, не падать духом в трудную минуту: это очень помогло мне потом и помогает сегодня. В нашем леспромхозе работает пионерский «Зеленый патруль», и я стараюсь по мере сил передавать ребятам все, чему научился сам в молодые годы».

Анна Ивановна Хайт и сегодня руководит коллективом «Театра кукол» при Дворце пионеров. Неугомонно продолжает она играть свой главный спектакль — жизнь, которая перевалила уже... впрочем, возраст дам не принято называть вслух.

Театр всегда увлекал ребят.

Сережа Калугин тоже был ярким болельщиком и постоянным участником представлений пионерского теневого театра. Пятиклассники ставили для

задач. С молодых лет я всегда был активистом. Увлечение самодеятельным театром продлилось и в студенческие годы.

У меня двое сыновей, хочу верить, что они вырастут активными, деятельными, здоровыми душой и телом людьми».

Плечом к плечу

Семиклассница Элла Паевская рассказывала в книге «Слушайте все!» о встречах ребят с рабочими, о живом соревновании учеников и производственников, о том, какое волнение испытывали и ребята, и взрослые во время общения.

Причастность молодых к взрослой жизни, ко всем большим начинаниям в городе, области, стране — характерная примета шестидесятых годов.

Элла Владимировна — учительница, окончила

малышкой «Колобок», «Теремок», «Лиса, заяц и петух», «По щучьему веленью». И не было случая, чтобы счастливые первоклашки не награждали артистов бурными аплодисментами.

Кто из участников теневого театра думал тогда, что несет своей игрой доброту зрителям, кто мог предположить, что сам незаметно становится добрее и чище душой, учится жить для людей?

Теперь время отвечает: не ведали, а научились!

Сергей Васильевич Калугин представляет сегодня одну из самых гуманных профессий на свете — он нейрохирург.

«Когда мы были пионерами, происходили удивительные события, связанные с научно-технической революцией. Самое впечатляющее из них — полет Гагарина, а следом и других космонавтов. У многих ребят мечты тогда были самые фантастические. Помню, спорили, какими будут в 2000 году школа, город, природа, жизнь, как изменятся профессии. Лично мне хотелось такой специальности, польза которой была бы предельно наглядна — для людей и для меня самого. В десятом классе это желание конкретизировалось — решил стать врачом.

Пионерские годы вспоминаю охотно: это полоса непосредственности в отношениях, прямоты в спорах, одержимости в выполнении поставленных

педагогический институт, но так уж сложились обстоятельства, что работает она библиотекарем. Вот ее слово к молодым:

«Чем вспоминается детство? Любимые, умные, добрые родители, верные друзья. В школе любимые и не совсем любимые учителя. Жизнь детей более наполнена событиями и кажется куда ярче, чем взрослая жизнь. Это я теперь поняла. Из детства вынесла активное отношение к делам общественным, я и сейчас член редколлегии институтской газеты, товарищи выбрали меня заседателем народного суда. Часто думаю о минувших годах, сравниваю наше время с вашим пионерским временем. Какой вывод? Вполне оптимистический!»

Впрочем, оптимизм не помешал Элле Владимировне поделиться и некоторыми критическими замечаниями. Ее, библиотекаря, тревожит элемент торгашеского отношения к книге, когда «читателей», не всех, конечно, занимают не столько содержание и художественные достоинства того или иного издания, сколько рыночная цена книги.

О встрече с шахтерами шахты имени Румянцева рассказывал в свое время и Сережа Солодилов.

Сергей Степанович Солодилов стал инженером, автоматика и телемеханика — дело его жизни.

«У меня интересная специальность, интересная

работа. Я занимаюсь станками с числовым управлением, роботами... А все началось в пионерские годы... Оглядываясь на прожитое, могу сказать: человек меняется всю жизнь, но становление личности происходит как раз в пионерские годы. Ощущаю это на себе. Будьте оптимистами, ребята, воспитывайте в себе чувство ответственности за порученное дело!»

Завтра начинается сегодня

Все ли мечты и планы тринадцати-четырнадцатилетних девчонок и мальчишек шестидесятых годов сбылись?

Честно и прямо — не все.

Восторженный шестиклассник Юра Дронов рассказывал читателям в пионерской книге о замечательных поездках горловских ребят к морю. В частности, он писал: «Вот там, за горизонтом, лежит большой свет, целый мир, который раньше мы могли увидеть исключительно на глобусе».

Юра тогда еще не знал, что этот большой мир не всегда принимает во внимание даже самые горячие желания своих обитателей, Юре еще предстояло познакомиться с железным понятием — необходимостью. Откуда он мог знать, что повзрослеть ему придется раньше, чем можно было предположить...

«Я мечтал быть врачом,— рассказывает инженер-механик Юрий Дмитриевич Дронов,— а жизнь сделала меня политработником. Утешаюсь в какой-то степени тем, что в этих далеких друг от друга профессиях есть много общего: политработники, как и врачи, в нужный момент должны приходить на помощь человеку. Доброе слово, наставление, поддержка — тоже лекарства...»

Юрий Дмитриевич хорошо улыбается, он знает: живу с пользой для людей, не это ли превыше всего?

В четырнадцать лет Юра потерял отца, это печальное обстоятельство сразу же сделало человека взрослым. Годы комсомольской и партийной работы крайне обострили в нем чувство личной ответственности за все происходящее рядом.

На вопрос, что, по мнению Юрия Дмитриевича, портит какую-то часть сегодняшних ребят, он, не задумываясь, отвечает:

— Опека! — И тут же приводит пример: — Приходит девушка получать паспорт. Ей — шестнадцать, а на вид можно дать и все двадцать. И что ж вы думаете, является заполнять учетный листок в сопровождении мамы! «Для чего,— спрашиваю,— эскорт?» И слышу: «Как бы чего не напутала!» Что тут сказать? И смех, и слезы. Обидно и за девушку, и за ее маму...

О пионерах шестидесятых, об авторах книги «Слушайте все!» можно бы рассказывать и рассказывать, называя все новые имена. Важно, однако, не сколько бывших ребят мы расспросили, а какими они оказались.

Прежде всего они были и остались работающими, они были и остались легковоспламеняющимися на хорошие дела, все нашли свое место в жизни, почти у каждого — дети...

Жизнь продолжается, а это значит — люди мечтают, любят, верят, надеются.

Салют пионерам шестидесятых!

А что наследники?

Как живет пионерам Горловки сегодня?

Об этом — в следующем номере нашего журнала.

Нину Самойлову мы обязательно найдем

Дело было так: накануне вступления моего сына Саши в пионеры я пошла за подарком в магазин «Старая книга». Уже целый год Саша собирал библиотечку, где на самой любимой полке стояли стихи.

В магазине сразу поняли, что я ищу, и протянули томик: «Лучший подарок для вашего сына! Посмотрите на год издания». На первой странице я прочитала: «К 50-летию со дня рождения. 1893—1943. В. В. МАЯКОВСКИЙ. ИЗБРАННОЕ. Ленинград. 1943». И сердце дрогнуло: книга напечатана в сражающемся городе, где передовая проходила по окраинам, и, бывало, на фронт ехали на трамвае. Ленинград воевал с фашистами, трудился, учился, и вот, оказывается, не забыл и о юбилее Маяковского, выпустил десятитысячным тиражом томик его стихов...

Но самое удивительное: на оборотной стороне обложки я заметила потускневшую от времени надпись: «Пионерке Нине Самойловой за героическую работу в тимуровском отряде. Ленинград. 1943 г.»

Как оказалась эта книга в магазине? Жива ли Нина Самойлова сейчас и где она?

Раз уж к нам в руки попала весточка из блокадного Ленинграда, мы с сыном решили разыскать Нину Самойлову и узнать, что делали пионеры во время блокады в тимуровских отрядах.

Пошли в библиотеку. Достали пожелтевшие подшивки блокадных газет — комсомольской «Смены» и партийной «Ленинградской правды». Делали выписки для будущих поисков. Потом перечитали и увидели, что получилась своеобразная тимуровская летопись блокадного Ленинграда. Полистайте вместе с нами ее страницы.

31 июля 1941 года. В день, когда началась война, в Приморский райком комсомола явился худенький паренек в ковбойке.

— Я школьник, сейчас у меня каникулы, могу делать все, что будет нужно.

Выполняя отдельные поручения, Олег Лихачев стал работать в райкоме комсомола постоянно. Теперь он приходит в райком каждый день. Являясь командиром группы связистов при райкоме, Лихачев берет на себя самые различные оперативные задания. Организует разноску

повесток военкомата, проверяет работу комсомольцев, помогающих милиции, выполняет задания штаба местной противовоздушной обороны. А. Буковский, инструктор райкома.

3 декабря 1941 года. В 274-й школе ребята собрали папиросы, мыло, спички, носовые платки, теплые носки, карандаши, блокноты. Все это упаковали в посылки и отправили на фронт.

В 56-й школе ученицы 7-го класса Инна Боголюбова, Катя Сельван, Люся Казачинская и другие вяжут для бойцов теплые перчатки. В школе организована бригада, которая чинит белье в госпиталях.

Из архива 105-й школы, дневник пионерской дружины. Зима 1942 г. 23 января. Девочки третьих классов ходили выступать в госпиталь.

3 февраля. Девочки девятого класса ходили в госпиталь. Починили 50 штук белья. **5 февраля.**

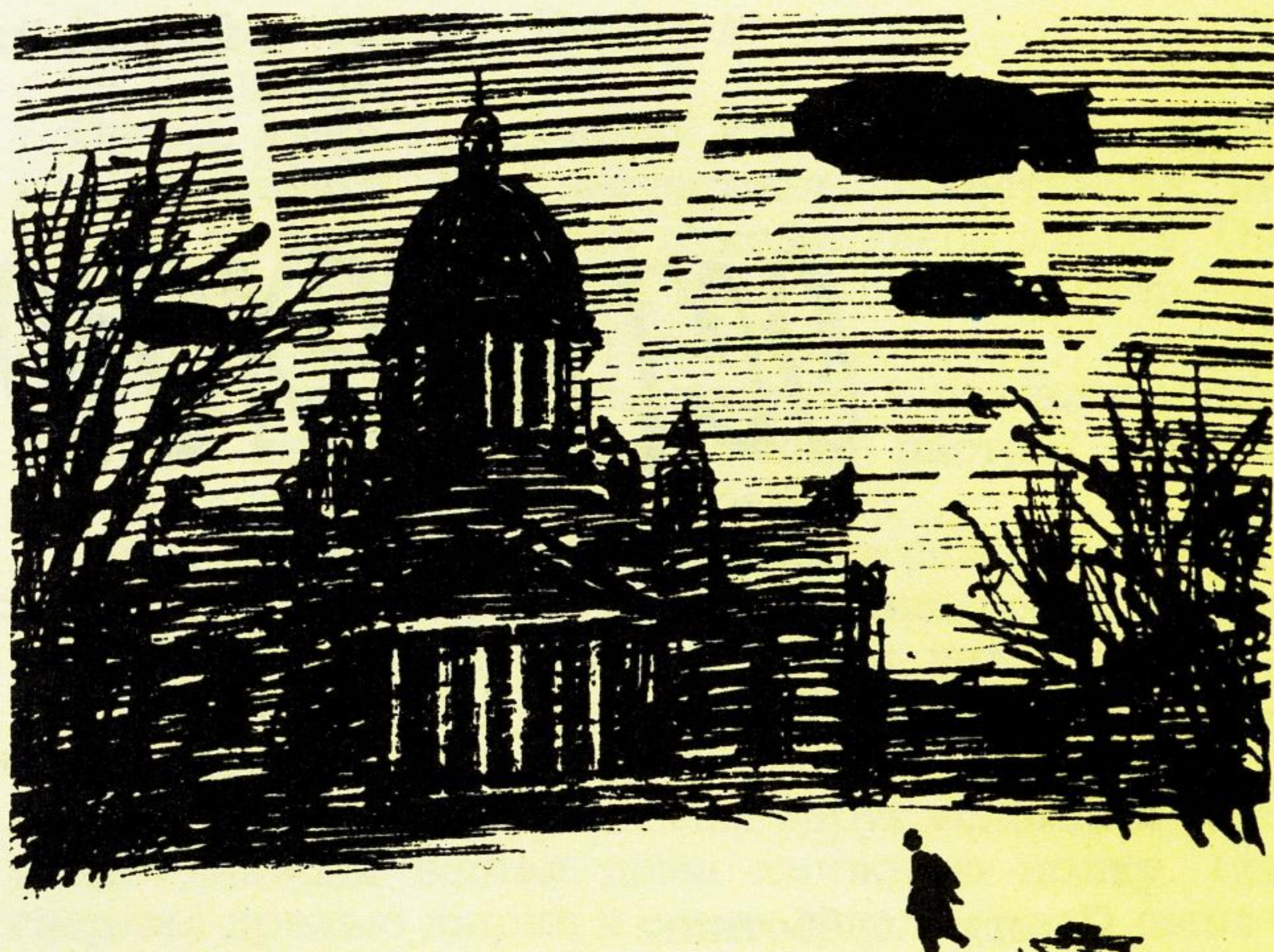
Девочки восьмого класса чинили в госпитале белье. Починили 50 штук. Дежурили во 2-й хирургии, читали и рассказывали в палатах.

7 февраля. Чинили белье. **8 февраля.** Чинили белье.

27 марта 1942 года. Учащиеся нашей школы вместе с преподавателями помогают трудящимся района очищать улицы от снега. Мы принимали участие в нескольких воскресниках. Во время одного из них очистили от снега участок на набережной реки Фонтанки, во время другого работали на проспекте 25-го Октября. Оба раза мы успешно справились с заданием. Учащиеся 207-й школы М. Люмельская и Н. Храковская.

15 апреля 1942 года. Спасибо ребятам-тимуровцам, которые заботятся о наших семьях в Ленинграде. Мама пишет, как школьники доставляли ей дрова. А когда мой младший брат заболел, они привели врача, помогли ей, ослабевшей, по хозяйству. Нам легче на фронте, зная, что наши семьи окружены заботой. Пулеметчик Тимофеев.

1 июня 1943 года. У нас образовалась тимуровская дружина. Мы доставали ордера, получали на складе дрова и отвозили на дом семьям фронтовиков. У нас есть подшефное домохозяйство. Недавно мы обработали для него земель-

ный участок. Вся эта земля поделена между живущими в доме семьями фронтовиков, которым не под силу было самим вскопать себе огороды... Начальник тимуровской команды школы № 82 Герман Приезжий, члены команды.

Известный поэт Юрий Воронов был школьником блокадных лет, о своем поколении он писал:

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью
и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только
в сорок пятом —
Паспорта.

К сожалению, имя Нины Самойловой нам в газетах не встретилось. Читатели «Пионера», тимуровцы, помогите нам. Может быть, кто-то из вас знает о судьбе Нины, встречается с ее родными, близкими? Сообщите нам по адресу: Ленинград, ул. Вавиловых, д. 11/6, кв. 107. **Наталия Петровна ДЬЯЧЕНКО** и **Саша ДЬЯЧЕНКО**, ученик 4-го класса 132-й ленинградской школы.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

ВСЕМ, ВСЕМ ТИМУРОВСКИМ ШТАБАМ, КОМАНДАМ, ОТРЯДАМ!

В январе — феврале этого года во Всесоюзном пионерском лагере «Артек» проходит тимуровская смена. На нее съехалось более 400 тимуровцев. Они приготовят трудовые подарки партийному съезду, проведут трудовые десанты, обменяются опытом работы, обсудят планы, примут участие в читательских конференциях по произведениям А. П. Гайдара.

Тимуровцы! Если вы хотите рассказать о своей работе, завязать переписку с другими тимуровскими коллективами, пишите по адресу: 334265, Крым, Артек, дружина «Янтарная», штабу тимуровской смены.

Письма отправляйте до 1 февраля 1986 года.

Салют Гайдару!

ОСТОРОЖНО — ОКРАШЕНО!

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Сегодня субботник.

Во дворе толкуются большие ребята, из окна видны красные куртки, синие куртки — яркие пятна. И желтые листья летят по двору.

Мария Юрьевна говорит:

— Седьмые классы убирают двор, мы всей продленкой пойдем им помогать.

— Ура!

— Уроки можно не делать!

— Субботник это во! — Денис выставил большой палец.

Во дворе солнце, семиклассники включили транзистор, танцует среди желтых листьев Лукошкина.

Сережа никогда не был на субботнике, но ему нравится, что во дворе можно будет носиться. А вдруг повезет и позволят покрасить скамейку?

Учительница вдруг говорит:

— Два человека останутся мыть двери. Добровольцы есть?

Добровольцев не было. Сережа подумал, как неприятно и неловко, что он — не доброволец. Но ведь и другие тоже. А солнце сияло, листья крутились под ногами у танцующей Лукошкиной, а потом взлетали к небу, как желтые птицы.

— Добровольцев нет, — задумчиво сказала учительница. Она обвела взглядом всех по очереди. Сереже показалось, что она надеется: вдруг у них совесть проснется? Но совесть не проснулась. Никто не хотел мыть двери.

— Придется назначить самой, — говорит Мария Юрьевна.

«Сейчас меня назначит», — почему-то думает Сережа. И тут же учительница говорит:

— Сережа Лунин.

— Так я и знал. Мне вообще везет в последнее время.

— Ничего страшного. И Нина Грохотова. Да, да, Нина, и нечего морщиться.

Остальные не проявили никакого сочувствия к Сереже и Нине.

«Во люди, — думал Сережа, — как носиться или беситься, так все к нему хорошо относятся: «Серый, Серый». А как двери мыть, так тоже Серый. А они все белые».

И тут Мария Юрьевна сказала, что второе звено во двор не пойдет, а будет мыть пол в коридоре.

Второе звено взвыло, но вскоре затихло, потому что — бесполезно.

Сережа сказал:

— Руслан, хочешь сменяемся? Я за тебя пол мою, ты за меня дверь моешь. Согласен?

— Еще чего, — ответил Руслан, — хитренький больно.

— Ничего хитренького. Пол-то грязнее, — Сере-

жа еще надеялся, что Руслан не разберется, что к чему. Но Руслана голыми руками не возьмешь. Сразу сообразил:

— Пол-то мыть всем вместе, а вместе веселее. Ну, я пошел.

И ушли. Остался Сережа в классе с Ниной Грохотовой, которая только умеет хвалиться своими шарфиками да «дипломатом» с секретным замком. Хоть бы когда-нибудь разрешила замком пощелкать. Нет, никогда.

— Не плачь, Серый, когда-нибудь и тебе повезет! — крикнул Денис из коридора.

— Неси воду, Лунин, — командует Нина Грохотова, — и неси тряпку.

— У нас полное равноправие, — ворчит Сережа, — подождешь. Или неси сама.

Он влезает на подоконник и смотрит во двор. А там веселый кавардак, веселый-развеселый!

Видит Сережа, как Денис несется прямо на кучку семиклассниц. Они, конечно, сделали вид, что испугались, разбегаются. Одна успела стукнуть Дениса по спине. Как хотел бы Сережа быть сейчас на месте Дениса. А Денис пускай бы мыл эту дверь противную.

Сережа забыл, что он сейчас вовсе не моет дверь, он в окно смотрит. Жалко ему себя было в тот момент, вот и все.

Два парня красят скамейку. Напялили на головы прозрачные пакеты, чтобы не забрызгать краской свои роскошные прически. Ах, как хорошо они красят скамейку. Вот один обмакнул кисть в банку, и засверкала на кисточке зеленая краска. Как трава зеленая. Как весна зеленая. Медленно ходит кисть по спинке скамейки, вдоль всей доски ложится ровной полосой краска. И сразу становится видно, какая была скамейка некрасивая, тусклая, облупленная. А теперь будет блестеть и сиять, как новенькая. Ну что за прекрасная скамейка.

Сережа только сейчас всей душой полюбил вдруг эту скамейку. Он раньше никогда не замечал ее, не сидел на ней ни разу. Кто же в десять лет выходит во двор, чтобы сидеть на лавочке? Девчонкам, им сидя удобнее людей обсуждать. А мальчишки — нет, они бегают, они торопятся, у них много дел интереснее, чем на скамейке сидеть. Эх, как они ее красят! Ну до чего же хорошо красят-то! Почти уже покрасили спинку, теперь сиденье будут красить.

А вон около качелей, стоят Катя Звездочетова, Мальвина и Сима. Опираются на грабли неразлучные подружки. Им, значит, досталось сгребать в кучи листья. Ну до чего, наверное, прекрасная работа — с листьями возиться. Они шуршат, ветер гоняет их по всему двору, по кругу, а ты ловишь их граблями, и никуда эти листья от тебя не убегают. Ты сгоняешь их

в кучу. После на этой куче можно попрыгать. Кого-нибудь толкнуть можно в эту кучу. А можно вывалиться в листьях, и чтобы девчонки кричали: «Серый! Ты весь пыльный! И куртка! И шапка!» Девчонкам покричать — одно удовольствие.

В коридоре Сережа слышит веселый командирский голос:

— Вы моете коридор с той стороны, мы моем — с этой. Потом будет стыковка у среднего окна. Поехали! — Это Руслан.

Хорошо Руслану со всеми в коридоре. Хорошо Денису со всеми во дворе. Всем хорошо — Сереже плохо.

Вон смеются в коридоре, кто-то визжит:

— Руслан! Не брызгай в меня водой! Ты что? Это, конечно, Майка Башмакова.

А Нина Грохотова ноет:

— Серый, ну Серый! Чего ты застыл? Сколько мне тебя ждать?

Он тяжело вздохнул, нехотя сполз с подоконника, притащил ведро воды, взял тряпку, а другую кинул Нине.

— А мыло, Серый?

Вот приставучая. Буркнул:

— В шкаф.

Он тер дверь со злостью, как будто она была во всем виновата, эта несчастная, захватанная не совсем чисто вымытыми руками дверь класса. Он намывливал тряпку и мыл, мыл. А с другой стороны скреблась, как мышь, Нина Грохотова.

— Ой, пятна не отмываются, — пожаловалась она, — ну кто измазал дверь синей пастой? Дураки все-таки какие. Правда, Сережа?

Он не отвечает, не до нее. Сережа сам не заметил, как вошел в азарт. Ему теперь важнее всего, чтобы каждое пятнышко сошло с двери под его тряпкой. И так важно, чтобы дверь отмылась, чтобы победить.

Он надраивает дверь, а сам вдруг вспомнил, как отец однажды вешал дома книжную полку. Он сверлил дрелью дырки в стене, гудела дрель, сыпалась на пол белая пыль, отец стоял на табуретке, и лицо у него было такое, как будто он шел в атаку. Сережа видел такие лица в фильмах, а здесь его собственный папа шел в бой на их собственную стенку.

Сережа идет выливать воду. «Стоп! — вдруг прыгает к нему Коля Ежов. — Мы коридор мыли, а он — ходить! Не пуцу!»

— Пора ужинать,—позвала мама. Отец не отозвался. Он сверлил и ничего не замечал вокруг. Сережа тоже не пошел есть, он ждал отца. Он держал коробочку с шурупами. Когда надо—подаст.

Мама вышла из кухни:

— Я зову за стол! — Она повысила голос, отец не мог не слышать. Но он не отозвался. Он вешал полку, и только это существовало сейчас в мире для него: просверлить дыры, забить в них деревянные пробки, ввернуть шурупы, повесить полку, поставить на нее книги. Все! Тогда можно ужинать, обедать, песни петь—все, что хочешь. А пока—атака. И лицо одержимое.

Мама постояла, покачала головой:

— Все Лунины на работу бешенные. Хорошо это или нет? Наверное, хорошо. Хотя почему нельзя сделать перерыв и поесть?

Никто не ответил, и мама ушла.

Они, Лунины, на работу бешенные. И Сережа идет в бой. Он так трет дверь, что тряпка стала горячей. А может, это кажется—просто ему самому жарко от работы.

— Серый, я не буду пятна оттирать. Подумаешь, правда?

— Ничего подобного! Старайся!

С его стороны некоторые пятна тоже сопротивлялись, они прямо въелись в краску, но Сережа знал, что он победит. И накидывался на каждое пятнышко, и оно в конце концов поддавалось, исчезало.

И дверь начинала сверкать. Оставалось совсем немного. Теперь стало видно, какая она была раньше невзрачная и скучная, эта дверь, пока за нее не взялся Сережа. Теперь она становилась как новенькая, сияла, веселилась. И Сереже стало весело.

Он и сам не заметил, как стал мыть другую сторону, а Нина отошла и сказала:

— Во завелся.

Он не отвечал, он работал. Он чувствовал себя сильным и веселым.

А в коридоре уже давно ни смеха, ни крика. И со двора никакие вопли не доносятся. Правильно—или орать, или дело делать. Сережа усмехнулся—стоит Нина Грохотова в сторонке, вид у нее жалковатый. Так и надо. Пятна не отмываются! Еще как отмываются, еще как, еще как здорово-то. Это тебе, Грохотова, не в шарфиках выставляться, не «дипломатом» своим хвалиться с секретным замком. И зачем тебе, Грохотова, секретный замок? Дверь вымыть толком и то не можешь.

Интересно, докрасили ребята скамейки? Много ли времени прошло? Но и в окно поглядеть некогда. Что-нибудь одно—или в окна глазеть, или дело делать.

Хорошая, между прочим, работа—дверь мыть. Нисколько не хуже никакой другой. Была дверь грязная, а стала вон какая. Вот это дверь так дверь!

Сережа протирает ее с обеих сторон чистой сухой тряпкой. Ну до чего хороша!

Вдруг появляется Коля Ежов.

— Вот это дверь! Дайте пройти, мне в класс надо.

Нина Грохотова вдруг как заверещит:

— Еще чего! Мы моем, а он ходит! Нашу дверь руками своими хватает! Иди отсюда, а то тряпкой!

Коля попятился, потом говорит:

— Привет. Что же мне теперь через окно, что ли, влезать? Так третий этаж все-таки. Подумай своей головой, Грохотова.

Сережа молчит, полощет в ведре тряпки. Нина повернула к Сереже разгоревшееся лицо:

— Серый! Ты чего молчишь? Каждый будет чистую дверь грязными руками хапать. А ты молчишь.

— Да не грязные они, я вымыл.—Коля Ежов показывает мытые ладони.

— Не пуцу! —загораживает дверь Нина Грохотова.

«Чего она бушует?» — удивляется Сережа. Наверное, так часто бывает: что-нибудь одно—или работать, или скандалить. Он в спор не ввязывается, идет выливать воду. Закончена работа, настоящий работник усталой походкой шагает по коридору—так думает о себе Сережа. И ему приятно так думать.

— Стоп! Куда?—вдруг прыгает к нему Коля Ежов.— Не смей ходить! Ишь, Серый! Мы коридор мыли, мыли. А он—ходить! Топтать! Не пуцу! Нечего пачкать наш чистый пол!

Сережа не узнает Колю Ежова. Самый смирный, самый тихий—во разбушевался. Растерянно ставит Сережа ведро.

— Нечего ваше грязное ведро на наш чистый пол ставить! Убирай сию минуту! И не ходи по коридору!

Сережа с интересом спрашивает:

— Что же мне теперь летать, что ли?

— А как хочешь! Меня не касается! И ты, Грохотова, не пройдешь! Дверь пускай ваша. А пол—наш. Вот так!

Коля Ежов кажется Сереже на себя не похожим. Что с ним делать? Пока Сережа принимает решение, приходит Денис. Он сразу разбирается, что происходит, и включается:

— А двор кто убирал? Ага! Мы мели и чистили! По двору никому не ходить! Ни тебе, ни тебе! —серьезно кричит, но вдруг прыскает:— Во дают! Смех один!

У Дениса есть чувство юмора. За это Сережа его еще больше уважает, Дениса. И у Сережи есть чувство юмора, только иногда оно сильно развито, а иногда слабее. И тогда до Сережи не сразу доходит, что смешно, а что не смешно. Но сейчас дошло—и правда, смешно. И Сережа стал хохотать вместе с Денисом. А за ними и Коля Ежов. Тут и Нина Грохотова наконец засмеялась и от двери отошла.

Тут другие подбежали, каждый стал кричать свое:

— На доске не пишите никто! Я ее вытирала! —Это Катя Звездочетова.

— В окно не смотрите! Мы его в субботу с Башмаковой мыли! —Это Кира Сухиничева.

Веселый тарарам.

Пришла со двора Мария Юрьевна, в косынке и очень молодая.

— Устали? А дверь-то просто новенькая. Ну, какие молодцы Нина Грохотова с Сережей. Вот сразу видно—умеют люди работать. И пол в коридоре прекрасно вымыт. И двор чисто убран. Приятно? Приятно. Теперь все по домам.

Сереже хотелось сказать, что Нина Грохотова больше стояла и смотрела, а он один так хорошо поработал. Пусть все знают, и Мария Юрьевна пускай знает. Все должно быть по-честному. Возьмет и скажет. Но не сказал. И сам не знает, почему. Наверное, так: или работать, или ябедничать.

Они все вместе шли через двор. Чистые, подметенные дорожки. Празднично блестит зеленая скамейка, и к ней приколоты бумажка: «Осторожно! Окрашено!»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ДРУЖБЫ

У нас в гостях юные болгарские шахматисты — читатели пионерской газеты «Септември». Вот какое письмо мы получили из Софии.

«Дорогие советские ребята!

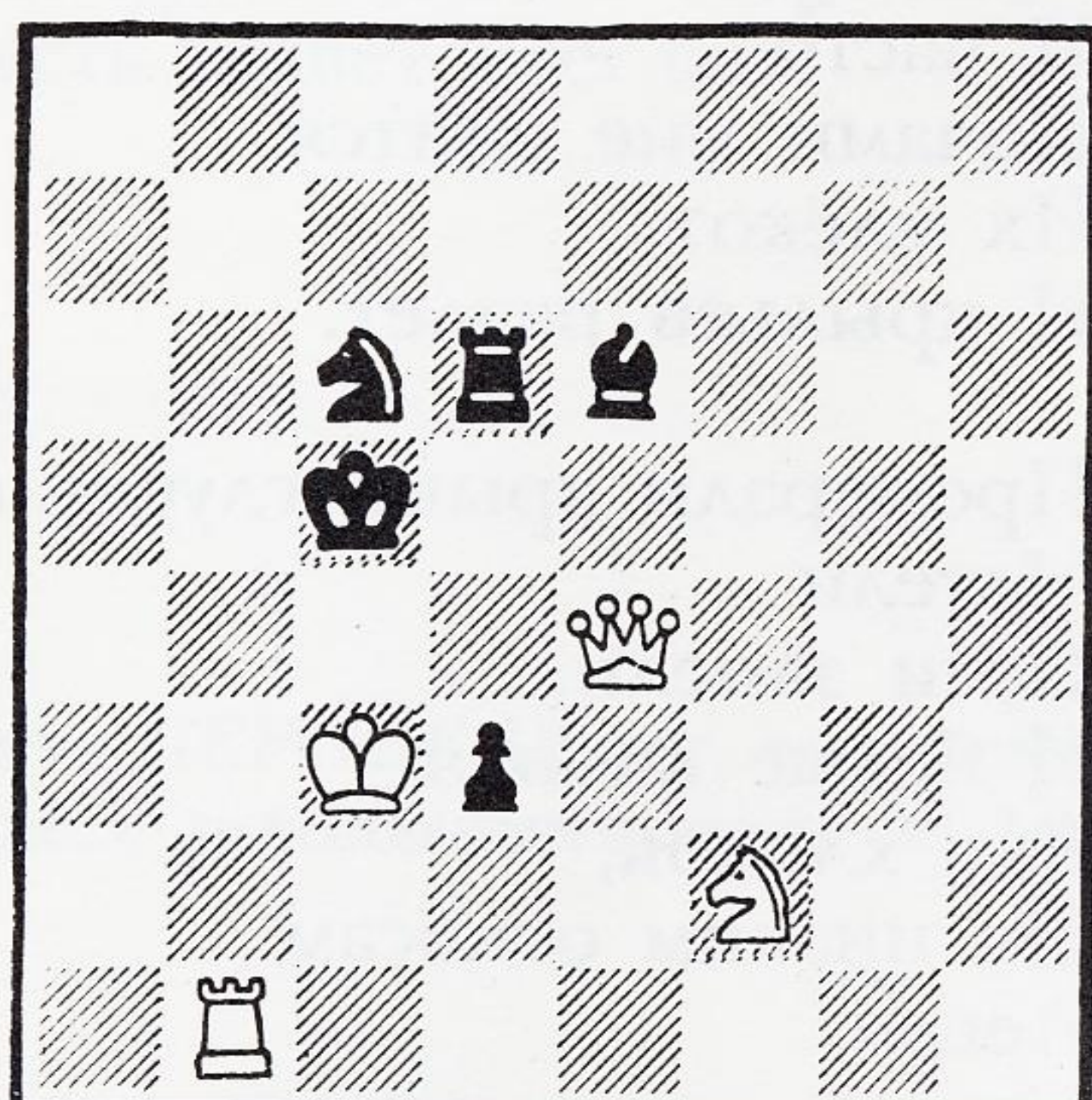
Шлем вам сердечный привет, поздравляем с Новым, 1986 годом! Желаем вам в новом году больших успехов в учебе, спорте, шахматах.

По примеру клуба «Белая ладья» мы организовали свой пионерский шахматный клуб «Морски конче» — «Морской конек». У нас уже прошли шесть командных первенств пионерских дружин.

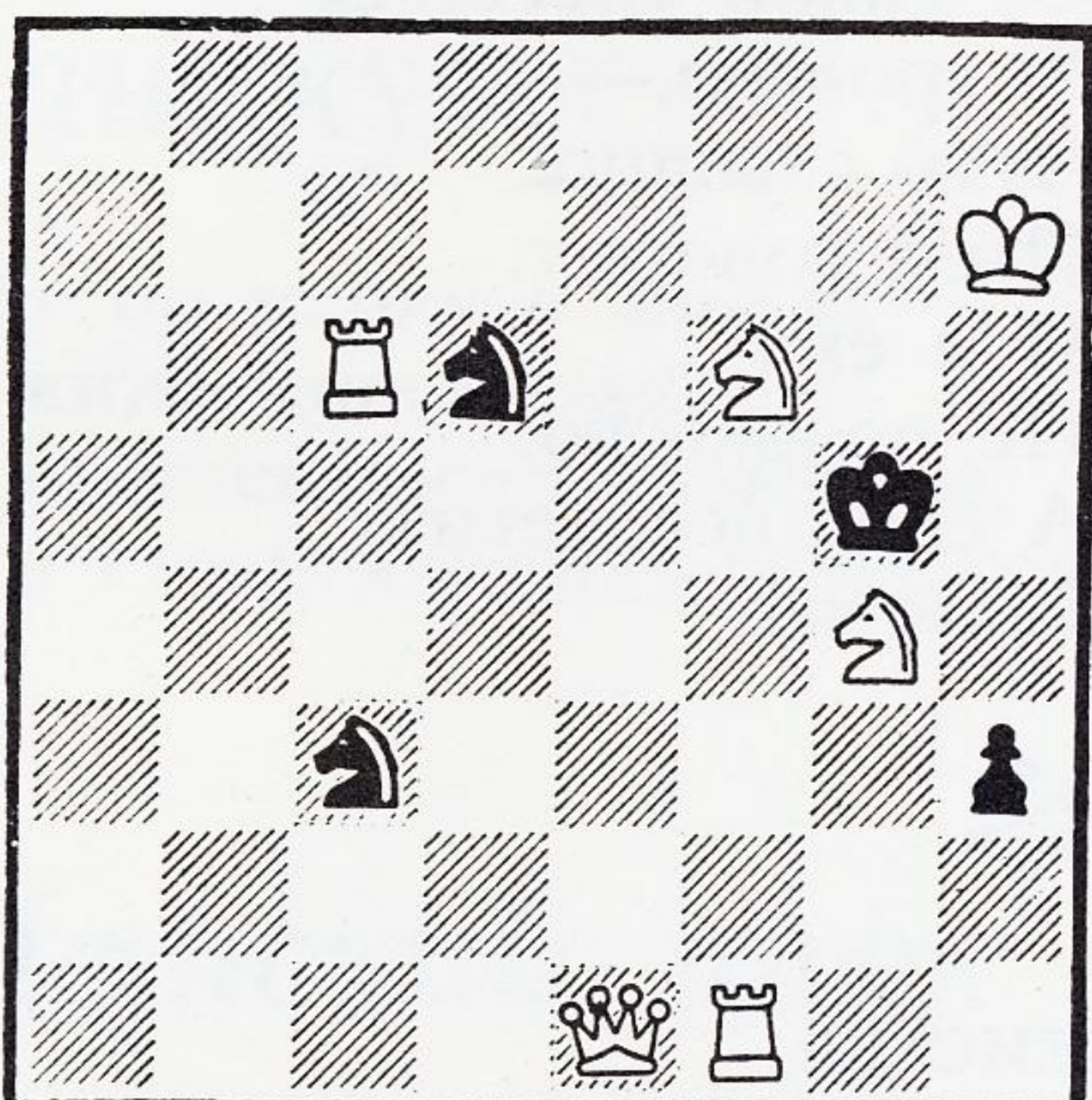
Для многих юных шахматистов турниры «Морски конче» стали отличной школой пионерской дружбы, спортивного мастерства. Здесь начинали путь в большие шахматы гроссмейстеры Кирчо Георгиев и Мария Войска.

Мы надеемся, что будут постоянно развиваться и крепнуть связи между клубами «Белая ладья» и «Морски конче». Предлагаем читателям журнала «Пионер» принять участие в Конкурсе дружбы, в который мы включили три задачи болгарских авторов.

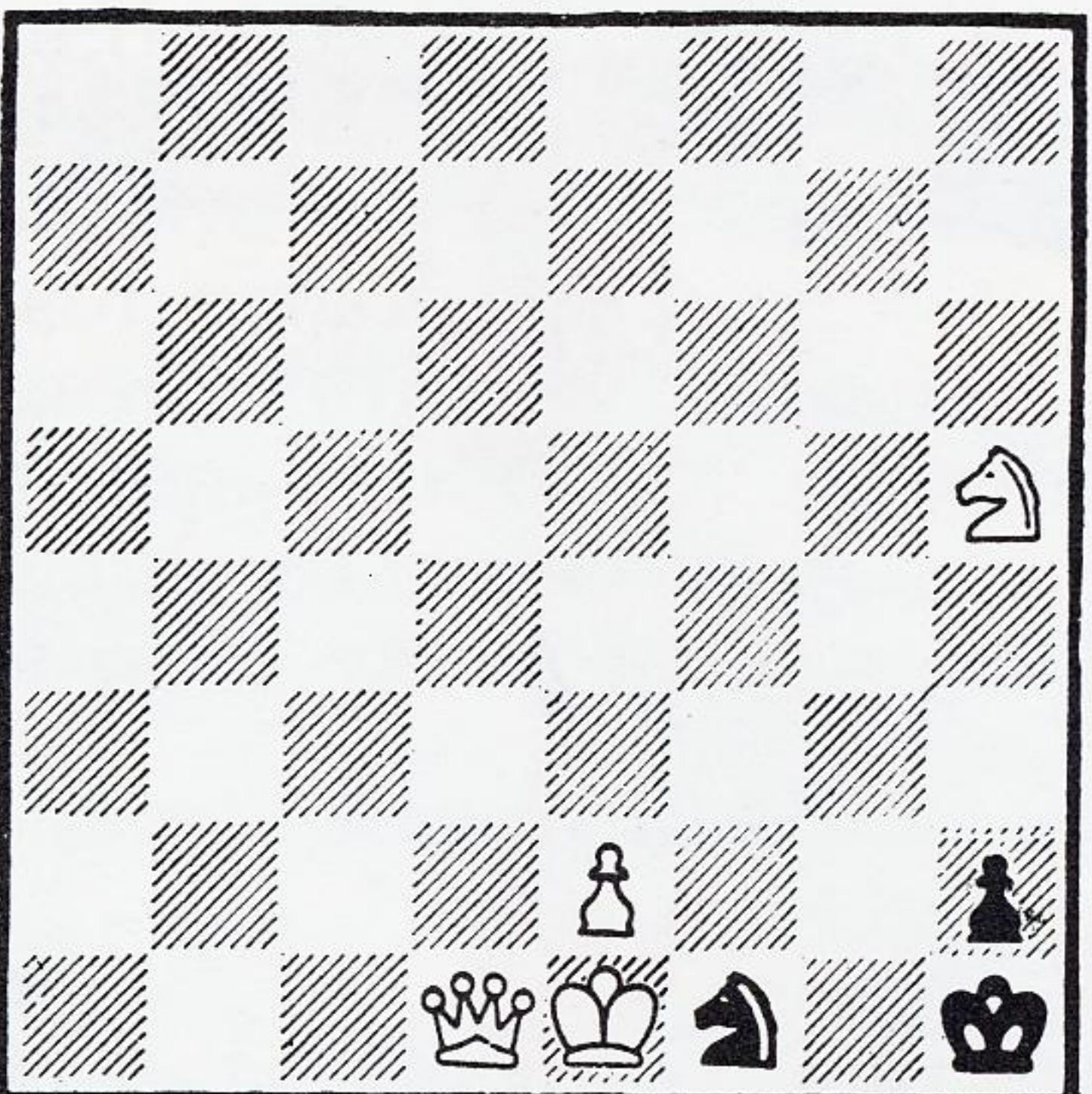
Решения этих задач надо отсылать в адрес редакции журнала «Пионер» не позднее чем через месяц после получения этого номера. 30 победителей Конкурса получают премии и награды газеты «Септември». Желаем вам успеха».

Мат в два хода.

Мат в два хода.

Мат в три хода.

Во всех этих заданиях игру начинают белые.

На соревнованиях «Морски конче» 1985 года побывала экс-чемпионка мира Нона Гаприндашвили.

На фото: Н. Гаприндашвили среди болгарских пионеров, добившихся лучших личных результатов на этих соревнованиях. Рядом с экс-чемпионкой мира самая юная участница, семилетняя перворазрядница Антоанета Стефанова.

Мехрибан КАБУЛОВОЙ
14 лет. Она живет в городе Нукусе, столице Каракалпакской АССР, учится в школе имени А. С. Пушкина. Стихи Мехрибан начала писать, когда ей было 10 лет. Ее стихотворения не раз печатались, их даже перевели на другие языки — на русский и на узбекский. «Кораблик» печатает стихи Мехрибан в переводе поэта Александра Лашкевича.

Под именем Великого Пушкина

То имя каждому
Знакомо,
Мы память пушкинскую
Чтим.
Живет теперь
Родная школа
Под славным именем
Твоим.
Нет в пушкинских стихах
Секрета:
В них все открыто —
Радость, грусть,
И мы
На вечере поэта
Его читали наизусть.
Своей поэзией большою
Он словно каждого
Учил
Народ любимый всей душою
Любить —
Как он его любил.

Книжный магазин «Глобус»

У дома нашего, чуть ниже,
Стоит любимый магазин.
И там на каждой полке книжной
Живет волшебный, чудный мир.

Мы часто книги покупаем
В волшебном магазине том,
И то, о чем я в них читаю,
Прекрасным кажется мне сном.

Бывает часто книги жалко
Знакомым и друзьям нести,
Но знаю — лучшего подарка
На день рожденья не найти.

И часто на ночь их читаю
Братишкам и сестренкам я,
А по утру, чуть свет мечтаю
Пересказать своим друзьям.

И твердо верю: книга — это
Рычаг, который только тронь, —
И вместе с книгой вся планета
В твою поместится ладонь.

Хлопок

*Моей украинской подруге
Лилии Власюк, никогда
не видевшей хлопка.*

В моем краю отеческом
Он сеется весной.
Старательно работая,
Растим мы хлопок свой.

Растет рядами стройными
До осени седой,
Взлелеян хлопкоробами,
Заботливой рукой.

Раскрытые коробочки
Сверкают, веселя,
Как будто звезды с неба
Упали на поля.

Плывут комбайны волнами,
Как чудо-корабли,
И хлопок «белым золотом»
Виднеется вдали.

Во славу нашей Родины
Его мы соберем,
И станет жизнь счастливее,
Богаче с каждым днем.

Зима

Снег хлопьями падал
И падал.
Мороз все лютел
И лютел.
Поднялись сугробы
Горбато,
И ветер,
Как смерч, пролетел.

Давно
Перелетные птицы
Покинули наш небосвод.
И часто
Ночами мне снится
Их клёкот
И крыльев разлет.

Промерзли арыки глубоко,
Метели
Пути замели.
И белые хлопья,
Как хлопок,
По низким откосам
Легли.

— Такой снегопад —
К урожаю, —
Чуть слышно
Отец говорит.
И я ему
Не возражаю.
А снег все летит
И летит.

«ХОККЕИСТЫ».
Лена КУРИЛЕНКО, 6 лет.

Наташе СЕМАШКО 10 лет, она живет в Казани, начала сочинять стихи, когда ей было 7 лет. Человек Наташа серьезный и работающий — отлично учится и помогает старшим.

Сосна

На сосне висят большие шишки,
Под сосной живут малышки-мышки.
А еще в дупле живет бельчонок!
А в ветвях сосны поселится скворчонок!
Вот какое дерево — добрая сосна!
Так пусть она не старится,
Пусть живет всегда!

Мите ПЕРОВУ 12 лет, он учится в 5-м классе школы-интерната № 14.

Зимние каникулы

Иду по парку я зимой
И вижу снега глыбы.
И снег сверкает огоньком,
А я стою, люблюсь красотой.

Детский парк

Стою я в детском городке, и вижу я детей.
А дети прыгают, играют в игры и поют.
Я подхожу поближе к ним и говорю:
«Давайте слепим снежного коня».
И вот ребята говорят:
«Давайте строить лошадь».
Вот конь уже бежит по парку,
И мамы радостно кричат: «Ура! ура!»
А я сижу уж на коне и говорю: «Гей-гей!»

На санках

Мороз лихой в лицо летит, и ветер завывает,
А я на санках — по горе. Лечу к трамплину.
Лечу! Но вдруг толчок мне в спину.
Упал я что ли или нет? А, может быть, лечу я
Мимо птиц,
Как воробей удалый?

«ПАПА, МАМА И Я». Илина БОЧКОВА, 6 лет.

«Я учусь в седьмом классе Нововодолажской средней школы № 1. Люблю украинскую и русскую литературу, физику, зоологию, черчение. В классе — член редколлегии, член клуба интернациональной дружбы, член совета дружины. В свободное время рисую, вышиваю, мастерю поделки и еще очень-очень люблю писать стихи, сказки, песни. А музыку к песням сочиняет моя одноклассница». Так написала нам Оксана МАРДУС. Сейчас Оксана стала на год старше. Из ее стихов «Кораблик» выбрал самое поэтичное.

Зима-красавица

А зима-то нынче, словно девица,
Разукрасится да разоденется,
Парчой снега шапки нам окутает,
А ресницы инеем опутает.

Но не будь ты злой, Зима-красавица!
Твой мороз не очень детям нравится.
Ты дыхни снежинками пушистыми,
И на лыжах весело помчимся мы!

Новая книга писательницы Веры Морозовой посвящена революционерке Марии Моисеевне Эссен, соратнице Владимира Ильича Ленина, женщине удивительной, героической судьбы.

Вера МОРОЗОВА

ВСТРЕЧА У АНИЧКОВА МОСТА

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Побег из Олекминска

Бежать из Олекминска решили ночью. Непроглядная чернота наваливалась на тайгу, скрывая дома, прижатые снежными заносами к земле, вековые ели с голыми от ветров вершинами и сугробы, захватившие все пространство.

Эссен несколько раз выходила на улицу, вызывая сердитое неудовольствие хозяйки. В такой мороз дверь нет нужды открывать! Это же Сибирь-матушка!

Мария не могла сдержать нетерпения. Часы тянулись непривычно долго, сердце изнывало от ожидания непредвиденных случаев, которые именно тогда и происходят, когда их не ждут.

Эссен не захотела ждать окончания пятилетней ссылки в забытом богом Олекминске. Да и как можно бездействовать, когда в партии каждый человек на счету! Впервые в истории создавалась рабочая партия, начала выходить общерусская газета «Искра»... Каждый сознательный человек уподоблялся каменщику, который, засучив рукава, клал кирпич за кирпичом в общее дело политической борьбы. А тут пустое и бессмысленное прозябание в Олекминске в течение целых пяти лет?! Пять лет казались ей вечностью. С первого дня пребывания в этом большом селе, именуемом городом Олекминском, она занялась самообразованием. Изучала Канта, Фейербаха, участвовала в политических диспутах. Спорщица была отчаянная! Но все это не могло заменить живой практики политической борьбы, с ее опасностями, с удачами и поражениями, общением с рабочими, с уходом от слежки и смелыми вылазками против полиции, да вообще со всем тем, что зовется жизнью. Сил непочатый край, желание обнять весь мир, а тут разговоры, встречи с исправником, редкие письма, за которыми шла с поклоном в участок. Ради чего жить?! Где активная повседневная борьба, которой подчинялись душевные и физические силы! Нет, только побег! Она занялась его подготовкой.

Именно в эти дни горевала, что не совершила побега с этапа... Правда, охрана была тщательной, и конвойный офицер не делал ни малейших послаблений. Этапные дворы охранялись с редкостным старанием, по ночам перекликались часовые. Видавшие виды кандалники, которыми была переполнена партия, и то диву давались. Потом выяснилось, что в предыдущей партии бежало тридцать человек. Подпоив стражу, кандалники воспользовались куском мыла, заблаговременно приобретенным, сняли кандалы и бежали. Вместе с ними

бежали и политические. Бегство политических привело в неистовство тюремное ведомство. Посыпались репрессии, полетели погоны, начались разжалования.

Возглавлял их партию офицер Кривоухов, которому до пенсии дослужить осталось полгода... Словно пес цепной: сам не живет и людям жить не дает. С наступлением сумерек партию запирали в этапные дворы, разбросанные по тракту. Условия ужасающие. Скученность невиданная, на ночлег место с большим трудом удавалось разыскать. Главное — засунуть каждого в этапный двор, чтобы не только человек, но и мышь обратно не проскользнула бы.

Потом Эссен не раз гнали по этапу, то в одну ссылку, то в другую, но такой жестокости не испытывала. Так и остался в памяти этот первый этап, как сплошное мытарство.

Первые дни после водворения в Олекминске Эссен отсыпалась, радуясь иллюзии свободы. Нет стражи, нет криков конвойного офицера. Кругом — природа, величавая, бескрайняя. Стражем стала тайга, стоявшая стеной, тайга, заполненная диким зверем. Какие изуверские законы царят в мире, коли природа стала средством насилия!

Бежать из Олекминска зимой?! Товарищи даже мысли такой не допускали. Но, к счастью, как в спорах возражала Эссен, этой мысли не допускало и полицейское начальство.

«Нужно все строго взвесить, а не основываться на женских эмоциях...» — сердито отправил ее домой Ольминский, к которому она пришла советоваться. Добродушный великан с окладистой бородой. В огромной дохе. В пимах, словно сапогах-сорокоходах. Староста колонии. Слова Ольминского значили много. Доводы, которые Эссен приводила как плюсы, при побеге становились минусами — дикие звери, морозы, каторжники, одичавшие и оголодавшие, способные ради куска хлеба убить человека.

Она стала ждать своего дорогого друга Николая Николаевича Кудрина. Того самого Кудрина, с которым в Верхних Карасях создала подпольную типографию.

Судили их вместе. На суде Кудрин держался превосходно. При расставании просил беречь себя, благодарил за то, что открыла правду. И такая нежность была в его глазах. Кудрин и подал ей мысль о побеге из Олекминска. «Будете устраивать побег, — дайте знать. Обязательно приеду, — как о само собой разумеющемся сказал он при прощании и подтвердил: — Обязательно...»

— Когда бежать? — в раздумье спросила

она.— Зимой из Восточной Сибири?.. Сил не хватит...

— До весны не дотерпите — натура у вас такая... Еще раз прошу без меня побега не устраивать... Дадите знать, а там уж вместе... — И, отвернувшись, тихо добавил: — Я за вами пойду в огонь и воду, даже медных труб не испугаюсь.

Мария ничего не ответила. Кудрин повернулся и ушел.

Слова Кудрина были тем толчком, которые определили ее действия. Бежать... Бежать в Россию... Бежать к Ленину за границу... Жизнь, а не прозябание. Бежать... Бежать...

После разговоров с Ольминским она отправила письмо к Кудрину. Вот и осень 1901 года накатывалась на Олекминск, а ответа не приходило. При ранней зиме схватятся льдом реки, и тогда прекратится сообщение по Сибири. Кудрину санным путем добираться до Олекминска невозможно.

До прибытия Кудрина, в его готовности она не сомневалась, колония политических стала лепить Эссен пельмени в дорогу. Лепили долго. Ольминский определил цифру, казавшуюся фантастической, — шесть тысяч... Две тысячи пятьсот верст до Иркутска и шесть тысяч пельменей. Товарищам побег казался авантюрой, лишь Эссен веровала в свое везение. Нет, не может человеку изменить счастье, когда мысли, желания в одном — работать, а не прозябать в заточении.

Кудрин приехал, когда его перестали ждать. Добирался он на лодке. Река покрылась салом, веслом отталкивал льдины и боялся, что они раздавят лодку, как скорлупку. Устал до изнеможения. Одни глаза и нос. Но в глазах восторг от встречи с Марией... Он держал ее за руку, и на обветренном лице смущение. Отговаривать от побега не стал, хотя, выслушав план, недовольно крутил головой.

Нет, побег был необходим, и Эссен занялась его подготовкой.

— Значит, так... Исправник проверкой не занимается и по домам, где живут ссыльные, ежедневно не ходит. Уверен, тайга — крепостные стены, а медведи — стражники... — Кудрин расчесывал русую бороду и, покашливая, что служило признаком волнения, продолжал: — Я тут привез деньги — триста рублей... Больше раздобыть не сумел.

— Колония ссыльных соберет сотню, — пробасил Ольминский, принимавший участие в обсуждении плана побега.

— Ну, и преотлично... Лошади, ямщики, постоянные дворы, как и путешествие по Европе, немалых стоят денег...

Кудрин растопырил ладонь и пропустил бороду между пальцев.

— Совсем забыл: я привез паспорт. Кажется, купеческая дочка. Ранее она от несчастной любви ушла в монастырь, а нонче от счастливой любви сбежала из монастыря. Есть такие люди, которые любовь считают единственным занятием в жизни... — Кудрин независимо взглянул на Эссен, в глазах проглядывала грусть. — Кстати, девица предлагала кружку для сбора подаваний на божий храм... Я отказался, хотя думаю, так было бы конспиративнее.

Эссен засмеялась. Представила, как она ходит по вагону поезда и, протягивая кружку пассажирам, канючит: «Пожертвуйте, христиане, на божье дело... Пожертвуйте...» В Саратове так ходила по рынку монашенка и низко кланялась каждому, кто бросал пятак. Нет, от такой конспирации лучше отказаться, а то и рассмеется ненароком...

— Буду выдавать себя за золотопромышленника, который по делам первой необходимости скачет в Иркутск... Можно и не придумывать дела... Просто купчик одичал на приисках и жаждет спустить деньги в ресторациях... Ехать со мною открыто Мария не может: опознает любой исправник и с позором вернет на старое место, да еще за побег пару годков добавит. Значит, Мария должна быть спрятана...

— Я не игрушка, а человек! Да и как меня спрятать? — с неудовольствием ответила Эссен. — Как вывезти из Олекминска?! Это не иголка в стогу сена.

— Значит, нанимаю сани и ямщика... Человек я богатый, состоятельный. — Кудрин двинул шапку набекрень и гоголем посмотрел на Ольминского. — Приехал навестить непутевого брата, передал ему нижайший поклон от матушки и теперь — в Иркутск... Иркутск для местного жителя то же, что Петербург для российского провинциала. Место злачное... Когда рядиться будем, с ямщиком нужно торговаться... В санях сибиряки возят шубы, пельмени, вещи... Вот в этот ящик и засунем дражайшую Марию Моисеевну.

— Меня?! В ящик?! — оторопела Эссен и с недоумением посмотрела на Кудрина.

— Куда прикажете?! — невозмутимо отозвался Кудрин. — Сани сибиряков созданы для побега. Каждый перегон верст двадцать... Там трактир... Отогреемся, чайком побалуемся и в путь... Может быть, повременим до весны?! А?

— Ну, подобного малодушия не ожидала, — отрезала Эссен, уловив в голосе Кудрина просьбу. В уверенности Кудрина черпала силы. И, конечно, без Кудрина, без его ясной головы и золотого сердца, она бы в путь не пустилась. — До весны?! Так можно ждать и до окончания срока.

На лице Эссен неподдельный испуг. Ольминский и Кудрин рассмеялись.

— Где раздобыть ямщика, который бы закрыл

глаза на столь необычную пассажирку в ящике?! — Ольминский вопросительно спрашивал Кудрина. — И в трактирах язык не распускал бы...

— Очень трудное дело... Весьма щекотливое... — Кудрин с нежностью поглядывал на Эссен.

Они сидели на пустыре, грелись в скудных лучах сибирского солнца. Сидели уединенно, чтобы обсудить подробности побега. Играла в свои нехитрые игры рыжая лайка. Небольшая. С хвостом колечком. И умными глазами. Она каталась на спине и нетерпеливо звала домой Марию, недовольная столь долгой задержкой на одном месте.

— Такой человек есть. Муж моей хозяйки — ямщик. Кстати, хозяйка — замечательная женщина, добрая. У нее как-то заболел ребенок трахомой... Я врачевала, и, к счастью, успешно. С тех пор хозяйка и считает себя в неоплатном долгу. Человек выполняет свой долг, а люди привыкли, что долг нуждается в благодарности! Хозяйка уговорит мужа и риска не побоится. Превосходная она женщина...

Кудрин улыбнулся в пушистые усы — слава богу, и здесь, в Олекминске, Мария разыскала превосходного человека. И так везде. Как много прекрасных людей живет на свете у Марии... Широкое у нее сердце.

— Нужно думать о теплой одежде. Морозы в тайге до сорока градусов, птица стынет на лету, а молодая женщина пускается в путь в ящике! — Ольминский гневно стукнул суковатой палкой, с которой не расставался. — Труден, весьма труден путь... И неизвестно, чего в этом случае больше — безумия или разума... Риск — благородное дело, но лучше бы в данном случае не рисковать...

...Бежали в крошечной тьме, боясь, чтобы не выкатился полный диск луны. Время это считанное, потом луна выплывает на небо и заливают серебряным холодным светом землю. В темноте и суетились у дома. Двигались осторожно, боясь потревожить собак. К счастью, собаки в Олекминске, как и в других городах, лаяли только на собак: люди их беспокоили значительно меньше.

Натянув на Эссен тулуп, Ольминский снял ушанку и, не обращая внимания на возражения, нахлобучил на ее голову. Так и стоял на ветру. Белый. С бородой, залепленной снегом. И плакал. Эссен была потрясена, увидев слезы у великана.

Кудрин раздобыл барскую шубу с бобровым воротником, чем вызвал неодобрение ямщика, боявшегося нападения в тайге каторжников. «Золотопромышленник!» — многозначительно подтвердил Кудрин и поднял большой палец. Мария расцеловалась с хозяйкой, благословившей ее на дорогу, и с трудом залезла в ящик. Кудрин оставил ей щель для воздуха. Ямщик стеганул кнутом лошадей.

Загребели бубенчики, и сани понеслись. На ухабах подпрыгивали — женщину пребольно встряхивало. Она лежала на боку, свернувшись, и ощущала каждый толчок. Временами ящик касался земли, и тогда удары становились нестерпимыми. Мысли были самые невеселые. Выехала, а как дальше? Дорога вилась через глухую тайгу. Каторжники могут ограбить, отобрать еду... Нет, Мария не верила, что люди, как и она отверженные, могут обобрать товарища по несчастью. И все же... Стражники, которые колесят по тракту в надежде разыскать беглых? Они опаснее каторжан... Опять тюрьма. Суд... И ссылка в такую глухомань, что

невымощенные улицы Олекминска покажутся Невским проспектом. И все же она счастлива. Если есть один шанс из ста на благополучный исход, то и тогда была обязана им воспользоваться. А значит, вперед и вперед... Хорошо бы вытянуть ноги. Тело ныло, словно ее распинали на колесе. «Почему на колесе?» — усмехнулась она. Ну, и тряска же на дорогах. И это когда тракт засыпан снегом. А что делается при весенней распутице? Бездорожье — вечный бич России, осмеянный еще Гоголем. Интересно, скоро ли будет трактир. Трактиры стоят на тракте, как уверял Кудрин, и там земля обетованная — горячая печь, чай да шанежки. Сколько она трясется по ухабам, ощущая каждый толчок? Трудно сказать, скорее всего вечность! Попыталась заснуть, но холод вызывал отчаянную дрожь, и сон не приходил. И вдруг сани остановились.

Мария услышала чей-то простуженный голос. Властный и сердитый. И затихла, боясь дышать, лишь громко стучало сердце.

— Кто такие?

— Золотопромышленник Винтер возвращается в Иркутск... — Кудрин заиграл басовитыми нотами в голосе и приветливо сказал: — Здравствуйте, господа... На дороге небезопасно? Павел Ильич, иркутский генерал-губернатор, предупреждал меня, что в здешних местах небезопасно — и каторжники, и лихие люди. И все же я решил попытать счастья. Кстати, при мне рекомендательное письмо из губернии... Далеко ли до трактира?

Кудрин из саней не вышел. Говорил громко, уверенный, что ему обязаны оказывать содействие. Унтер, закутанный башлыком, смотрел на барина не без злости. «Рекомендательное письмо, генерал-губернатор»... Ишь, развалился, как кот на перине. А тут гоняй по тракту да разыскивай злоумышленников, из которых каждый за свою жизнь будет драться. Барин, звать, недалекого ума, коли словам генерал-губернатора верит: на дорогах-де небезопасно... Каторжники и разденут, и разуют, и последний кусок хлеба отберут... Нашел чему верить! В бобер нарядился, дура, в дорогу... Купчина-то с мощной... Почто ему бобровая шапка? Одну сорвут, другую купит. Золотопромышленник...

— Служивый, держи рублевку на водку — проводи до трактира в селе Злобино. Тут верст десять, крюк небольшой. На бога надейся, а сам не плошай! — заметил Кудрин.

Рублевка произвела магическое действие. Унтер крикнул конным, сопровождавшим его, и те приободрились. От дикой погони за беглыми все устали. Трактир на тракте — заманчивое дельце!

Эссен, невольная свидетельница разговора, восхитилась Кудриным. Молодец — взял и пригласил стражников в охрану. Ни обыска тебе, ни осмотра саней... Приложила руки к груди, стараясь унять сердцебиение.

— Кого разыскиваете? — лениво полюбопытствовал Кудрин.

— Беглых каторжников... Семеро удрали, уже более недели обшариваем все дороги.

— Почему на тракте? Зачем им сюда выходить? — не унимался Кудрин. — Коли я бы бежал, так пробирался бы таежными тропами.

— В тайге дикий зверь... Нет, человек как бы ни прятался, а без тракта не обойдется.

Унтер, отворачивая лицо от ветра, закончил:

— Этот народец обязательно на тракт выберется.

Загремели бубенчики, и сани понеслись.

Исправник видел освещенное окно в комнате Эссен и знал, что ссыльная коротает время за книгами.

Ну, с богом, трогайтесь, мы за вами. Морозец-то знатный: щеки дерет.

И опять понеслись сани. Кудрин задернул щель, оставленную для Эссен. Боится унтера, боится мороза.

В трактире села Злобина на свет божий выбраться ей не удалось. Слышала голос унтера да посмеивание Кудрина.

Потом в полость просунулась рука Кудрина с хлебом и рыбой.

И опять дорога.

Мария лежала в ящике, словно в ледяной проруби. От холода свело руки, острая боль разлилась по телу. Бил мелкий озноб—зуб на зуб не попадал.

И казалось, не хватит сил, невозможно преодолеть чувство усталости и ожидания опасности. Мария больше всего любила определенность в

жизни. Чем ждать беду, лучше с ней бороться. А как тяжело все прикидывать...

Резко повернув, сани остановились. Послышались голоса, ленивый перебрех собак. Кто-то затопал около саней, поколачивая кнутовищем по сапогам.

Кудрин, подождав, когда разойдется народ, начал вынимать шубы из саней. Руки потянулись к Марии. Эссен пыталась помочь ему, но тело не слушалось. Наконец Кудрин вытащил ее из ящика. Земля крутилась, шаталась под ногами, если бы не Кудрин, то Мария упала бы. Она закрыла глаза. Земля напоминала море, разбушевавшееся в непогоду, и уходила из-под ног. Эссен потащивало, как при шторме. И опять выручил Кудрин. Поддержал ее и говорил ободряющие слова. Она пыталась поблагодарить его, но слова замерзали в горле... Да, именно замерзали: точнее состояния не передать.

Кудрин втащил ее в трактир и прислонил к стене.

Трактир оглушил криками половых, удалыми песнями, клеткотом щегла, висевшего под лампой. Кудрин помог стянуть тулуп, усадил в красный угол напротив самовара. Тульский самовар поражал своими размерами. Бока помяты, кран подтекал, и капля за каплей падали на поднос, начищенный до блеска. Потрескивал уголек. Самовар словно сердился. Горланили песни, кричали, начиналась драка. Мария воспринимала происходившее с трудом. И только пение щегла было нитью, возвращавшей ее к реальности.

— Что, барынька, замерзла?! Небось, впервые в наших краях?—наклонился к Марии бродяга с серьгой в правом ухе. Рот его кривился в недоброй усмешке.—Края-то сибирские...

— Хозяин, жулик проклятый, прикажи принести пельмени, да погорячее. И лошади овса насыпь в торбу...—Кудрин, разгладив бороду, покрикивал на толстого, неопрятного мужика, подстриженного под скобку, с вороватыми, бегающими глазами. Подумав, обратился к бродяге:—Это моя сестра... Глухонемая... Вот такая беда ей на роду написана... Ты ее не трожь и словами не бреди.

Мария глотала горячие пельмени. Вкус этих первых обжигающих рот пельменей запомнила на всю жизнь. Пила крепкий чай. Хозяин хотя и смахивал на жулика, но чай заваривал на совесть. Пахучий и с горьковатым привкусом. Пила чай мелкими глотками и чувствовала, как к ней возвращались силы. И озноб пропал. В чаду, царившем в трактире, стала различать отдельные лица, ловила обрывки разговора. Кудрин ее умилял. Какой товарищ! Брат не сумел бы с такой любовью охранять ее в этом недобром месте. И все на дверь косился, ожидая появления урядника... Значит, беспокоится, да виду не показывает. К счастью, на нее никто не обращал внимания.

— Теперь я и глухонемая... Ну, удружили, Николай Николаевич!—пощутила Эссен, когда они вышли в сени и стали обряжаться в тулупы.

— Хотели, чтобы я вас представил беглой?!—полубопытствовал Кудрин, счастливый, что Эссен обрела способность шутить.—Впрочем, в этой среде, как беглая, имели бы определенные преимущества. А пока—вперед... Вперед...

Ямщик доставал из саней кнут. Мела поземка. Ветер бросал колючий снег. По двору бегали собаки и, громыхая цепями, лаяли охрипшими голосами. Ямщик подождал, пока Мария спрячется в санях, и помог Кудрину заложить ее шубами. Осмотрелся по сторонам и взобрался на облучок...

В Олекминске жизнь текла с прежней размеренностью. В доме, в котором снимала комнатенку Эссен, вечерами на окне горел свет. С наступлением сумерек хозяйка ставила керосиновую лампу поближе к окну. Исправник, совершавший вечерний моцион, видел освещенную комнату и знал, что ссыльная коротает время за книгами.

Исправник, тучный мужчина, по характеру был довольно беспечным и пустыми хлопотами себя не утруждал. Осенью или летом, когда тайга распаивала сотни явных и тайных троп, он устраивал разные пакости ссыльным: и на квартиры жаловал, и урядников в страхе держал, и сам бодрствовал, боясь побегов. В эти месяцы становился злым, недоверчивым. Когда Олекминск погружался в снежный сон, когда в тайге исчезали тропки, когда валежник делал их непроходимыми, когда страж-

никами становились волки да шатуны-медведи, тогда исправник обретал привычное благодушное настроение.

— Слава богу, в тайге-матушке живем!—говаривал он стражникам, когда те пытались учинить обыск у ссыльных.—Куда они денутся?! Куда?! По домам книжки запрещенные читают, так за это и в ссылке сидят.

Жил он большим домом. С детишками и родней. Общаться с ссыльными не любил, ожидая от них подвохов. Всех ссыльных считал террористами, ибо смешно, ей-богу, смешно гнать в кандалах людей за то, что они читают недозволенные книжки. Эту нелюбовь к ссыльным он привил и домочадцам, которые шарахались, завидев кого-либо из них на улицах. Обстоятельство, весьма обижавшее Эссен.

Обычно в пять часов, после хорошего послеобеденного сна, исправник с женой важно вышагивал по главной улице городка. Шли неторопливо. Отвешивали поклоны: пониже—купцам, посуше—ссыльным.

Ссыльные обязаны были выходить на прогулку по неписаному закону, словно на проверку. И им приятно, и ему спокойнее. Наметанным глазом исправник пересчитал группки, попадавшиеся на пути. Слава богу, все тридцать человек. В прошлые годы ссыльных бывало не больше семи человек, а теперь, в феврале 1902 года, извольте, тридцать! И еще одно обстоятельство раздражало исправника. С недавних пор женщины-ссыльные стали напяливать на шляпы вуали. Особенно этим отличалась Эссен. Опускала на лицо вуаль и становилась неузнаваемой. Он попробовал сделать ей замечание, но она на смех подняла, да и супружница запилила: «Первейшая мода!.. Парижская!..» И исправнику было приятно, что в засыпанном снегом Олекминске женщины придерживаются парижской моды.

Эссен имела особое пристрастие к парижской моде. Женщина молодая. Представительная. В бумагах значилась в качестве особой приметы ее необыкновенная красота. Так и было написано: «Необыкновенно красивая. Правильные черты лица. Большие синие глаза. Золотистые вьющиеся волосы. Нрав веселый, улыбчивая...» И действительно, улыбалась Эссен всегда. И красавица необыкновенная. О такой не скажешь просто—красивая, а непременно—красавица! И стать царственная, и манеры благородные. Увидев ее впервые, когда прибыла партия ссыльных, обомлел. Такую красоту разменивать по тюрьмам да ссылкам... Вот она, неразумная молодость!

И франтихой Мария Эссен была отчаянной. В ссылке носила платье с белыми кружевными манжетками да кружевными воротничками. Иная попадет в ссылку, так и причесываться перестанет, и про баню забудет... А эта—подтянутая, ухоженная. И гимнастикой занимается, и в лесу с Ольминским часами пропадает. «Форму надо держать»,—говорит, улыбаясь. Он-то повидал на веку многих и понимал, как трудно держать эту форму человеку, оторванному от привычных условий.

Эссен привезла в ссылку пальто, отороченное белкой, и меховую шапочку, чудом удерживающуюся на макушке. Голубой мех оттенял глаза, и они казались бездонными. И вдруг на эти глаза натянула вуаль. Да не прозрачную, для таинственности, а плотную, скрывающую лицо. Правда, при встречах его приветствовала, но лица ее больше не видел. Попробовал сделать замечание, но она безобидно рассмеялась. И действительно, почему не

разрешить такую вольность? Коли это парижская мода, то извольте...

Вот и сегодня. Эссен шла рядом с Ольминским и держала его под руку. Такая пара красивая — березка прижалась к дубу переждать непогоде. Раскланялись и разошлись. Правда, за последние дни голос у красавицы стал поглубже. Наверняка простудилась — вот и сейчас говорит с Ольминским на морозе. Голос-то следовало бы беречь: на вечеринках первая запевала. И такая расчудесная. Оказывается, и брат у нее певец. С гастрольями приезжал в Сибирь и нашел сестру в Александровском центре, что близ Иркутска. Начальник центра разрешил встречу брата с сестрой. И они запели так, что тюрьма плакала. И каторжники при встречах говорили: «Ваше место на сцене, а не в тюрьме». Да поди вразуми молодость! Вот и теперь хрипит. Пропадет голос, а могла бы и артисткой стать. Но, представив насмешливое лицо политической, покачал головой. Нет, кроме тюрем, она ничего не увидит. Хрипит и пусть хрипит!

Наведывалась к Эссен и женщина, которая стирала белье. К сожалению, ссыльная все дни лежала в комнате, а грязное белье и деньги, завязанные в узелок, были на кухне. Женщина жалела, что у ссыльной болит голова, и уходила. Повидать ссыльную Марию всегда приятно: веселая, словно солнышко. Но раз больна — значит, больна... Слава богу, вечерами ее встречала со ссыльным Ольминским. И веселые такие. Голосок, правда, осипший, но так и звенел.

...Самые большие неприятности во время побега Эссен из Олекминска выпали на долю Брауде, молодого студента, сосланного за хранение и распространение литературы преступного содержания. Так ему, во всяком случае, казалось. Был он одного роста с Эссен. Так же худощав, и фигура, к его великому огорчению, не из богатых. Как он завидовал Ольминскому! Плечи — косая сажень. Росту огромного. Даже живот его не портил. Солидный, степенный. А Брауде — человек невидный. На завод пришел и в глазах рабочих прочел недоверие. Какая уж тут пропаганда... И голос девичий, тонкий и вкрадчивый. Это не бас Ольминского, который гремел, как раскаты грома. И вот для солидности Брауде завел бороду и усы. К удивлению, усы и борода выросли быстро и, хотя им было далеко до усов и бороды Ольминского, вполне его устраивали. Он и говорить стал, растягивая слова и подражая Ольминскому.

Как-то Эссен позвала его в свою комнату, закрыла занавесочку на окне и, сдерживая смех, предложила померить синее парижское пальто. Брауде, привыкший ко всяким ее выходкам, вспыхнул и отказался. Эссен вновь стала просить, и синие глаза сделались серьезными.

— Ну, пожалуйста, дружок... Пожалуйста... — В голосе Эссен просительность, а глаза внимательно его рассматривали. — Думаю, мы имеем одинаковые фигуры... Да нет, вы, конечно, мужчина, но мужчина может иметь фигуру, напоминающую женскую. — И, заметив, как он потемнел лицом, закончила: — В мужчине главное не фигура и внешность, а характер и отважное сердце.

Брауде смягчился и примерил пальто. Пальто жало в плечах, но застегивалось на пуговицы. Странно было видеть ему свое лицо с бородой и висячими усами, обрамленное беличьим пушистым воротником. Он быстро попытался снять паль-

то, но Эссен подала ему шляпу. Брауде пришел в ярость.

— Я человек, а не пугало... Насмеялись вволю... — цедил он сквозь зубы. — Ну, теперь разрешите принять прежний облик: скоморошничать не мастак...

И все же Эссен напялила шляпу. В лентах. С красными цветами. И перьями. Он был уверен, что перья вороньи, чем весьма возмутил Марию. Лицо его приняло дикое выражение. Усы... Борода... И шляпа в перьях... Борода на беличьем воротнике.

— Ну, что набьчились... Чувства юмора нет ни капли, — сказала Эссен, поворачивая его из стороны в сторону.

— Нет и не нужно... Я мужчина и для вашего удовольствия, даже для вашего, — голос Брауде поднялся, — корчить из себя шута не намерен! К тому же у меня борода, голубушка Мария Моисеевна.

— А вот бороду и усы придется сбрить! — не моргнув глазом отрезала Эссен. — Тогда и шляпка по-другому станет сидеть, и не будет комического вида.

— Да бог с вами... Зачем мне шляпа?! Парижское пальто?! — взмолился Брауде, считая, что история с переодеванием затянулась. — Крещение давным-давно прошло, и ряженые ни к чему. Да я и ряженный женский костюм не надену... На охоту в тайгу с Ольминским хожу... А тут это тряпье!

— Успокойтесь, друг. Это не просто шляпа, фасон которой не нравится, или женское пальто, в которое вас обряжают. Нет, вы должны выполнить партийное задание. Пока рано говорить, но вынуждена открыть карты, ибо от вас зависит успех предприятия. — Эссен усадила Брауде на стул и взяла его за руку. Говорила тихо, не отводила глаз от его лица. — Я должна бежать за границу.

— Зимой?! В такие морозы?! Безумие какое-то... Брауде стянул ненавистную шляпу и бросил на стол.

— Вот именно в сорокаградусные морозы. Исправник по домам не ходит, проверок не устраивает и о моем исчезновении не сразу узнает. И чем дольше, тем для меня безопаснее. Самыми трудными днями побега будут две недели, пока не доберусь до Иркутска. Вместе с товарищами вы фланируете по так называемому проспекту в моем пальто и шляпе, повязанной косынкой. Фланируете и самым нежным голосом, на который только способны, отзываетесь на имя Мария... Или Мария Моисеевна, как вам это будет угодно... Ходить нужно будет в сумерках, чтобы лица не разобрать. Конечно, попрактиковаться придется в эти последние дни.

— Ольминский знает о вашей затее? — попытался образумить ее Брауде. Затая казалась весьма опасной для жизни Марии.

— Знает... Знает... И план мой одобрил, и, кстати, предсказывал, что с вами нелегко придется. Но теперь вы все знаете — договорились... И эту мелочь не забудьте — сбрить усы и бороду...

Эссен подошла к окну и поверх занавески принялась рассматривать улицу.

— Я переставлю на пальто пуговицы, у шляпы уберу резинки. Шляпу будет прикрывать платок, так что ветер не страшен.

— Мелочь... мелочь... — задохнулся от возмущения Брауде, теряя самообладание. — Борода и усы меня человеком сделали, солидности прибавили... Раньше в полиции называли: «безусый негодяй»... Я от партийного задания не отказываюсь: готов пальто напялить и мерзкую шляпу на голову, но

бороду и усы сбрить — увольте. Придумайте иной вариант. Я человек дисциплинированный.

Брауде с ненавистью посматривал на весь маскарад, сваленный на стул.

— Ба, да еще придется и юбки напяливать... Говорят, их носят то ли две, то ли три... И какие-то там нижние есть...

Эссен захохотала. Брауде, милый, скромный Брауде, был в ярости. Вытерла слезившиеся от смеха глаза и, стараясь придать голосу серьезность, проговорила:

— Ну, теперь юбок испугались! Конечно, юбок две — нижняя и верхняя. Суконная. Плотная. Иначе ходить будет холодно.

— Черт с вами — две юбки, так две... Но борода и усы останутся!.. Я и Ольминскому скажу, он меня поймет. Нельзя унижать человеческое достоинство...

— Да вы просто плохой революционер!

— Я плохой революционер! — Брауде побледнел, и голос осекся. — В двадцать лет в Сибири — и плохой революционер!

Эссен запальчиво возражала:

— Вот именно — плохой революционер, коли не выполняете партийное задание! Борода и усы ему нужны! На две недели их сбрить не хочет. Эгоист... Отъявленный эгоист!..

Громыхнула дверь. В комнату ввалился Ольминский. В дохе, делавшей его особенно большим. В ушанке, залепленной снегом. С усами и бородой, покрытыми инеем.

— Как хорошо, Михаил Степанович, что пришли. Эта безумная обзывает меня плохим революционером и требует, чтобы я, сбрив усы и бороду, обрядился в бабьи тряпки и в таком виде шествовал бы по Олекминску... Образумьте ее... — Брауде говорил с возмущением.

— «Плохой революционер»... — усмехнулся Ольминский, подсаживаясь к столу и не без интереса поворачивая в руках шляпу. — Дорогой Брауде, помочь товарищу — святой долг...

— Я не отказываюсь... Но какой ценой — уничтожить себя как личность... Черт знает что! Эта сумасшедшая заставит меня податься в бега! — запальчиво возразил Брауде, отвернувшись от Эссен.

— Бежать двоим нельзя. Есть великий закон товарищества — не мешать побегу. Пройдет какое-то время, все успокоится, тогда и будем решать обстоятельства, связанные с новым побегом. И не такое простое это дело. У Марии Моисеевны все продумано, выношено. Кудрин приехал... Ну, зачем вам, голубчик, борода или усы?!

— И вы можете так говорить! — Брауде начал натягивать пальто, от волнения не попадая в рукава.

— Так есть же выход... Восхитительно... Ай да Мария! — Эссен бросилась к сундучку, где хранились вещи, и стала лихорадочно выкидывать их на пол. — Неужели потеряла...

Наконец, она достала серую нитчатую вещицу, назначения которой не понял ни Ольминский, ни Брауде. Помолчали, повертели в руках и вопросительно уставились на Марию.

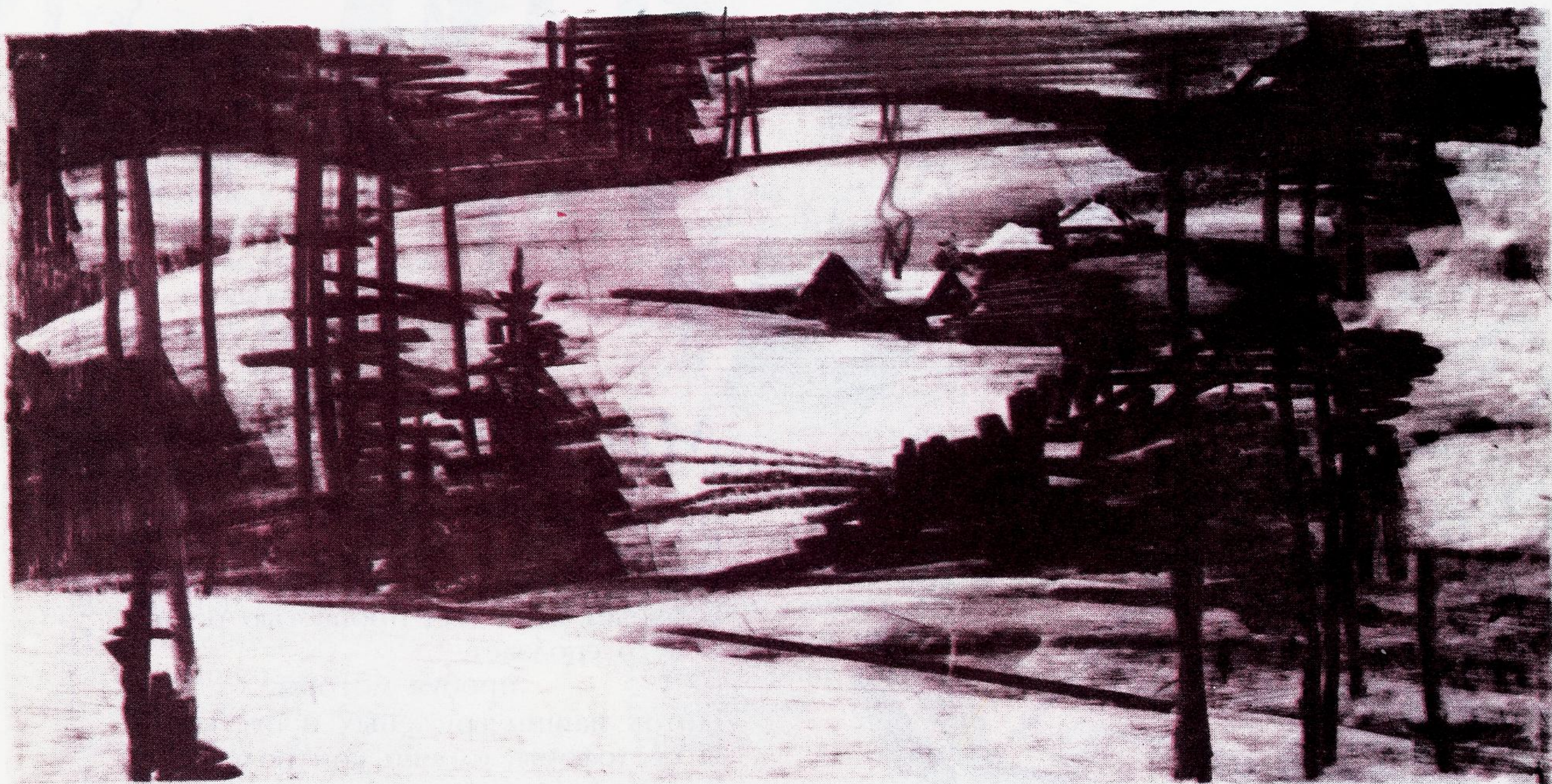
— Это же вуаль!.. И по парижской моде глухая. Лица совершенно не видно. Вуаль надевается на шляпу и завязывается по шее. Конечно, для Олекминска это будет весьма смело и экстравагантно, но что делать?! — Эссен быстро нацепила на шляпу вуаль и надела на себя. — Исправник будет в восторге...

— Верно, лица нет... — удивленно отозвался Ольминский. — Какая гарна дивчина была...

Все засмеялись. Брауде от восторга хлопал себя по коленям руками.

И вновь его заставили облачиться: в пальто, в шляпу с вуалью, в башмаки с длинной шнуровкой и в суконную юбку. Вуаль скрывала бороду, помочь товарищу — он всегда рад!

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Бабушкин альбом

Старый бабушкин альбом —
Медные застёжки.
На сафьяне голубом
Вышиты матрешки,
Два беспечных голубка.
А внутри альбома...

...Дымом застлана река,
Пушки возле дома,
Конник с черной бородой
И усталым взглядом,
С шашкой парень молодой
И девчонка рядом.

Партизанский лазарет
На лесной опушке,
А вот это — сельсовет
В центре деревушки.

Дебаркадер на реке
С новыми мостками,
Парень с книгами в руке,
Девушка — с цветами.

Безмятежная весна,
Мирный труд народа.
А потом — война, война,
Все четыре года...

Радость солнечного дня,
Светлый праздник Мая,
Возле Вечного огня —
Женщина седая.

Флаги в небе голубом,
Тени на дорожке...
Старый бабушкин альбом —
Медные застёжки!

Сундучок

Прощай, босое детство
И печка, и сверчок! —
Беру свое наследство —
Отцовский сундучок.

Шагаю морем блеска
Под куполом небес.
А в сундучке — стамеска
И плотницкий
Отвес.

И вот они — ворота,
Цеха среди берез,
Стоглавая работа
До пота и до слез.

А ночью — в изголовье
Отцовский сундучок
И печка. И с любовью
Стрекочущий сверчок...

Городская речка

Спит, одетая в бетон,
Под мостами речка.
Снится ей зеленый клен,
С пряслицем —
крылечко.

.Снится лодка в тальнике,
Блещущая варом,
И старуха на песке
С медным самоваром.
Снится солнечный откос,
Костерки рыбачьи
И знакомые до слез
Голоса ребячьи.

Мост

Дрожат перила. Зноем дышит ветер,
В пыли, в поту бетонные быки.
И день и ночь, как заводской конвейер,
Грохочет мост над пропастью реки.
С него сползает,

пробуя моторы,
Поток машин груженных и пустых,
И светофоры, словно контролеры,
Внимательно осматривают их.

По дороге на рынок

На вознице — лисья шапка,
Плисовый халат.
На базар везет лошадка
Синий виноград.
Сном глаза ее закрыты,
Ровно ходит грудь.
Спотыкаются копыта
О трамвайный путь.
В бричке, тросиком скрепленной,
Болтик дребезжит.
Невесомый жеребенок
Рядышком бежит.

В деревне

Выхожу я за ворота
С первым криком петуха.
Загрустила у болота
Одинокая ольха.
Опушил деревню иней,
Речку высветлил мороз,
По ночной дороге синей
Не спеша прошел обоз.
Он прошел к огням глубинок
С громким фырканием коней
И потрескиванием льдинок
Под полозьями саней.
И деревня над болотом
С одинокою ольхой
Вся пропахла конским потом
И соломенной трухой...
Спят пушистые собаки,
В небо тянутся дымки,
Филин ухает во мраке
Да мерцают огоньки...

* * *

Еще играет где-то
Со звездами рассвет,
А в комнате поэта
Горит счастливый свет.
Взволнованно словечки
Друг друга тормозят,
И к речке человечки
В сандалиях спешат.
Выходят на дорожку
Рогатые жуки,
Садятся на ладошку
Ночные мотыльки.
И щедро сыплет лето
Черемуховый цвет...
Горит в окне поэта
Счастливый
Тихий
Свет.

ПИСАТЕЛИ НАШЕГО ДЕТСТВА

- Ты читал книгу «Грач — птица весенняя»?
- Еще бы! Конечно, читал.
- А кто ее написал?
- ?
- А «Дикую собаку Динго» читал?
- Когда еще! Хорошая книга!
- Фамилию писателя знаешь?
- Гм... Вот странно — не помню...

Как часто приходится с этим встречаться. Ребята отлично помнят понравившуюся им книгу. Они ее перечитывают, с увлечением могут пересказать ее содержание, поспорить насчет героев. Вот только одно — не помнят автора... Название книги прочно — часто на всю жизнь — засело в памяти. А фамилию автора не запомнили. Может быть, даже и не прочли внимательно. Так — скользнули мимо — летно и тут же забыли.

Пришел человек в библиотеку — перед ним десятки, сотни книг, как выбрать самую интересную, если не помнишь фамилии писателя понравившейся тебе раньше книги? Вот, скажем, понравилась тебе книга «Приключения Незнайки и его друзей». Ты помнишь, что написал ее Николай Носов, и в библиотеке ты смело спрашиваешь:

— Какие еще книги Носова есть?

Тут же получаешь, и с удовольствием читаешь повесть «Витя Малеев в школе и дома» или «Незнайку в солнечном городе». Тогда

тебе хочется узнать побольше об этом писателе.

Согласись, есть какая-то несправедливость в том, что мы не знаем о тех, кто написал книги, которые мы с таким увлечением, с такой радостью читали, книги, навсегда нам запомнившиеся. И это не только несправедливость, но и невежество.

Жизнь писателя связана с его творением, с написанной им книгой. Не только потому, что он ее написал, а потому, что в книге автор выражает свои взгляды, интересы, характер, даже обстоятельства своей биографии. Какие удивительные жизни, судьбы открываются! Биография Джека Лондона не менее увлекательна, чем его книги. Он бедствовал, странствовал, был золотоискателем, репортером, испробовал множество профессий. Почти все, о чем он писал, — сам видел и испытывал. А Жюль Верн никогда не был в тех странах, где путешествовали его герои, где происходили самые невероятные приключения. Почти всю жизнь он прожил в небольшом французском городке и выезжал в путешествие разве что на своей яхте по реке, протекавшей в родном городе. Но в его книгах самые далекие экзотические страны описаны с необыкновенной точностью. Он никогда не был инженером, изобретателем, а не только предвидел появление подводных лодок или вертолетов, но и описал их устройство с совершенно удивительным провидением. Как он это сумел, при своей такой тихой и замкнутой жизни?

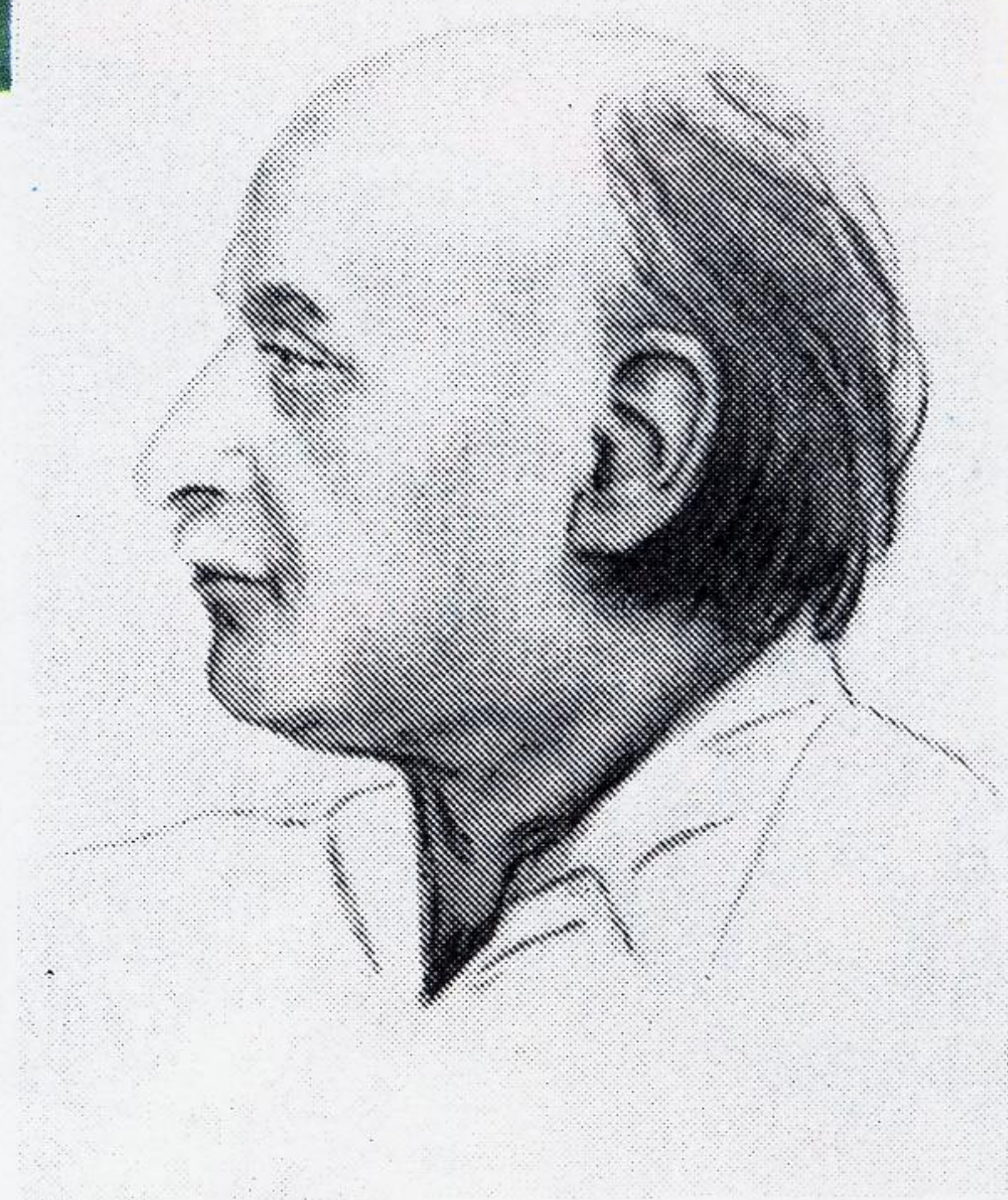
Жизнь писателей стала темой многих прекрасных книг. Всего тридцать семь лет прожил на свете Аркадий Гайдар. Но жизнь его была такая напряженная, такая необыкновенная, что об этой жизни уже написаны и будут еще написаны книги. Самуил Яковлевич Маршак сказал о Гайдаре, что «он был и автором, и героем своих книг».

Новый раздел нашего журнала, который мы открываем с этого года, будет знакомить наших читателей с писателями, чьи книги они читали, читают и будут еще читать. Мы надеемся, что этим приблизим к вам не только хорошие книги, но и людей, их написавших.

БОРИС ЖИТКОВ

(1862—1938)

О Борисе Степановиче Житкове я много слышал, прочитал все его книжки. Я знал, что он был штурманом дальнего плавания, строил корабли, проплыл три океана и совершил кругосветное путешествие. В его книге «Злое море» я прочитал про необыкновенные и страшные приключения — эти приключения не были придуманы, многие из них пережиты самим автором. И Житкова я себе представлял таким «морским волком» — могучим и суровым. А увидел небольшого, сухонького, очень аккуратно одетого человека, державшего в руке скрипку. И разговаривал он об игре на скрипке — превосходно знал этот инструмент и хорошо играл на нем. Впрочем, так же хорошо он владел топором, рубанком, любым инструментом. Был опытным электромонтером, отлично разбирался в радиотехнике. Он знал множество ремесел. Вообще, он знал очень много. И знал с самого детства. Корней Иванович Чуковский, который учился с Житковым в третьем классе одесской гимназии, вспоминает: «Он учил меня всему: гальванопластике, французскому языку (который знал превосходно), завязыванию узлов по-морскому, распознаванию насекомых и птиц, предсказанию погоды, ловле тарантулов...»

Борис Житков был уже немолодым — лет за сорок, — когда стал детским писателем. И с первых же его книжек оказалось, что дети как будто только их и ждали, — так они накнулись на книги Житкова. Почему?

Когда-то Горький обратился к советским ребятам с вопросом: какие книги вам нужны? Среди многих тысяч ответов был один, очень короткий: «Нам нужны книги обо всем на свете». Так вот: Борис Степанович Житков знал почти все на свете и умел об этом рассказать необыкновенно увлекательно.

Некоторым взрослым людям иногда надоедает детский вопрос «почему?». Житков считал этот вопрос очень важным. Он написал для маленьких читателей большую книгу «Что я видел?». Его героя — мальчика Алешу, который хочет получить ответ на свои вопросы «как?» и «почему?», Житков назвал «Почемучкой». Любопытство, считал Житков, самое главное качество человека. Без него люди ничему бы не научились, без него не были бы созданы великие науки, сделавшие человека столь могущественным. И названия многих книжек Житкова начинались со слова «как»: «Как делают цветные картинки», «Как люди летают», «Как подняли пароход со дна», «Как слон спас хозяина

от тигра». Но в своих книгах Борис Житков отвечал и на многие другие вопросы, которые он считал самыми важными, хотя они и не задавались: что такое храбрость, совесть, самопожертвование, патриотизм?

Борис Житков не был суровым «морским волком», но он действительно бывал суров. Он был суров ко всякой халтуре, которую ненавидел, к любой небрежности, ко всему сделанному «абы как»...

Сам он все делал превосходно. В том числе и детские книги. Долго и тщательно трудился над их языком, стремясь сделать его как можно более простым, понятным, изобразительным. Написав книгу, много работал вместе с редактором, художником. Для него имели значение формат книжки, шрифты, обложка, иллюстрации, размер полей на странице, даже количество строчек на каждой странице. За четырнадцать лет своей работы в детской литературе Борис Житков написал 192 произведения. И в каждой его книге, большой или совсем маленькой, были видны упорный труд и уважение к читателю.

Так Борис Житков относился не только к своим книгам, но и ко всем книгам для детей, ко всей детской литературе. В детских журналах того времени — «Еже», «Чиже», «Новом Робинзоне», «Юном натуралисте», «Дружных ребятах» — он был не только любимым автором, но и редактором, консультантом, главным советчиком. Он придумывал новые разделы, новые темы, затевал переписку с читателями, мог по многу часов вместе с художником возиться с эскизом обложки, придумывать, как интереснее сделать рисунки.

Журналу «Пионер» особенно дорога память о Борисе Степановиче Житкове. Он очень любил наш журнал и когда-то целый год, не получая за это никакого жалованья, фактически редактировал журнал. И какая же это была прекрасная, увлекательная и радостная пора для всех молодых сотрудников журнала! Молодых — потому что тогда старых людей в нем и не было. Для них Борис Степанович был самым знающим, самым опытным, самым требовательным.

В одном из своих писем Житков писал: «Невозможно, чтобы было трудно учиться! Надо, чтобы учиться было радостно, трепетно и победно!» Книги Житкова помогали учиться именно так. Вот почему до сих пор живут они, вот почему все новые и новые поколения детей читают их.

Лев РАЗГОН

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Дело XX века

СОЛНЦЕ НОЧНОЕ, СОЛНЦЕ РУКОТВОРНОЕ

Сколько раз бывало: только разгуляешься, как из окна доносится мамин голос: «Уже темно, немедленно домой!» И каждый раз думаешь: «Почему эта темнота приходит в самый интересный момент игры? Вот было бы хорошо, если б вообще не темнело». Но никто не может остановить вращения Земли и движения Солнца по небосводу — изменять ход планет и звезд человек пока не в силах.

Но ведь можно попробовать решить задачу по-другому: а что, если ночью зажечь еще одно Солнце? Ха-ха-ха, скажете вы, ничего себе задачка: зажечь новое Солнце — фантастика! Однако не торопитесь смеяться.

Все вы знаете, как пускают солнечные зайчики. Представьте себе огромную тарелку размером метров десять на десять, над ее центром на некотором расстоянии укреплен космический спутник — он нужен для поворота тарелки-отражателя в нужном направлении. Такой спутник-рефлектор, отражая солнечные лучи, светит в несколько раз сильнее Луны. А десяток таких спутников дадут свет раз в пятьдесят больше лунного, и люди смогут преспокойно заниматься своими делами даже ночью. Над таким проектом работают сейчас в Московском авиационном институте.

Конечно же, «ночное солнце» придумали не для того, чтобы дети могли играть подольше. Оно принесет людям немало пользы.

Во-первых, отраженный свет лучше освещает улицы крупных городов, большие стройки и магистрали, чем это делают лампы фонарей, — ровно и без теней, а вдобавок экономится огромное количество электроэнергии.

Во-вторых, все вы знаете, что самое горячее время у колхозников — уборка хлеба. Зерно надо собрать как можно быстрее: раньше начнешь — будет незрелым, позже — перезреет и осыплется. Комбайнеры трудятся по 16—17 часов в сутки, но ночью работа прерывается. С помощью спутников-рефлекторов меньше будут потери хлеба и меньше людей будет занято на уборке. Главное — вовремя поворачивать отражатель по сигналу с Земли, чтобы спутник освещал то, что более необходимо в данный момент. Конечно, задача сложная: вращать космическое «зеркальце» с ювелирной точностью, — но ученые и конструкторы думают, что справятся.

В-третьих, искусственные светила смогут помочь при самых разных авариях и бедствиях. На нашей планете в год бывает почти две тысячи ураганов, наводнений, землетрясений и прочих катастроф. После них надо сразу же начинать спасательные работы: разгребать завалы и разрушенные дома, чинить линии электропередач и водопроводы. Тут от быстроты действия спасательных команд может зависеть жизнь людей.

Есть и другие планы: если удастся сделать свет со спутников сильнее, то направленные с орбиты лучи смогут осушать залитые ливнями посевы или прогревать землю при ночных заморозках.

Началом же скорее всего будет освещение. Представьте себе такую картину: из-за горизонта выплывает яркая звездочка. Постепенно она поднимается все выше, так же постепенно нарастает и ее яркость. В зените — самой верхней точке своего пути — она светит уже раз в шесть ярче Луны. Потом спускается и через четыре минуты заходит за горизонт. Но за это время на небо взбирается следующая такая же яркая звезда. Так караван спутников-рефлекторов будет светить во дворе всю ночь, и никакая темнота не сможет помешать играм. Можете играть хоть до утра! Если, конечно, мама разрешит.

А. СЕМЕНОВ

зачем?
почему?

Защита от метеоритов

Я читала, что наша Земля может столкнуться с кометой. Правда ли это? Как предотвратить столкновение?

Светлана ЖУКОВА,
г. Пролетарск,
Ростовская область.

Наша планета непрерывно бомбардируется метеоритами — металлическими, каменными, углистыми и ледяными обломками разных размеров. Самые маленькие метеориты без остатка сгорают в атмосфере, прочертив в небе огненный след. Крупные метеориты достигают

поверхности Земли, и иногда их удается найти. И крайне редко с Землей сталкиваются столь большие метеориты, что их падение вызывает серьезные последствия. В последний раз это случилось в 1908 году, когда в Сибири в районе Подкаменной Тунгуски упал гигантский метеорит (вернее, кометное ядро), в результате чего произошел мощный взрыв. Земля хранит следы многих космических катастроф такого рода, это гигантские кратеры, расположенные в разных частях нашей планеты.

Сейчас человечество уже

умеет предсказывать столкновения с наиболее крупными небесными телами и в принципе уже располагает средствами, чтобы их избежать. Навстречу крупному метеориту можно послать ракету и взорвать его мощным термоядерным зарядом или же столкнуть с одной орбиты на другую, не пересекающуюся с орбитой Земли. Для создания такой противометеоритной обороны у человечества достаточно времени: крупные метеориты сталкиваются с Землей один раз в десятки миллионов лет.

М. БАТАРЦЕВ

Самый-самый!

Слава богатству Сибири

На монетах некоторых стран встречаются изображения животных: на австралийских — утконосов; на канадских — оленей, бобров; на филиппинских — бабочек, быков, рыб; на танзанийских — кроликов, страусов... А в России? Были ли у нас подобные монеты?

В XVI веке чеканились полушка с изображением летящей птицы и деньга с всадником и соколом. Но самые интересные — так называемые «сибирские монеты». Они выпускались на Урале в 70-х годах XVIII века в связи с быстрым развитием торговли и, следовательно, денежного обращения на территории Сибири. На монетах можно увидеть... двух соболей.

Такой рисунок не случаен. Издревле на Руси соболь был символом богатства, а его мех — традиционной статьей экспорта.

«Сибирские монеты» прославляли изобилие края пушниной, лесами, полезными ископаемыми — золотом и медью.

В. ТАРАНКОВ

ГДЕ
МЫ БЫЛИ,
ЧТО
МЫ ВИДЕЛИ

СОЛОВЕЦКИЕ ЛАБИРИНТЫ

Белесое северное небо нависает над низким берегом. Куда ни глянешь — повсюду серые валуны, расцвеченные лишайниками, между ними зелеными подушками стелется брусничник и только кое-где — заросли низкорослых кустов: стоящий человек возвышается над ними великаном. От этого островок кажется еще более плоским и пустынным.

Островок называется Большой Заяцкий. Почему — неизвестно: никаких зайцев на нем не было и нет. Лишь чайки живут на этом крохотном, в квадратный километр клочке каменистой суши посреди Белого моря. «Большим» его можно назвать, пожалуй, только по сравнению с некоторыми его соседями по Соловецкому архипелагу, которые еще мельче. Действительно, крупный остров в архипелаге один — Большой Соловецкий. Там густые леса, горы и озера, там еще в XV веке был основан монастырь — главный форпост освоения всего русского Севера. Там центр монастыря — величественный кремль с древними соборами и грозными крепостны-

ми стенами; там современный поселок и ежегодная круговерть туристов. А здесь, на Большом Заяцком, — безлюдье, камни и тундра. Только на краю острова, у старинной каменной пристани, скромная бревенчатая церквушка постройки 1702 года в память о пребывании царя Петра со своим флотом. Что еще может быть интересного на крохотном пустынном островке?

Но стоит повнимательнее присмотреться к россыпям камней среди зарослей брусники, и замечаешь, что они не валяются в беспорядке, а складываются в какие-то фигуры. Весь островок будто расписан каменными узорами: небольшие округлые валуны, с кулак, образуют спирали диаметром до 20 метров и больше.

Это знаменитые каменные лабиринты — самые древние и самые загадочные памятники Соловецкого музея-заповедника.

Такие лабиринты есть не только на Соловках. Они найдены в Карелии и на Кольском полуострове, в

ШУТКА
и ВСЕРЬЕЗ

Куда бы спрятать газ?

Мама явилась домой не вовремя. Илюша думал, она задержится на работе, затеял кое-какие химические опыты (а это не одобрялось: и запах от них, и загорится что-нибудь не ровен час). Едва он успел собрать в банке над водой какой-то неизвестный науке газ, как в замке загремел ключ. Вот тебе раз! Заметался экспериментатор, да газ — не рогатка, в ящик не спрячешь, вот и пришлось быстренько, пока не поймали, выпустить добычу в окошко. Обидно! Намечалось крупное открытие.

Пришел Илюша со своей бедой ко мне, а я и говорю: зря

добро выбросил. Газ-то можно убрать не только в банку или в баллон, иной раз его удастся припрятать и в лед.

В лед? Как же так?

А вот как, объясняю.

Почему лед не тонет в воде, а плавает поверху?

Об этом давным-давно рассказывал в написанной для школьников «Русской книге для чтения» Лев Николаевич Толстой:

«Когда из воды делается лед, то во льду этом такая сила, что если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдом разорвет ее.

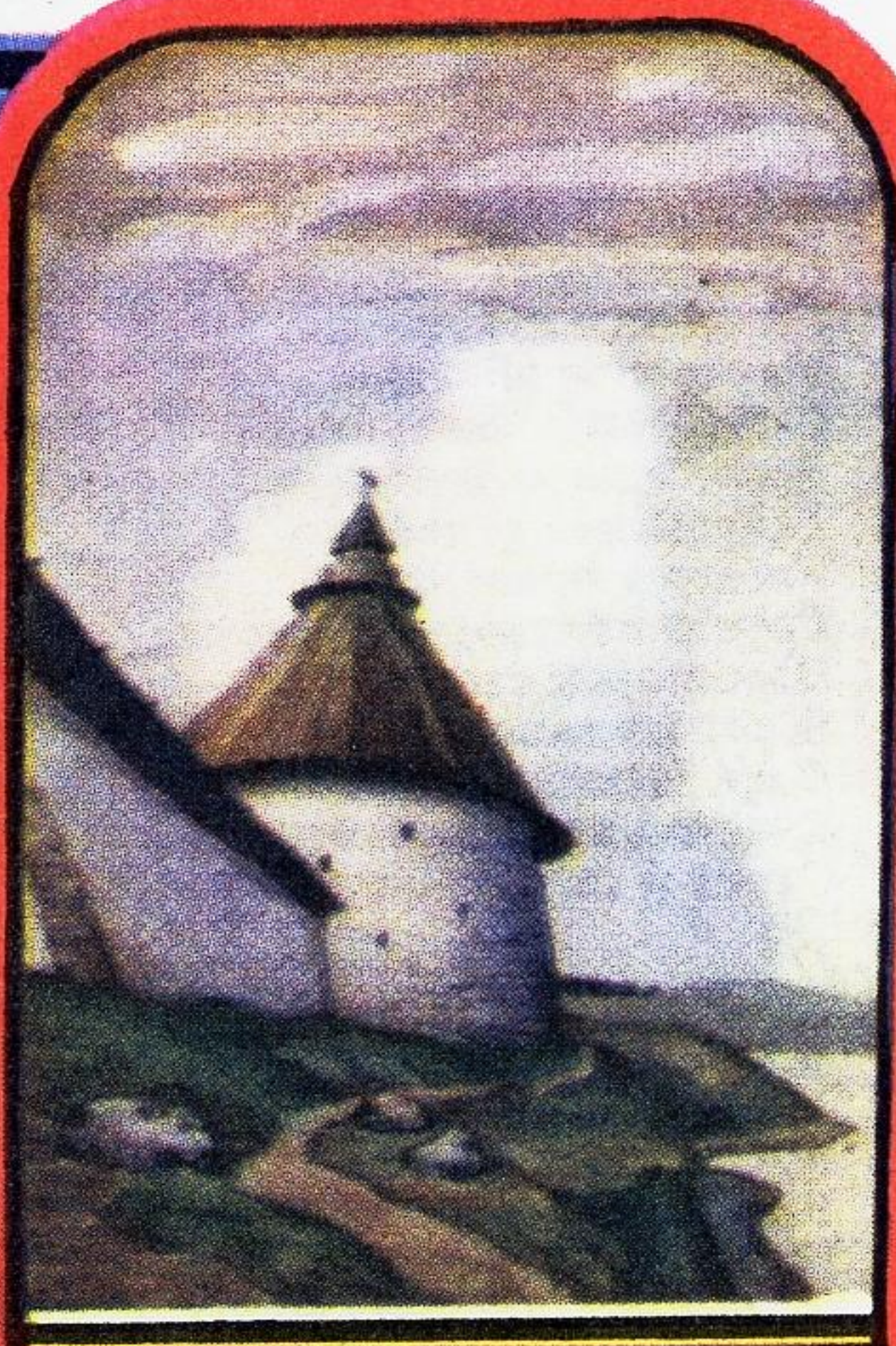
Отчего вода не сжимается, как железо, от холода, а раздается, когда замерзнет? Оттого, что когда вода замерзнет, ее частицы связываются между собой по-другому, и промеж них больше пустых мест».

Это писалось в 1875 году. Точными сведениями о расположении молекул в веществе наука не располагала, но рассуждения великого писателя были совершенно верными. «Пустых мест»

во льду действительно полным-полно, куда больше, чем в самом лучшем сыре.

Когда вода начинает замерзать, ее молекулы (в прошлом веке говорили «частицы») зацепляются друг за дружку, выстраиваясь как бы в решетку с регулярно повторяющимися дырками, совсем маленькими, размером с атом. Так вот в эти самые невидимые дырки превосходно помещаются посторонние атомы или даже небольшие молекулы самых разных веществ. Вмерзает в них, к примеру, природный газ, тот самый, который греет кастрюли и сковородки на наших кухнях. Да вмерзает помногу: при повышенном давлении в литр раствора входит до 300 литров газа — три громадные бочки в маленькую банку! Такой твердый раствор называют газ-гидратом.

Это свойство газа иногда причиняет немалые неудобства. При перекачке его по трубопроводам трубы, бывает, забиваются льдом или плотным «снегом»,

Прибалтике и в некоторых странах Северной Европы. Всего в мире их известно около 60, в том числе на Соловецких островах — 33, и семь — здесь, на Большом Заяцком. Сложили эти лабиринты люди, жившие около трех тысячелетий назад, в эпоху северного неолита.

Зачем понадобилось им выкладывать из многих тысяч камней спирали? Над тайной лабиринтов ломало голову не одно поколение исследователей, и до сих пор она окончательно не разгадана.

Одни ученые полагали, что лабиринты были для древних людей чем-то вроде танцплощадок. Здесь первобытные племена исполняли хороводные танцы по случаю важных событий. Другие утверждали, что спирали — это символические изображения ловушек для рыбы. Совершая над ними всякие колдовские действия, древние рыбаки надеялись обеспечить себе богатые уловы.

Однако сейчас ученые считают, что лабиринты как-то связаны с погребальными обрядами. Археоло-

гические находки показывают, что обитатели беломорского побережья времен неолита приплывали сюда с материка, чтобы хоронить своих умерших соплеменников. Спираль служила путеводными знаками душам умерших, помогали найти им дорогу в «потусторонний мир»...

Окончательно разгадать тайны каменных лабиринтов ученым еще предстоит. Поэтому очень важно, чтобы все памятники остались для будущих исследований в неприкосновенном виде. На Соловки каждый год приезжают десятки тысяч туристов, и не все они, к сожалению, с уважением относятся к следам прошлого. Можно не особенно беспокоиться за стены соловецкого кремля, сложенные из семитонных валунов. А небольшие, ничем не закрепленные камни лабиринтов скосырнуть ничего не стоит: достаточно одного неудачного шага.

Поэтому Большой Заяцкий остров недавно закрыли для экскурсий. Правда, работники заповедника понимают, что это тоже не дело: как же не показать людям самую древнюю достопримечательность Соловков? Нашли вот какой выход: на Большом Соловецком острове, рядом с кремлем, археологи восстановили часть лабиринта, когда-то существовавшего здесь. Выложили камни точно так, как выкладывали их жители неолитического Беломорья.

Может, когда-нибудь раскинется над лабиринтами Большого Заяцкого канатная дорога. Поплывут по воздуху вагончики, и тогда каждый сможет, не ступая ногой на остров, рассмотреть подлинные святилища наших далеких неолитических предков...

А. ИОРДАНСКИЙ

не тающим даже в довольно теплую погоду. Приходится отключать насосы, вскрывать трубы... При этом, едва давление становится обычным, «снег» как бы мгновенно вскипает, превращаясь в газ и воду.

Такая пронырливость газовых молекул, однако, приносит не только неприятности. Советские ученые открыли, что газгидраты могут стать богатым резервом горючего. В вечной мерзлоте, сковывающей землю, на Севере лежат миллиарды тонн газа, закупоренного в лед, как сказочный джинн в бутылку. И если его выпустить с толком, — он станет работать на нас.

Вот и Илюша (он ставил свой великий опыт зимой) мог бы, если бы заранее подготовился, заморозить свою добычу в виде льда или снега, на первый взгляд самого обыкновенного.

Ну, а еще лучше, если бы он делал открытия не потихоньку, на кухне, а с маминого одобрения, в школьном кружке.

П. САВКО

А теперь посчитайте сами!

Снежная кладовая

Литр природного газа весит около 0,9 г. Месторождение газгидрата, залегающего в вечной мерзлоте, занимает площадь в 100 км², толщина пласта 10 м. Сколько горючего можно оттуда добыть, если на литр воды приходится 200 л газа? Плотность пласта считать равной 1 т/м³.

После того, как задачу решили, ответ проверьте, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

$\times \frac{81,0}{81,1}$ тнжрэдос тврднлзвн, тнрвнЕ .лх т —ндов qтнП .л 08т ттэв вэвт п 00S
-пнМ .°м 000000000 т=0т×000000 т×00т —втэпп мэвдО .вэвт °°2т °°00т
оп монпқж от-анэро эн в эжд, тнрвнЕ !ннот ддвнппм —вогтэмоуқ ддвнп
-эропқот ннот вонопплм 02т тэвтэппе нннэдждоотсэм мвжқем мнжэвнппоэп
-одохэвқен удот т8е1 в ,вжжсМ жвж ,вдоот отондмоот отожт эннэпэвн .от
.эшнэм вэқ 00т в вэвт опвв

НОВЫЕ ЗАБОТЫ ЗООПАРКА

Специалист по кошачьим

Самые разные звери и птицы взяты сейчас под охрану. Заказники и заповедники выделены для их обитания. Самое главное — восстановить численность животных, необходимую для сохранения вида. Некоторых животных осталось в природе так мало, что сохранить их можно только в неволе.

В неволе не надо спасаться от бесчисленных врагов, не надо тратить силы на добывание пищи. Если детеныши родились слабыми — им не дадут погибнуть, выйдут. Выращенных зверей можно будет потом возвратить в те самые места, где они когда-то водились, но были вытеснены или истреблены человеком.

Главная забота зоопарков мира в наши дни — не развлечение посетителей, а разведение животных. Это сложный, кропотливый труд. Дикий зверь пуглив и капризен, разборчив в еде и в условиях содержания. Его может не устроить сосед по клетке. Часто самка, родив детенышей в неволе, отказывается их выкармливать. Выросший в неволе зверь порой утрачивает инстинкт, и самка не осознает себя матерью. Сколько бессонных ночей проводят тогда зоологи, спасая от гибели беспомощных малышей!

Каждый зоопарк специализируется на разведении какого-нибудь одного вида животных. Московский зоопарк — специалист по кошачьим: тиграм, леопардам, гепардам и снежным барсам.

Яростная Мери

...Бац! — это Мери, гепард, с размаху кидается на сетку и стучается об нее лбом и треугольным, совсем кошачьим носом. Ей не больно — сетка, хотя и прочная, но мягкая, прогибается. Мери недаром сердится: мы слишком близко подошли к вольере. А за спиной у Мери сидят шесть маленьких серых детенышей.

Детеныши совсем не похожи на мать. Они напоминают щенят, пятнышки на их темно-серой шкурке едва заметны. И не мячут, как положено кошкам, а издают странные звуки, напоминающие поскуливание. Все это неспроста — гепард даже строением тела чем-то напоминает собаку, среди кошачьих он самый быстроногий и даже когти прятать не умеет. Многие зоологи считают гепарда пограничным подви- дом между кошачьими и псовыми.

Между тем Мери вновь кидается на сетку. Уходите! Можно не сомневаться: детенышей Мери на бросит. К вольере она подпускает только своего кормильца — зоотехника Игоря Егорова. А Игорь и сам старается лишний раз не навещать гепардов. Котята могут простудиться от сквозняка. Вдалеке от посторонних глаз живут пока малыши. Не скоро увидят их посетители зоопарка.

Ирбис — снежный барс

Целых три снежных барса весело бегают по клетке. Можно сказать: и целых три ирбиса. Они играют, вспрыгивают на сухие стволы деревьев, установленные в вольере, бесшумно и мягко бьют друг друга лапами. Все трое ровесники. Олимп и Орбита — брат и сестра — родились в Москве. Виктория — в Ленинграде. Мать отказалась ее выкармливать, и Виктория выросла буквально на руках у сотрудников Ленинградского зоопарка. До сих пор она совсем ручная, хотя с тех пор, как ее подсадили к Олимпу и Орбите, от людей поотвыкла. Но на кличку отзывается и идет вдоль решетки за позвавшим воспитателем — Сашей Юдиным. Вот Саша пробежался вдоль клетки — Виктория играет и бежит тоже, в шутку припадая к земле и как бы готовясь прыгнуть, когда он остановится. Но Саша одергивает себя. Зверь должен быть диким, а не ручным.

Ах, как хороши барсы! мех дымчато-серый, очень пушистый, и по нему крупные, почти черные пятна. Из-за густой и длинной шерсти лапы кажутся массивными и тяжелыми. Под стать им и хвост, который почти такой же длины, как все тело барса. Он шире на конце, чем у основания, и кончик его немного загнут вверх. Уши полукруглые и тоже очень пушистые. А взгляд у барсов (глаза цвета прозрачного липового меда) внимательный и дружелюбный.

Этих красавцев осталось на земле совсем немного — около трехсот в нашей стране и не больше семисот во всем мире. Живут барсы высоко в горах, на высоте три-четыре тысячи метров. Там, среди вечных снегов, густой, пышный мех им очень кстати, потому и зовутся они снежными барсами.

руке хватит, чтобы сосчитать зоопарки мира, в которых удалось получить от них потомство.

Саша безнадежно машет рукой.

Мы подходим к клетке, в которой спит Тай.

— Тай! — окликает его Саша. — Та-ай! Та-ай!

Тай не отвечает.

— Уже вечер, Тай, пора вставать!

И Тай поднимает тяжелую пятнистую голову, медленно раскрывает розовую пасть, украшенную белосахарными клыками, и мы слышим: «Хх-ххх-хххх! Хххххххххххххх!» Тай явно хочет сказать, что вставать ему еще рано.

— Ну, вот видите,— усмехается Саша,— я же говорил, какой у них там характер!

Таинственный гость из джунглей

Дымчатый леопард невелик ростом, да и весит он всего восемнадцать — двадцать килограммов. Бледно-желтая шкура покрыта узором из удивительных черных и серых пятен. Дымчатый леопард — животное ночное. Обитает он в джунглях Вьетнама, Бирмы, Лаоса и Таиланда. Днем спит где-нибудь высоко на ветвях, ночью охотится. Своим привычкам не изменяет дымчатый леопард и в неволе.

Из-за труднодоступных мест обитания и ночного образа жизни о дымчатых леопардах даже сейчас ученые знают далеко не все. Точно неизвестно, например, чем дымчатый леопард питается. Что у него за привычки, как лучше содержать его в неволе — парами или поодиночке? Придется изучать дымчатого леопарда прямо в зоопарке.

Но попробуй изучи: если днем леопард спит, а ночью может не двинуться с места, обнаружив, что за ним кто-то наблюдает. Очень долго не могли получить от дымчатых леопардов потомства. Чего-то им, по-видимому, не хватало. Но чего?

Много ночей наблюдал за леопардами Саша Юдин, сидя у клетки в специальном, своими руками построенном укрытии. Он не смел не то что шевельнуться—боялся громко вздохнуть. И через некоторое время предложил давать дымчатым леопардам рыбу. Новое блюдо понравилось таинственным кошкам. Даже шерсть у них стала больше блестеть. И вскоре у пары леопардов—Тая и Ланды—появились детеныши—Сумба и Тимур. Рождение дымчатого леопарда в неволе—огромная удача. Пальцев на одной

Вернуть природе

Зоопарк выращивает животных. Выращивает для того, чтобы когда-нибудь вернуть природе. Дикае звери, что бродят в густой чаще, делают лес лесом. Река остается рекой, только если рыбы ходят в ее таинственной глубине. И небо небом делают птицы, а не самолеты. Мы должны беречь их всех, диких и неповторимых, рыб, птиц и зверей, пока они еще с нами. Мы люди, мы их старшие братья. А старший всегда отвечает за младшего.

Г. ПОТАПОВСКАЯ

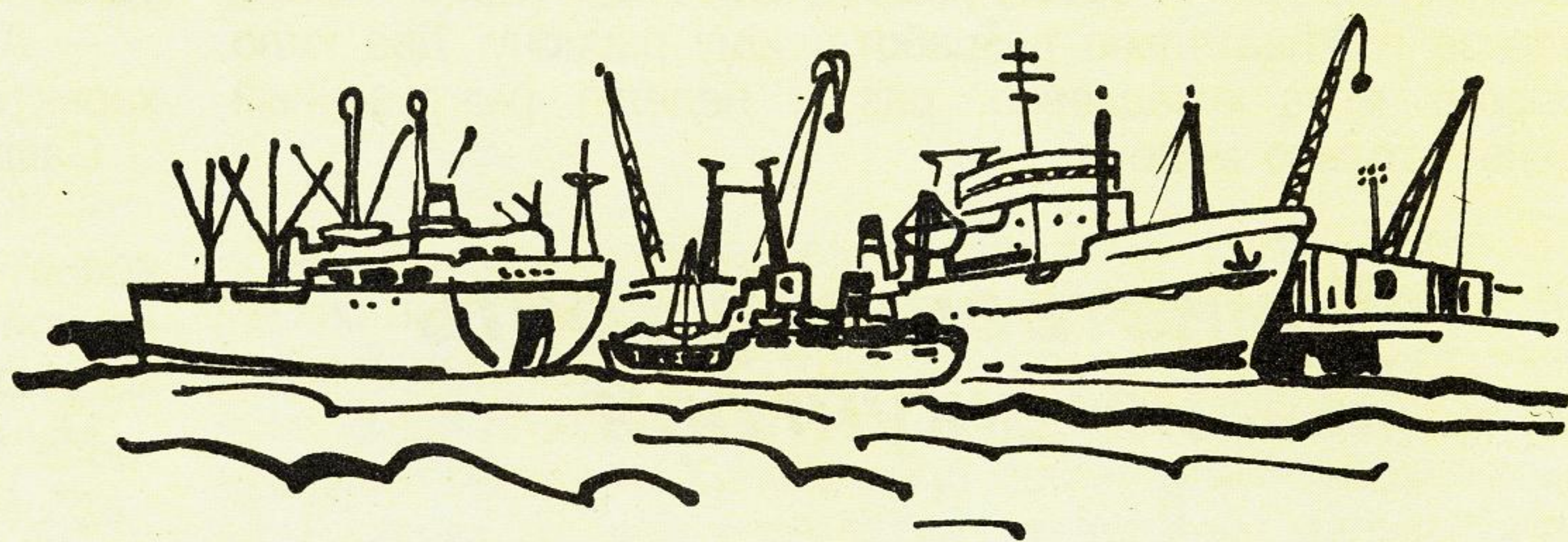
Рисунок А. ГРИШИНА.

Янтарный город у моря

Морской рыбный порт

Скучный ансамбль
«Рот 15»

Самая западная точка на карте нашей страны. Город боевой славы. Янтарный город, как называют его жители Калининграда. Про него можно рассказывать и рассказывать...

Все, что вы прочтете, лишь несколько кадров из большого, «полнометражного» фильма моей памяти, хранящей образ этого прекрасного города.

Зубан из Марокко

Радио передало привычный утренний прогноз погоды: давление воздуха... влажность... ветер... температура... И вдруг: «Прогноз для рыбаков: высота волны на Балтике полметра».

Вот когда я по-настоящему почувствовал, что встретивший меня вчера чуть заснеженный Калининград — город не совсем обычный: балтийский, приморский. А если так, то, конечно же, следует непременно побывать в порту.

В Калининграде два порта — торговый и рыбный. В канале реки Приголи над громадными белыми судами высятся журавлиные шеи порталых кранов. На удивление размеренная, без суеты и спешки круглосуточная работа. Докеры в разноцветных пластмассовых касках, вахтенные матросы у трапов океанских кораблей. И штабеля. Штабеля труб, словно горы гигантских биноклей. Штабеля контейнеров с начертанными на их металлических и деревянных боках адресами двадцати трех стран мира. Все это Калининградский торговый порт. Над торговым портом галдят воробьи и шумят, словно морской прибой, крылья тысяч голубей. Они клюют зерно, коричневые крупинки кубинского саха-

ра-сырца, иногда по ошибке пытаются склюнуть мелкую гайку или пористый шарик керамзита.

Над рыбным портом, над сейнерами и плавбазами кружат чайки. Им подавай рыбку. Какой только рыбы не пробовали калининградские чайки! Им доставалась мойва из Баренцева моря, сельдь и окунь из Норвежского, путасу из Северного. Едали они сарданеллу, хека и ставриду, выловленную у берегов Анголы. Может быть, перепали им кальмары из Аргентинского шельфа. Хватили они нототению, бычка и ледяную рыбу, пойманную в антарктической части Атлантики. Перехватывали ставриду из Перуанской котловины, что в Тихом океане. И, уж конечно, не брезговали сардиной, ставридой, скумбрией, саблей, зубаном и даже рыбой-пилой, привезенными от берегов Мавритании и Марокко.

Рыбы много. Каждые сутки в рыбном порту выгружают тысячи тонн. По полгода рыбаки работают в океане, вдали от дома. И в день прибытия очередного рыболовного судна в порту праздник. Музыка. Поцелуй. Возгласы: «Папа! Папа! Смотри, как я вырос!», «А ты привез мне рапана?». И радостный смех. И цветы. И чайки, чайки, чайки. Серебристые, как балтийское небо.

80 миллионов лет под землей

Как вы думаете, 10 миллионов лет — это много или мало? Можно ли просуществовать столько лет и считаться молодым? Янтарь, которому 10 милли-

чи. Залегают янтарь на глубине 50—70 метров. И земля, скрывающая его, пепельно-голубого цвета. Цвета моря.

Выстрелы в доме жирафа

На окраине горящего Кенигсберга в бомбовой воронке, наполненной студеной апрельской водой, лежал бегемот. Вода, отразившая зарево пожара, казалась розовой. Разгоряченные боем бойцы пытались выволочь бегемота из ямы. Испуганный, он не сопротивлялся.

— Ох, и трудная это работа — из болота тащить бегемота! — продекламировал молоденький солдат, сдвигая тяжелую каску на затылок.

С бегемота стекала розовая вода. Но розовела она, оказывается, от крови: бегемот ранен. В его толстой шкуре застряло семь снарядных осколков. Фашисты превратили кенигсбергский зоопарк в арену жестокого боя. Они укрепились на берегу ручья, пулеметы стояли в зимних домиках зверей и у круглых вольер.

Вот что я прочитал на доме, где сейчас живут слон и жираф: «В АПРЕЛЕ 1945 ГОДА ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СТАРШИНА АЛЕКСАНДР ЧЕРЕМУХИН И МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ВАСИЛИЙ ХИЛЬЧУК УНИЧТОЖИЛИ 13 ПУЛЕМЕТОВ И 60 ГИТЛЕРОВСКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ».

Первым со своим батальоном ворвался на территорию зоопарка капитан Рыбников. Его считали погибшим. Но спустя много лет после войны Герой Советского Союза Александр Рыбников приехал в Калининград, прошелся по извилистым дорожкам возрожденного зоопарка.

Сейчас в Калининградском зоопарке 380 видов животных. А тогда, в апреле сорок пятого, уцелели лишь барсук, лань, ослик и тот раненый бегемот, которого наши бойцы называли Гансом.

Не только зоопарк, но и весь город фашисты постарались превратить в неприступную крепость. Они построили многослойную мощную систему обороны. Противотанковые рвы, наполненные водой, минные поля, надолбы, проволочные заграждения, три, а то и четыре линии траншей и, наконец, целая система каменных фортов, оснащенных артиллерией, минометами, пулеметами.

Но не помогли врагу ни мрачные форты-крепости, ни глубокие рвы, ни усиленные гарнизоны. Сегодня развалины фортов напоминают нам о мужестве павших и живых. «ВАШЕ МУЖЕСТВО БЫЛО БЕСПРИМЕРНЫМ, ВАША ВОЛЯ БЫЛА НЕПРЕКЛОННОЙ, ВАША СЛАВА БЕССМЕРТНА», — выбито на гранях стелы Мемориала — братской могилы погибших в последнем военном апреле.

Этот Мемориал особый: он первый из тысяч памятников погибшим в Великой Отечественной войне. Узкая стела уходит в низкое зимнее небо. Вечный огонь. Тихая, торжественная и грустная музыка. И чуть приподнятые над землей желтомраморные плиты с именами погибших — 1200 фамилий. Никто не забыт.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня стесняется дыхание от гордости и горя. Мемориал, созданный в дни, когда еще свежи были раны войны, когда еще не все похорожки дошли по своим адресам. Память о павших. Напоминание о нашей Великой Победе. Наше Вчера, неотделимое от нашего Сегодня.

Л. ЯХНИН

онов лет, считается молодым. Он мягкий, «вязкий», как говорят специалисты. Возраст «взрослого» янтаря — 80 миллионов лет. В то невообразимо далекое время стояли на земле леса янтароносных сосен.

В мифах, легендах, сказаниях разных народов есть этот камень жизни. Есть он и в старых русских преданиях. Вот одна из таких легенд.

Посреди моря-океана на острове Буяне стоит древо зеленое, подпирает макушкой небо. Лежит под тем древом бел-горюч Латырь-камень. Солнце в нем ночует, солнце жаром своим его поит. Сила в нем сокрыта такая, что и конца ей нет. Лечит он от всякой болезни и красоту дает тому, кто к нему прикоснется.

И верно. Янтарь не только украшение, но и чудодейственное лекарство. Замечено, что янтарным маслом, например, можно вылечить ожоги, оно бесследно затягивает раны.

Обо всем этом я узнал на Янтарном комбинате, что стоит в окрестностях Калининграда. Здесь обрабатывают почти 700 тонн янтаря в год. Откуда же его берут? Неужто в песке на пляже, на берегу моря?

Я стою на самой кромке гигантской тарелки-впадины. По ее террасам жуками ползут груженные глыбами голубой земли грузовики. Рычат на подъемах. Грохают ковши экскаваторов. Какую же руду добывают в этом котловане? Я поднял ломоть голубой земли и потер его в пальцах. На ладонь выкрошились мелкие желтоватые камешки, подернутые белым налетом. Янтарь. Его добывают в карьере, как уголь. В первый раз я услышал о промышленной добыче янтаря. А карьер этот, оказывается, дает 90 процентов всей мировой добы-

Переменка

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Назови четыре основных элемента природы!
Ученик. Земля. Воздух. Огонь...

Учитель. А еще? Не знаешь? Ну, вспомни, чем ты моешь руки перед едой?

Ученик. Вспомнил! Еще — мыло!

Сергей Дмуковский,
Брестская обл.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель. Вес твердых тел измеряется килограммами, жидких — литрами... А чем измеряются расстояния?

Ученик. Линейкой!

Люда О.,
г. Магадан.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Как ты понимаешь выражение «жить по-спартански»?

Ученик. Это значит... Увлечаться игрой в хоккей!

Лида Денисова,
Мира Абдылдаева,
Киргизская ССР.

«ВЕСЕЛЫЙ ПЕТЯ»

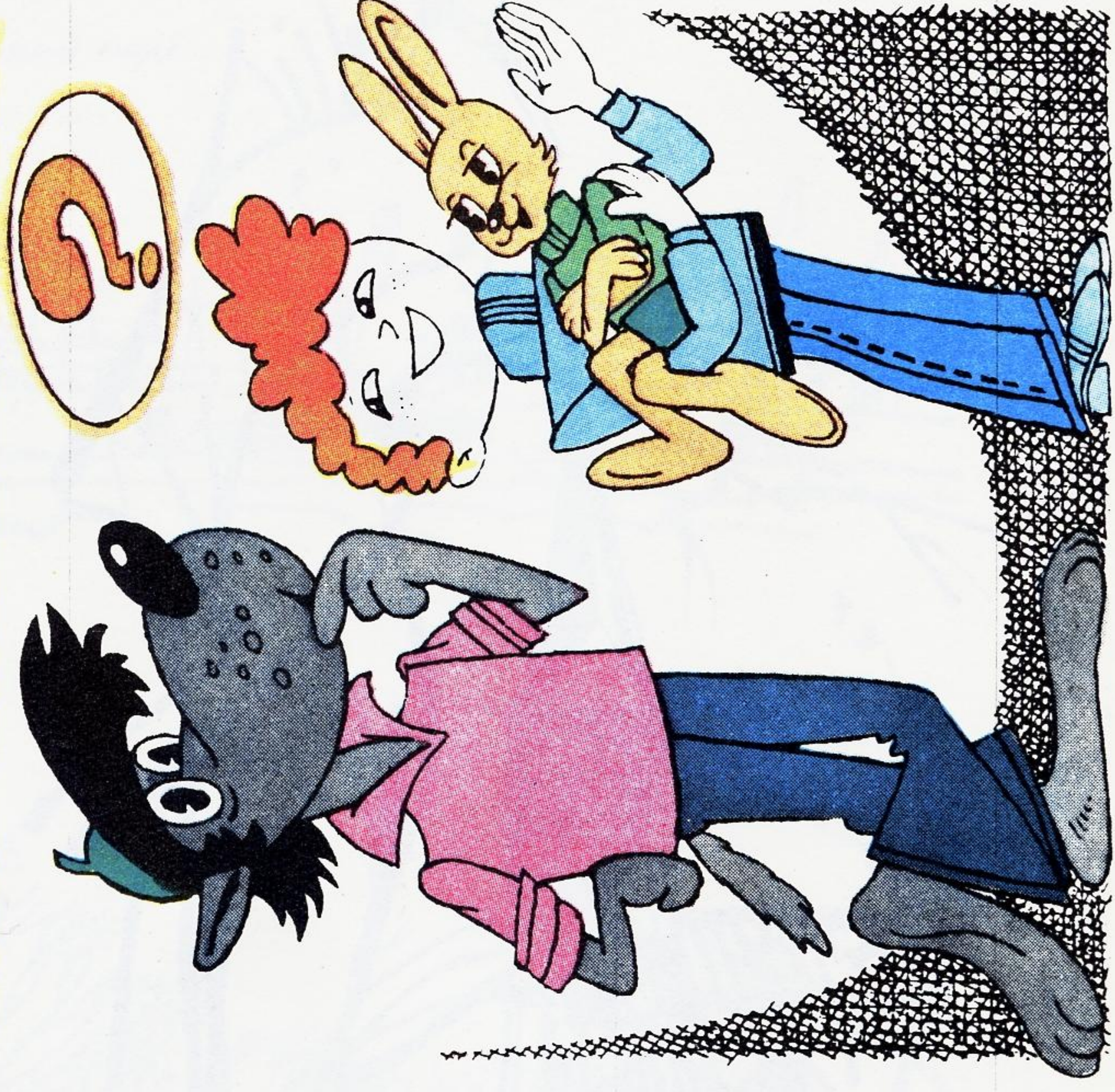
«Переменка» объявляет новый конкурс.

Этот Волк уже много лет гоняется за Зайцем. Вот и в этот раз он его почти догнал. Но у Зайца появился новый друг — Петя. Он взял Зайца под защиту. Волк предложил: «Давай меняться! Что хочешь за длинноухого?»

А Петя потребовал что-то такое, чего Волк никак не мог выполнить, оказался в нелепом положении, и все над ним смеялись. Ребята, напишите нам, как веселый Петя сумел выставить на смех глупого и злого Волка. Петин ответ должен быть коротким — не больше одной фразы — и, конечно же, остроумным и неожиданным. Самые удачные ответы будут опубликованы.

Ответы вы должны выслать не позже 1 февраля. На конверте или открытке после почтового адреса редакции напишите: «На конкурс «Веселый Петя»».

А Петя потребовал что-то такое, чего Волк никак не мог выполнить, оказался в нелепом положении, и все над ним смеялись. Ребята, напишите нам, как веселый Петя сумел выставить на смех глупого и злого Волка. Петин ответ должен быть коротким — не больше одной фразы — и, конечно же, остроумным и неожиданным. Самые удачные ответы будут опубликованы.

Из школьных сочинений

«Лодка лежала вверх кителем...»

«Он так огорчился, что не мог спать даже во сне».

«Он не был голоден, ему просто есть хотелось».

«Он всю глазел глазами».

«Митюха спал, положив голову на правое колено левой ноги».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЕНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Матч в зале Чайковского

С огромным вниманием следили все любители шахмат за матчем сильнейших гроссмейстеров мира Анатолия Карпова и Гарри Каспарова. Матч этот проходил в упорной борьбе и дал ряд замечательных партий.

Эти партии — прекрасный материал для вашего совершенствования, ребята, их надо изучать, анализировать, постигая высокие тайны стратегии и тактики шахмат. Правильно поступают те юные шахматисты, которые переигрывают эти партии, стремясь понять смысл каждого сделанного хода.

«Мне очень нравятся логичные, последовательные партии Анатолия Евгеньевича Карпова», — говорит участник финального турнира клуба «Белая ладья» Костя Сакаев (Ленинград). Костя — кандидат в мастера. Он изучил немало партий прославленного гроссмейстера.

«Партии Анатолия Карпова — это отличный учебник шахматной игры» — таково мнение Светы Соколовой (Душанбе), Владика Гончарова (Кемерово), Аслана Этобова (Нахичевань) и многих других участников недавнего финального турнира «Белая ладья».

Но справедливо говорят: о вкусах не спорят. Изречение это относится и к шахматам.

«Лучше всего учиться комбинационной игре по партиям смелого шахматного рыцаря Гарри Каспарова». Это мнение выступавшего на соревновании в Самтредиа Андрея Алексева (Москва) разделяют и другие финалисты «Белой ладьи»: Са-

ша Трофимов (Алма-Ата), Сережа Кривошей (Житомир), Таня Козырева (Кемерово), Талыб Бабаев (Нахичевань).

Ну, что же. Почитатели талантов Карпова и Каспарова, несомненно, найдут в партиях матча за «шахматную корону» и тонкую позиционную игру, и глубокие маневры, и хитроумные комбинации.

Из нашей почты

Интересное письмо прислали нам Муслим Абдулкадиров, Анвар Магомедов и другие из села Хунзах (Дагестанская АССР).

«У нас в районном Доме пионеров есть шахматный клуб «Белая ладья». Мы проводим соревнования, совместно решаем задачи, которые публикуются в журнале «Пионер». У нас эти задачи вызывают большой интерес, а коллективная работа помогает: правильные решения всегда находим».

Отлично справились с заданиями, помещенными в шестом номере, ребята из села Хунзах.

В этюде Бори Берадзе к цели ведет ход 1. с6—с7+, и если 1... Кра8—а7, то 2. Cf4—e3+. Смысл этюда в том, что в главных вариантах пешка с7 превращается в коня, или на поле b8, или на поле с8.

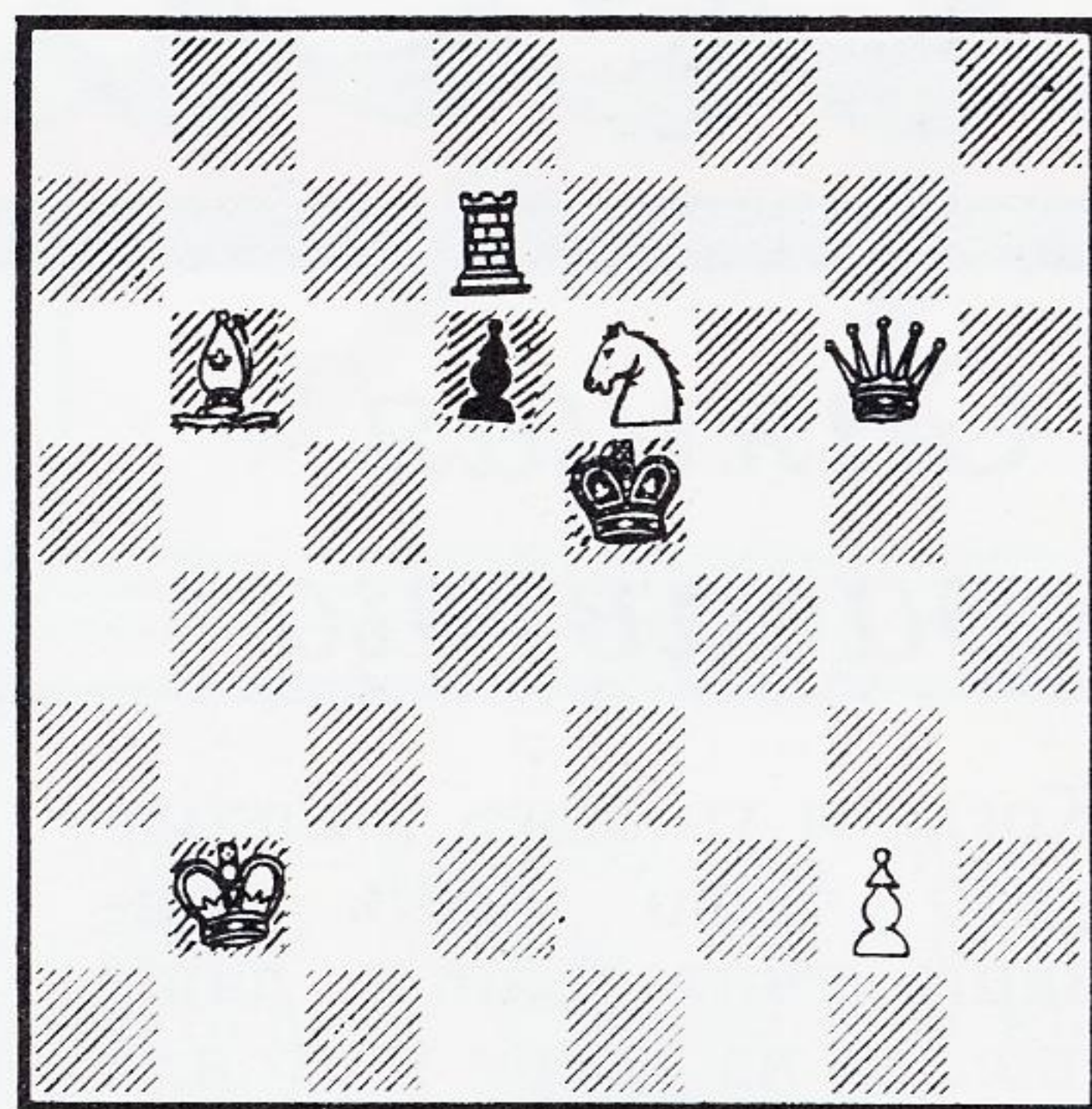
Задачу-двухходовку решает хитрый маневр, который не заметили многие участники конкурса: 1. Ла8—а2!, и мат следующим ходом неизбежен.

В трехходовке к цели ведет только продолжение 1. Кс6—d8. Тем читателям, которые решали задачу по-иному, советуем снова проверить варианты задачи.

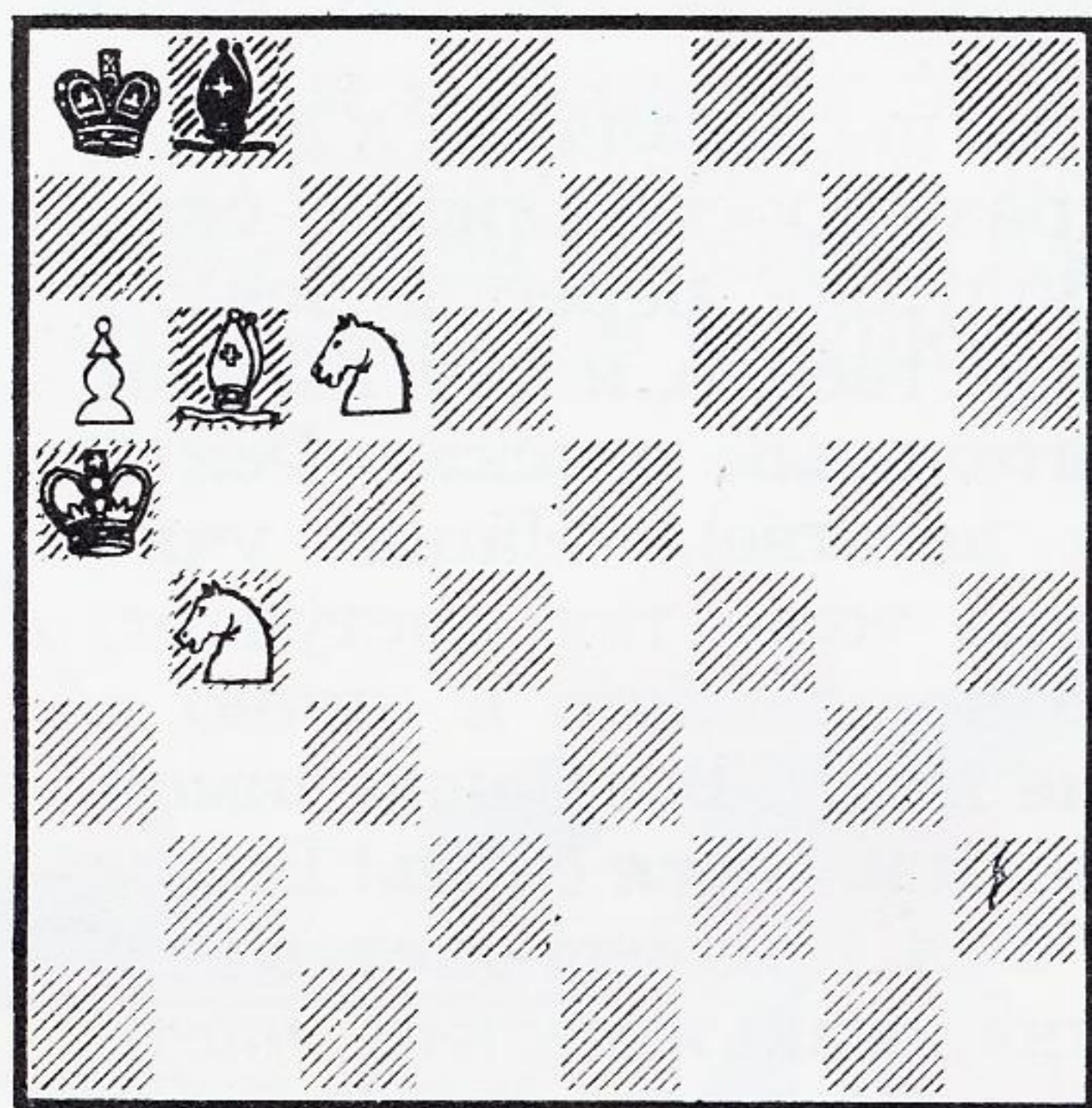
Среди ребят, удачно справившихся с конкурсными заданиями, Хайрат Бейсенбаев (Семипалатинск), Вова Ханеев (Улан-Удэ), Игорь Глызин (г. Киров), Саша и Сережа Алманжоловы (с. Шилаболиха Алтайского края), Инна Лебединская (Кременчуг), Эдик и Олег Жмакины (с. Афанасьевка Курской области), Алексей Сухов (Киев).

Судейская коллегия подводит сейчас итоги наших заочных соревнований, проведенных в 1985 году. Участников конкурса просим сообщить, какой спортивный разряд они сейчас имеют.

И еще два «утешительных» задания для тех, кто справился не со всеми задачами и этюдами, помещенными в журнале. Конечно, мы приглашаем найти решения этих заданий и других юных любителей шахмат.

Найдите, как белые дают мат в два хода.

А здесь мат достигается в три хода. Каким образом?

В обеих задачах игру начинают белые.

Ждем ваших решений, ребята. Решения надо отсылать не позднее чем через месяц после получения журнала.

100 советов Золушке

Спящая красавица

— Когда я училась в школе Фей—это было очень давно,—наша учительница, даже если писала на доске и стояла спиной к классу, точно знала, кто в классе зевает... «Фея Хорошего Настроения! Фея Приличных Поступков,—говорила она,—не зевайте! Это скучно!»—И...

— Она вызывала вас к доске, и вы сразу просыпались,—сказала Золушка, перестав зевать (чем, собственно, и был вызван назидательный рассказ Феи о своем детстве).—Наша учительница тоже так поступает, ничего волшебного я лично в этом не вижу. Все равно зимой все время хочется спать! Видите ли, Фея, природа спит, а мы, золушки, как известно, часть природы. Ну что с этим поделать?

— Я предлагаю,—скромно сказала Фея,—ложиться спать в девять часов вечера.

Смех Золушки, прозвучав-

ший в ответ, поистине не требовал комментария.

— При всем уважении к вам... Но ведь это именно время, когда спать совсем не хочется—мне не пять лет...

— Именно поэтому я и даю тебе такой совет,—сказала Фея.—Как раз девочки твоего возраста жалуются в письмах, что не высыпаются, скверно выглядят, переутомляются. Одна читательница даже предлагает обучить золушек делать массаж лица, чтобы не было мешков и темных кругов под глазами. Прямо скажем, массаж лица в двенадцать лет—это нелепость и вредно... А вот здоровый глубокий сон с девяти часов вечера до семи часов утра... Во все времена для всех девочек, девушек и женщин это было самым верным, самым чудодейственным средством сохранять и поддерживать прекрасный внешний вид. У англичан есть такое выражение «бьюти слип» — «красивый сон», «сон красоты». Так называется сон до двенадцати часов ночи. Считается, что такой сон восстанавливает красоту, а сон после двенадцати часов только силы. Уж не знаю, сколько научного, а сколько волшебного в этом утверждении, но многие люди, придерживающиеся такого разумного режима сна, подтверждают его своим замечательным внешним видом и отличной работоспособностью.

Уж если ты заговорила о природе, то прежде всего не стоит путать время, которое она установила для сна и бодрствования. Птицы засыпают рано, эта привычка хороша и для золушек.

— Значит, если я ложусь спать в половине двенадцатого,—стала быстро подсчитывать Золушка,—я сплю «сном красоты» только полчаса... А если я буду ложиться в девять часов, то получится три часа.

— Хорошо, если при этом,—добавила Фея,—постель твоя будет устроена пра-

вильно. Это раньше принцессы утопали в жарких перинах, а теперь они понимают, что упругий, ровный, на жестком основании (раскладушка не годится совершенно) матрац намного лучше для осанки. Подушка небольшая, плотная—не лебединый пух. Одеяло достаточно теплое, но легкое. И непременно чистое. Дело в том, что одежды служат в семьях подолгу, их покупают, что называется, «на всю жизнь». Поэтому важно его время от времени отдавать в химчистку. Старое одеяло негигиенично.

Ну вот, в такой постельке со свежим бельем, я думаю, тебя действительно ожидает «бьюти слип». Да, комната обязательно должна быть хорошо проветрена. И самой перед сном не мешаешь выйти ненадолго на свежий воздух. Или, открыв форточку, особенно если читала весь вечер и готовила уроки, сделать несколько легких гимнастических упражнений. Это поможет тебе быстро уснуть.

— Но все-таки, Фея,—сказала Золушка,—зима не лето, когда утром так холодно и темно за окном, то чувствуешь себя какой-то вялой, ленивой. Может быть, мне пить кофе, как мама?

— Конечно, нет. Ведь ты не

мах согнутой ногой вперёд с одновременным полуприседанием.

мах в сторону, одновременно опускаю руку вниз.

выполняем махи сначала левой, а затем правой ногой.

попеременные приседания — выпады, то на правую, то на левую ногу

мама. Привычка пить кофе довольно вредная. Никакой пользы для девочки от нее нет. Но есть напиток, который поможет тебе стать такой же веселой и энергичной, как летом. В нем та летняя сила, которой нам так не хватает долгой зимой.

— Какой-нибудь волшебный эликсир? — вопросительно подняла брови Золушка.

— Настой шиповника с лимонным соком. Кроме того, что в нем уйма витаминов, а может быть, именно благодаря этому он оказывает бодрящее действие, вполне заменяя чай или кофе. Все очень просто: с вечера бросаешь в маленький термос горсть вымытых ягод шиповника, заливаешь кипятком. Закрываешь и оставляешь на ночь. Утром наливаешь в стакан, выжимаешь лимонный сок. Если хочешь, добавь сахару.

— Так, понятно, — сказала Золушка, — настой шиповника с лимоном. Ну, а что надо есть, чтобы поменьше спать? А то мне иногда кажется, особенно в воскресенье, что я целый день могу в постели проваляться.

— Если Золушка — соня, любит целыми днями валяться в постели и страдает избыточным весом, то просто-напросто надо поменьше есть (см. наши странички в номере пятом за 1985 год).

Тут, видишь ли, существует опасная и таинственная связь: чем больше Золушка ест, тем больше ей хочется спать. И иногда так привыкает, что потом всю жизнь ест да спит, а работу и учебу рассматривает, как неприятный промежуток между сном и едой. Впрочем, мы так много уже говорили с тобой о вреде чрезмерного питания, что получили некоторое количество писем от девочек, которые, наоборот, считают се-

бя недостаточно упитанными, их даже дразнят «спичками».

— Но ведь им надо обязательно ответить? — озабоченно сказала Золушка.

— Конечно, надо, — кивнула Фея, — и я непременно сделаю это в следующий раз. Но надо написать и другим девочкам, чьи письма требуют специального ответа. Поэтому давай-ка заведем с тобой Почтовый ящик. Где Сундучок, там и

ящик, — улыбнулась она, — поставим рядом. Иногда будем открывать Сундучок, а иногда Почтовый ящик.

— А разве не все письма требуют специального ответа?

— Видишь ли, очень часто вопросы, которые задают девочки, похожи на те вопросы, которые задаешь мне ты. И они могут просто прочитать предыдущие наши странички или те, что появятся в будущем.

Дорогая Фея! Ваши упражнения слишком просты для меня. А без тренировки не могу, стала как привычка.

Б. С. Н., г. Ташкент.

Дорогая Фея! Каждый день мы занимаемся гимнастикой. Правда, вначале было трудно, но мы привыкли. Что делать дальше?

Алла Господарик,
г. Борисов, Минская область.

Здравствуй! Я выполняла упражнения, которые вы печатали. Сделаю упражнение, ставлю в тетрадь плюс. За месяц было всего три минуса. Упражнения, которые напечатаны позже, немного легче.

А. В., г. Печора.

— Да, да, — подтвердила Золушка, прочитав письма. — Не-

которые упражнения и мне кажутся что-то очень легкими.

— Это говорит только об одном, — кивнула Фея, — ты делаешь гимнастику регулярно, окрепла, стала спортивней. Вспомни, как ты вначале охала, какими трудными казались тебе те же упражнения. Попробуй-ка теперь вот эти.

Лежа на животе — руки за голову, ступни сведены вместе, — как следует прогнуться (так, чтобы увидела потолок), ноги одновременно тоже поднимаешь как можно выше. Сосчитай-ка в таком положении до тридцати (а постепенно доведи это время до минуты). Отдохни и повтори еще раз. Станешь очень стройной.

Еще три упражнения ты найдешь в раскрытых страницах нашей книги.

НЕОБЫЧНЫЙ ЮБИЛЕЙ

В конце сентября 1985 года в Москве, на улице Горького, в Доме детской книги, было празднично: много цветов, нарядные пионеры и октябрята, оригинальный пирог с цифрой 50, дружеские шаржи высотой в несколько метров. Впервые отмечался юбилей не писателя или поэта, а героя книги, которую в предвоенные годы читали ваши бабушки и дедушки, а сегодня читаете вы. Отмечался 50-летний юбилей знаменитого михалковского Дяди Степы. У каждого человека есть свидетельство о рождении. А у литературного героя? Когда же родился Дядя Степа? Действительно, когда?

А дело было так... 1 марта 1935 года в редакцию журнала «Пионер» пришел молодой поэт Сергей Михалков. Он принес новые стихи. Их читала вся редакция. И было решено: срочно сдать в набор вместе с фотографиями поэта стихи Сергея Владимировича Михалкова. И вот 25 апреля 1935 года журнал «Пионер» с «Дядей Степой» вышел в свет тиражом 50 тысяч экземпляров. И если бы было свидетельство о рождении литературного героя, то там бы стояла именно эта дата — 25 апреля 1935 года, «Пионер» №7. А затем «Дядя Степа» вышел в Детгизе.

В Доме детской книги в день юбилея яблоку негде было упасть. Всем хотелось сказать самые теплые, самые душевные слова о Дяде Степе и авторе стихов. Сергея Михалкова поздравили Анатолий Алексин, Лев Разгон, Ирина Стрелкова, Юрий Яковлев, Андрей Дементьев... И, конечно, юные читатели, которые декламировали отрывки из стихов о Дяде Степе. Журнал «Пионер», на страницах которого родился любимый герой детворы, подарил автору фотокопию первой публикации «Дяди Степы» и дружеский шарж, который теперь будет всегда храниться в Доме детской книги.

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, новый 1986-й!	II обл.
Линия жизни.— Ю. Крутогоров	1
Хлеб.— Стихи Р. Скучайте. Рисунок А. Державина	5
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. А. Мигдал	6
Малая пионерская энциклопедия	9
Пусть посмотрит в глаза граница.— Повесть В. Коржикова. Рисунки М. Лисогорского	10
Утро банкира.— Стихотворение С. Михалкова	22
Путешествие в СССР.— Отрывок из книги С. Смит	24
Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой	26
Салют, Горловка!— А. Маркуша, М. Матвеева. Рисунки Л. Хачатряна	28
Всесоюзный штаб Тимура	
Нину Самойлову мы обязательно найдем!	32
Осторожно — окрашено! — Рассказ Л. Матвеевой	34
Международный конкурс дружбы.— Фотографии Б. Илкова (НРБ)	37
«Кораблик»	38
Встреча у Аничкова моста.— Главы из книги В. Морозовой. Рисунки А. Мелик-Саркисяна	40
Бабушкин альбом. Сундучок. Городская речка. Мост. В деревне. По дороге на рынок. «Еще играет где-то...» — Стихи Т. Белозерова	48
Писатели нашего детства	
Борис Житков.— Л. Разгон. Рисунок Л. Хачатряна	50
На научной волне	52
Новые заботы зоопарка.— Г. Потаповская	56
Точка на карте	
Янтарный город у моря.— Л. Яхнин	58
Переменка	60, III обл.
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Рисунок Н. Доброхотовой	61
Сто советов Золушке.— Рисунки А. Вовиковой	62
Летопись «Пионера»	64
Самая лучшая страна.— Песня Л. Кузьмина и А. Щадилова	IV обл.

На обложке:

«Слава тем, кто идет впереди!» — Рисунок Л. Хачатряна.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, И. Н. НИКИТИН, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА (ответственный секретарь), Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела литературы и искусства), Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет В. П. ДУДКИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1986.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 05.11.85.
Подписано к печати 19.11.85. А 04668. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 850 000 экз. Изд. № 2. Заказ № 1898.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Кое-что по поводу передачи мыслей на расстояние

Если вы еще сомневаетесь, возможна ли передача мыслей на расстояние, или, говоря по-научному, телепатия, то послушайте, что я вам скажу.

Один мой знакомый мальчик, Витя Кукушкин, ученик шестого класса, решил передать на расстояние мысль своим родителям, чтобы они купили ему кассетный магнитофон. Этот самый Витя Кукушкин прочел в научном журнале статью про телепатию и тоже, значит, захотел попробовать себя в этом деле.

Вот сидят они за столом, мать, отец и Витя, обедают, а Витя со страшной силой мысленно передает: «Купите магнитофон... купите магнитофон...»

И что же вы думаете? Мальчик видит, как его мама откладывает в сторону ложку и как-то так очень странно смотрит на сына. Известное дело, женщины легче всего поддаются внушению.

Витя собрал всю свою волю и снова: «Купите магнитофон, купите магнитофон».

И тут он чувствует, что мать телепатирует ему в ответ: «Вот сейчас прямо все брошу и побегу тебе покупать магнитофон».

«Ну не сейчас, а позже, — мысленно передает Витя. — Когда пообедаем».

«А за какие такие заслуги?» — посылает встречный импульс мать.

«Ну Косте Отверткину же купили. И Вадику, и Лешке», — из всех сил сигналил Витя.

А от матери к сыну идут лучи:

«Они без троек полугодие закончили. А Костя Отверткин даже на математической олимпиаде первое место занял».

А от сына к матери еще более сильное излучение:

«Костя Отверткин — зубрила и ябеда!»

А от матери — к сыну:

«А ты просто-напросто лентяй».

«А вам для меня магнитофона жалко».

«Ты еще и нахал...»

В общем, неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы внезапно Витя не почувствовал сильные помехи. Какое-то постороннее магнитное поле вмешалось. И сквозь шум и свист Витя различил слова:

«Давно я что-то у него дневника не проверял... Совсем сыном не занимаюсь... Нехорошо...»

Витя спешно переключил свой мозг в другом направлении и стал отчаянно сигнализировать:

«Не надо проверять дневника, не надо проверять дневника... А не посмотреть ли тебе телевизор, а не посмотреть ли тебе телевизор?..»

Но тут отец встал из-за стола и сказал:

— Спасибо! Все было очень вкусно. А не посмотреть ли нам сейчас твой дневник, сынок? Давненько что-то ты нас не радовал...

Что произошло дальше, вы, вероятно, и сами догадываетесь. Может быть, телепатия действительно существует?

Самая лучшая страна

Музыка А. ЩАДИЛОВА.

Слова Л. КУЗЬМИНА.

Немало хороших есть стран на планете,
Где ласково солнце и радостны дети.
Но всех нам милей и дороже одна
Лучшая в мире — родная страна.

Припев:

Здесь небо спокойно и звезды высоки,
И к счастью дороги прямые и широки.
В стране этой мирной мы дружно живем
И звонкие песни, задорные песни
О детстве счастливом поем.

Тут весело речки по камушкам льются,
У теплых крылечек ромашки смеются.
Здесь мама, и папа, и наши друзья —
Все, без кого нам, конечно, нельзя!

Припев.

И в этой стране по рассветам просторным
Играют, поют пионерские горны.
И алые галстуки ярко горят
На белоснежных рубашках ребят.

Припев.

Весело, задорно

Ф-п.

Пение Сдержанно

Не- ма- ло хо- ро- ших есть стран на пла- не- те, где ла- ско- во солн- це и ра- дост- ны де- ти. Но всех нам ми- лей и до- ро- же од- на.

Мягко Лирично

Здесь не- бо спо- кой- но и звез- ды вы-
Луч- ша- я в ми- ре род- на- я стра- на. Здесь не- бо спо- кой- но и звез- ды вы- со- ки,
- со- ки,
и к сча- стью до- ро- ги ши- ро- ки. В кра- ю э- том мир- ном мы друж- но жи- вём.
и к сча- стью до- ро- ги пря- мы и ши- ро- ки. В кра- ю мы друж- но жи- вём.

И звон- ки- е пе- снi, за- дор- ны- е пе- снi о дет- стве сча-
- стли- вом по- ём. // стли- вом по- ём.